

БАТРАКОВЫЕ МЕМОАРЫ

П. М. МЕДВЕДЕВ

ВОСПОМИНАНИЯ

ACADEMIA

«Воспоминания П. М. Медведева» — одна из самых живых и занимательных книг по истории русского театра.

В театре у П. М. Медведева служили Савиня, Стренетова, Давыдов, Стрельский, Писарев, — да пожалуй что весь будущий Александринский театр, все ядро его талантов было оттуда.

За театральными воспоминаниями Медведева, за хроникой и летописью театральной жизни встает фон всей тогдашней общественной жизни. Перед нами проходит, в сущности, очень тяжелая полоса русского театра, крепко-накрепко прикованная к крепостному быту и укладу.

(Из предисловия)

Петръ Михайловичъ
Медвѣдевъ.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ МЕМУАРЫ

СУДЬБЫ ТЕАТРА И ТЕАТРАЛЬНЫЙ БЫТ
В ОСВЕЩЕНИИ ДЕЯТЕЛЕЙ СЦЕНЫ

СЕРИЯ КНИГ
ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
И. И. НОВИЦКОГО и Евг. КУЗНЕЦОВА

VII

« А С А Д Е М І А »

ЛЕНИНГРАД

1929

П. М. МЕДВЕДЕВ

ВОСПОМИНАНИЯ

**ПОД РЕДАКЦИЕЙ
И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
А. Р. КУГЕЛЯ**

**А С А Д Е М І А »
ЛЕНИНГРАД
1929**

Обложка работы
А. А. УШНИНА

Отдельные выпуски серии
пумеруются в порядке выхода их в свет

Ленинградский Областлит № 22185. Тираж 4100—12 л. Зак. № 1908.
Гос. тип. им. Евг. Соколовой. Ленинград. пр. Красн. Команд., 29.

П. М. Медведев

О ВОСПОМИНАНИЯХ П. М. МЕДВЕДЕВА

«Воспоминания П. М. Медведева» — одна из самых живых и занимательных книг по истории русского театра. Они были первоначально напечатаны (в 1904 — 1905 гг.) в журнале «Театр и Искусство», в выпусках библиотеки под названием «60 лет на сценических подмостках», и к несчастью, за смертью автора, последовавшею в начале 1906 года, остались неоконченными. Едва ли доведены эти воспоминания до трети. Последний сезон, который описывает П. М. Медведев, относится к 1863 году. Когда П. М. Медведев умер, это было для меня двойное горе: я скорбел о кончине прекрасного актера и человека, и горевал оттого, что прекратились его интересные «Воспоминания», в которых так много непосредственности, живого юмора и мудрого беспристрастия; так много простоты и правды и так мало литературных изукрашений и того, что Флобер с презрительным придыханием называл «de la poésie». П. М. Медведев совсем не умел писать. Он до того стеснялся своей орфографии и так называс-

мой литературной малограмотности, что, когда я, слушая его бесподобные рассказы из прошлого русского театра, предложил ему писать «Воспоминания», то он попросил отыскать ему «литературного секретаря», который де со слов его напишет воспоминания. Но я знал, что такие воспоминания превратятся в газетную корреспонденцию и утратят весь свой аромат, как например иссушила воспоминания Стрепетовой редакция М. И. Писарева. Я уговорил П. М. Медведева «попробовать», и действительно он «попробовал» и принес несколько листков, исписанных мелким почерком, очень безграмотных, но до того приятных своею свежестью, что задача моя была лишь в том, чтобы не испортить склада и лада его писаний. К сожалению, должен признаться, что при правке рукописи как секретарем редакции, так отчасти и мною, за спешкой, а пожалуй и вследствие недостаточного внимания, некоторые краски Медведева слиняли, и мы, ничтоже сумняшеся, иной раз заменяли неуклюже-самобытную наивность медведевского письма стертыми, как пятак, литературными оборотами. Но в общем, все же мне кажется основной тон воспоминаний Медведева сохранился, и не так уже много погрешила редакция. «Литературы» осталась самая малость, не более, чем сколько требуют «литературные приличия».

П. М. Медведев писал свои воспоминания целый год. Каждые две-три недели он поднимался по крутой-крутой лестнице винтом в редакцию и приносил свои листки, всегда очень измятые, как обыкновенно бывает у людей, не привыкших обращаться с рукописями. Ему доставляло огромное удовольствие читать потом свои листки напечатанными и, как всем непосвященным, ему казалось, что «обработка» придавала его листкам особую ценность и особое значение. Так как, по меткому замечанию Бернарда Шоу, «все профессии являются заговором специалистов против профанов», то я конечно не разубеждал его. Но в тайне, среди сора и пыли литературного профессионализма, в окружении готовых слов, фраз и оборотов речи я вздыхал иногда по натуральной неприкрашенности его рассказа.

Он писал усердно и аккуратно до ноября 1905 г., когда захворал. Крепкий, как дуб, в свои 70 лет, он быстро свалился. Его поразила какой то очень злой недуг, вроде рака печени. В конце января мы его уже хоронили. Всем было необычайно грустно — подлинно, хоронили историю русского театра.

Медведев не только был прекрасный актер и хороший режиссер — в том старом, давно утраченном смысле слова, когда хорошим режиссером почитался тот, у которого хорошо играли актеры. Медведев был «собираатель»

русского актера, русского театра, своего рода Иван Калита от театра. Почти все, что русский театр дал замечательного и яркого в 70-х и 80-х годах прошлого столетия, было найдено, выдвинуто и возвращено П. М. Медведевым. В его театре служили Савина, Стрепетова, Давыдов, Стрельский, Писарев — да пожалуй что весь будущий Александрийский театр, все ядро его талантов было оттуда. Он искал даровитых людей с любовью, упрямо, настойчиво. По одному слову гр. Соллогуба, что дескать не то в Орле, не то в Калуге — он видел талантливую начинающую актрису Стрепетову, Медведев бросает труппу, театр, жену, детей, закладывает бричку и мчится по ухабам в указанный город посмотреть Стрепетову. И при этом он вовсе не был энтузиастом, горячей головой, пылким любовником театра, а только умным, преданным и рачительным организатором театрального дела. У него была, что называется, «театральная рука». С ним всякий был спокоен. Кто знает свойства театрального дела — этой крайне сложной машины, с очень деликатной системой внутреннего механизма — поймет, как много значит для актера сознание такой «руки», ведущей дело. Настоящим образом, хорошо театр идет только тогда, когда душа актера насыщена авторитетом доброжелательной и справедливой театральной власти. Авар-

хические, своевольные, капризные, актерские выступления — это в сущности проявление инстинкта театрального самосохранения, стремящегося к созданию авторитетной театральной власти. И когда она есть, утихает буйство актерского индивидуализма и нет ничего более легкого, спокойного и плавного, как ход театрального корабля. Вот один из секретов успеха таких людей, как Медведев. В автобиографической статейке П. М. Медведева, по случаю 50-летия его сценической деятельности, озаглавленной «Мое счастье» («Театр и Искусство», № 43 за 1903 г.) Медведев рассказывает о сезоне 1874/75 г., когда подряд сгорели театры казанский и астраханский. В Астрахани настроение от пожаров паническое: в театр публика перестала ходить, «антрепренер приуныл», — пишет Медведев, и затем рассказывает: — «Что же делает моя труппа? Являются ко мне со словом утешения: «все вздор, все переменится, были бы вы, а деньги будут и проч.» Смотрю, у каждого почти узелки, у иных что то завернуто в бумажки. На мой вопрос, что это, с особой радостью развязывают узелки, развертывают бумажки, а там часы, браслеты, кольца, серебро, деньги... «Возьмите, что у нас лишнее». Я не выдержал, зарыдал. Конечно, на отрез отказался. Публика узнала об этом случае, и мне доктор Длужневский сам при-

вез заимообразно триста рублей». В этом актерском порыве, конечно, много было искреннего и доброго, но как оно ни странно, это было и практически правильно и верно — обращение сбережений в руках честного и даровитого театрального организатора в средства для самого дела. Общность сознания у главы дела и у его сотрудников, мысль, что ни ему, ни им, некуда уйти из театра, ибо здесь «дом мой» и нет другой крыши для театрального странника — вот что бросается больше всего в глаза. Вся жизнь от первых проблесков сознания до гробовой доски — в театре. Это также сближает людей театра, не смотря на разницу в ранге, положениях и экономике, как поля бигв сближали солдат и офицеров. Под термин — «рубачи» одинаково подходил и Денис Давыдов, и самый крайний левый фланговой его эскадрона. Актерская армия старого времени кажется своего рода фалангой «театральных рубачей».

За театральными воспоминаниями Медведева, за хроникой и летописью театральной жизни, встает фон всей тогдашней жизни, как на картинах больших мастеров фон сливается с сюжетом, дает ему отблеск, краски, освещение. Эпоха, охватываемая воспоминаниями Медведева — это зенит крепостного уклада и быта, если можно выразиться, «бабье лето», последние золотые денечки николаев-

ской крепостной твердыни и николаевского абсолютизма. Пышно, ярко, жарко, будто и конца нет. Где то за краем горизонта, собирается тучка, но на вид нет конца крепкому летнему дню. Господствует, так сказать, несомнительная истина: церковная религиозность, не допускающая изъятия; патриотизм без ограничения; попечительность начальства, охватывающая всю сложность общественной жизни; сословное деление, являющееся базой социального порядка, подобно тому, как математическая аксиома, является основой счисления, семейная жизнь, со всеми чертами патриархальности, с чадородием, яко «божьем благословением». Сколько беременных замужних актрис! Сколько многочисленных актерских семейств, совместно обрабатывающих ниву театра, как крестьянская семья пашет землю и собирает урожай. На всей жизни лежит печать какого то сексуализма, что то рубенсовское, сочное, крепкое, очень телесное. Вероятно, театральные эңженю были кровь с молоком; под гран-дамами и героинями трещали половицы, когда они величественно выступали по подмосткам. Здоровое чувство плоти проникает жизнь и обнаруживается с какой то наивной грацией. Я подсчитал, что Медведев, на протяжении «Воспоминаний» около 20 раз останавливается на кулинарии. То он рассказывает о необычайной величины сазане,

который, будучи очищен от чешуи и посажен в печку, вышибает заслонку и кувыркается по полу; то сообщает о том, какая живность и по каким ценам была в Астрахани, то повествует о пиршестве в «белом зале», замечавшем актерскую биржу; то о табльдоте, который он давал в качестве распорядителя товарищества членам коллектива. Это не чревоугодие, не сладострастие гурмана. Это приятие одного из существенных элементов жизни. Путешествует ли он пешком, закинув сапоги за спину, катит ли на тройке, плывет ли на барже — всюду он воспринимает, вдыхает, впитывает в себя жизнь, ее чувственно-прекрасную сторону, ее радость. Это — здоровая молодость, расцвет инстинкта, ритм произрастания, которых не знают критические эпохи. Ни рефлексии, ни думы тяжелой, ни вздоха, ни скорбного озиранья! Вся русская литература после-гоголевского периода, являющаяся таким гениальным отражением русской души, в сущности представляет сплошную цепь мучительных вопросов на самые естественные человеческие действия: хорошо ли что я ем жареную тетерку? не грешно ли что выпил? И правильно ли что люблю и ищу женщину? И что подумает об этом экклезнаст? И имею ли я право сказать, что экклезнаст для меня необязателен?

И вот книга, которую написал актер, хотя и учившийся на медные деньги, но самым делом своим, казалось бы прикованный к разным психологическим вопросам, и в этой книге рассказывается о жизни человека так же просто, как она течет и совершается, т. е. с высокими моментами художественной, творческой, созидательной радости, но вместе с тем с обедами, ужинами, стерляжьей ухой, бутылкой вина, женой и женщиной, с шубой, которая грела в мороз, и которую чуть было не украли. Жизнь обращена лицом в сторону действия, а не рассуждения. В одном из писем к Фету в начале 80-х годов, Толстой пишет как то: лето мол очень хорошо: старался я, упирался, а красота меня поборола. В этом бореении с красотой весь Толстой — максимум русской самоотравляющей мысли — и следом за Толстым тысячи и миллионы самоотравляющихся сомнениями, унылых постников и гамлетизированных моллюсков.

Искусство имеет тот же физиологический хребет, что и жизнь. Оттого реализм в искусстве и является единственно верным — при всех тончайших порою видоизменениях и оттенках — путем творчества. И особенно в театре, потому что в театре самое значительное и важное — это плоть: лицо, фигура, движение, речь, то, что можно ощутить, услышать, увидеть. Актер — это не абстрагирован-

ное представление о человеке; это — сам человек. И обстановка это не воображаемые линии, а вещные. Стул должен быть в театре стулом, если его хотят понять, а стакан должен быть стаканом или вполне походить на стакан. Поистине можно сказать, что в театре только то и доходчиво, что трепещет жизнью. Театр, в противоположность музыке и живописи, в высшей мере сексуален; он чувственно воспринимает жизнь, и чувственно же ее воспроизводит. И мне думается, что сила прежнего актера, его сценический реализм, его психологическое здравомыслие при передаче ролей, что все это естественно вытекало из чувственного восприятия жизни им самим, что когда человек любит сазана и карася («я пантеист—я и карася люблю», говорит какой то герой у Горького), и заход солнца, и костер, на котором варилась уха, и рюмку водки, и свою жену, неукоснительно приживая с ней детей, когда он не только все это любит, но и открыто, ясно, наивно и просто ему отдается — в человеке именно развивается чутье жизни, действительности, и не в судорожном и искривленном, а и в верном ее отражении. Ясные души, ясные речи, ясные поступки, ясные побуждения; простое чувство голода; простое восхищение женщиной; простые страсти и простое столкновение страстей — все то, что неотразимо

действует на театральных подмостках и отсутствие чего вызывает в зрительном зале тоску и уныние — здесь налицо, в этих листках «Воспоминаний». Это — реализм. Реалистический рассказ; душевный строй реалиста. И конечно, реализм не создает искусства, но он драгоценный ключ к нему.

Я не видел Медведева на сцене в пору его наибольшего расцвета. Да и выступал он, сравнительно, не очень часто. Мне казалось даже иногда, что краски его игры были тускловаты, словно затемнены, как на картинах фламандской школы. Но это была замечательная правда, простота, сдержанность большого мастера. Рисунок роли отличался определенностью, точностью, ясностью установки, — всеми теми свойствами, которые все реже и реже встречаются на сцене, после того, как реализм стали называть «натурализмом» и разменивали его на мелочь и крохоборство придуманных деталей. Образцом и учителем Медведева был Пров Садовский, о чем он и упоминает в своих воспоминаниях. Это, если позволено будет так выразиться, «синтетический реализм», дающий ярко типический основной тон, которым как лейт-мотивом пронизана вся гармония игры и которому аккомпанируют — только аккомпанируют — редкие подробности житейского подобию. Отсюда незабываемость впечатления и легкость и радость

восприятия зрителем сценического образа. Вот таким образом мне запомнились многие роли Медведева: городничий в «Горячем сердце», дьяк в «Димитрии Самозванце» и т. п. Была область, где Медведев не знал соперников—это молюеровские роли. Утверждают, что Коклэн необыкновенно играл Мольера. Однако Медведев мне нравился гораздо больше. Коклэн играл согласно распространенному мнению, будто Мольера следует играть с большой долей дурачества, как буфф и гротеск итальянского балагана. Но ужимки, прыжки, весь арсенал коклэновских приемов на мой взгляд, совсем не были смешны. Во всем этом не было свободной и резвой, на наш взгляд, откровенности. Если бы даже, с точки зрения исторической верности, как «реконструкция» молюеровского театра, это было бы документально бесспорно—все равно мы уже не можем, не в силах, по утонченности наших чувств, воспринимать так Мольера: мы должны пропустить итальянский балаган через призму литературной экзегезы и художественной перспективы, в которых воспитаны. Именно так и играл Медведев—с тонким юмором, с наивной убежденностью. Он верил в Сганареля и сливался с ним. Как был великолепен Медведев в «Вынужденном браке» («Хоть тресни, а женись»)! Впечатление оставалось совершенно незабываемое.

К этим старым фигурам как нельзя более шли и его несколько потускневшие старые краски. Казалось, что поднимался задний занавес, и где то, на далеком плане, среди дорогих гобеленов, выдвигались, в неярком освещении сальных свечей и масляных ламп, люди XVII века, и живые вели между собой разговоры, потом стихали и уходили снова в стену старого гобелена, к девушке, вытканной на ковре и подносившей цветок храброму рыцарю, в то время как маленькая козочка щиплет поблизости траву.

О, идилия! О, наивность! «Музыка, музыка, чорт с тобой!» — писал как то Беллинский, бессильный противостоять ее очарованию и бессильный воплотить ее мечту. С таким же отчаянием хочется воскликнуть, вспоминая старых актеров: «наивность, наивность, чорт с тобой!» — и в этом восклицании излить всю тоску современной души, изгнанной из рая наивной веры и наивного созерцания жизни.

Где наивность Островского? В ком? Кто вернет утраченное целомудрие? Кто соединит разорванные половинки человеческой души? Кто склеит, сростит края болезненного надрыва? Так и в актерском искусстве. Кто знает цельность настроения, веру в жизнь, проистекающую из догмата, и веру в догмат, проистекающую из жизни?

В Медведеве ровным светом сияли зарницы великих, наивных портов сцены, Прова Садовского, Мартынова, Васильева. Я намеренно не упоминаю ни Щепкина, ни Мочалова. В первом уже было немного фаустовского изучения—*habe nun Philosophie und Medizin und leider auch Theologie studiert mit heissem Bemüh'n*, как гласит начало «Фауста». В Мочалове была бессознательная стихия. А у тех, названных великих актеров, и не только у них, а даже у обыкновенных Геннадиев Несчастливцевых, была вера. Вера простых дел, простой жизни, простого и радостного искусства. Оттого они были крепки, что дуб, и на сцене и в жизни.

Медведев рассказывает, как ребенком он первый раз попал в театр. «Вдруг стена (второй занавес, видимо) пошла вверх, и вот я увидел множество архиереев, священников, диаконов (видимо, боярские костюмы). Я встал, начал креститься и класть земные поклоны».

Так вошел Медведев в театр. Таким же благоговением к театру была проникнута вся его жизнь. Это глубокое, как бы религиозное чувство, этот пиетет к театру проходят красной нитью через все его воспоминания. Он не скрывает и не пытается скрыть молодые свои увлечения и страсти. Но над всем этим господствует высший, непоколебимый закон — театр. Потехе — время, делу — час,

и самый большой, самый длинный час. Подобно многим людям прошлого, он обладал драгоценной способностью бодро трудиться и весело жить. Чувственное приятие жизни и искусства вело к оптимизму, обратно экклезиастовой мудрости, гласящей «суета сует и всяческая суета». Именно ослабление реального восприятия жизни приводит к унынию, пессимизму и художественному бесплодию. Этот оптимизм чувствовался у всей школы артистов, выросших под крылом Медведева: — у Давыдова, Савиной и др. И потрясающие драмы, которые они порой разыгрывали, вели к тому же впечатлению: жизнь, жизнь! И в этой страсти к жизни, в этом упоении жизнью была резкая черта отличия от искусства — искусства ли? — нового актера надрывных форм и ноющей тоски (как например Комиссаржевская, у которой было много даров, но не было «чувства юмора» по английскому выражению). Юмор — также форма приятия жизни и приспособления к ее несовершенствам.

В «Воспоминаниях» П. М. Медведева перед нами проходит, в сущности, очень тяжелая полоса русского театра, крепко-на-крепко прикованная к крепостному быту и укладу. Низкое, социальное положение актера, бесправие, произвол администрации, отсутствие культуры в театральной среде и обстановке, грубость нравов, случайность, необеспеченность суще-

ствования. Но все это ушло так далеко, так смягчено далью прошлого, что занимает мысль и воображение как исторический роман, без всякого оттенка возмущения: погружаешься в мемуары, словно в теплую ванну. Они успокаивают, унимают раздражение, причиняемое действительностью. Именно такого рода мемуары приятно читать — как отход в даль, как погружение в сказку, в седую сагу. Мемуары должны быть подобно диккенсовскому святочному рассказу: потрескивает камин и, закрыв глаза, слушаешь трогательную историю. И чем больше завывает ветер за окном и клубится сырой туман, пронизывающий запоздавших пешеходов и отверженцев улицы — тем приятнее слушать и чувствовать тепло, тепло рассказа и тепло камина. Много раз у Медведева прорывается восклицание: «Ах, молодость!». Но и молодость, т. е. воспоминание об ушедшей молодости есть рождественский рассказ того, кто вспоминает свою жизнь.

Вот почему я с любовью вторично перечитал эти «воспоминания» старого актера. Кое что сократил — что было не жалко — преимущественно подробные характеристики малоизвестных провинциальных актеров. Затем дочитал до конца и с тоской вспомнил, что продолжения нет и быть не может. Воспоминания — отрывок жизнь — отрывок, и все

мы—отрывки... И для того, чтобы эта холодная и печальная мысль не бороздила сердца, надо почаще слушать трогательно-наивные рассказы из прошлого и греться у камелька воспоминаний.

А. Кутель

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О П. М. МЕДВЕДЕВЕ

Петр Михайлович Медведев родился в Москве в 1837 г. Отец его был мелким чиновником в одном из московских департаментов, вообще же, семья Медведевых издавна принадлежала театру, и дед П. М. был актером в конце XVIII века. Около 60 лет проработал Медведев на сцене — в качестве актера, режиссера, руководителя товарищества и антрепренера. Антрепренерская деятельность Медведева протекала главным образом на Волге—Казань, Саратов, Астрахань и т. д. — и оставила неизгладимый след в истории русского театра конца прошлого века. Он необычайно для своего времени поднял значение театра в провинции и содействовал образованию целой плеяды блестящих актеров. Начало антрепренерской деятельности Медведева было положено в Саратове, затем 4 года он держал театр в Самаре. В 1866 г. он снял казанский театр, во главе которого стоял 6 лет. После скитаний по разным городам, Медведев снова вернулся в Казань, где обновил новое здание театра оперой. Около 15 лет после этого Медведев антрепренерствовал в Перми, Харькове, Киеве, Екатеринбурге и крупных волжских городах. Дела шли с переменным счастьем. В 1889 г. Медведев окончательно оставил антрепризу, год служил в театре Корша, после чего был приглашен в Александринский театр сначала главным режиссером, а затем, оставив эту должность, до самой кончины служил в Александринском театре в качестве

актера на комические и характерные роли. Из выдающихся ролей П. М. Медведева, сыгранных в Петербурге, назовем цикл мольеровских ролей, Петра Петровича Петуха («Мертвые души»), Градобоева («Горячее сердце»), эскутора («Дело» Сухова-Кобылина), подъячего («Генеральша Матрена») и проч.

Петр Михайлович был актер-общественник. Он много сделал для русского Театрального Общества и принимал деятельное участие в актерских съездах и конференциях.

Сын П. М. Медведева Петр Петрович был также долгое время антрепренером, преимущественно в сибирских городах.

Женат был П. М. Медведев два раза. Второй раз на актрисе Александринского театра — Глинской. Медведев скончался 30-го января 1906 г. Могила находится на кладбище Александро-Невской лавры.

ДЕТСТВО

Театр! Это — чуть ли не первое слово, которое я в жизни услышал. Правда, отец и мать не принадлежали к артистическому миру (отец служил в сенате), но многие родные служили на сцене и, вообще, вся наша семья только и жила, что театральными интересами. Из ближайшей родни тетка Акулина Дмитриевна некогда служила в императорской драматической труппе, ее дочь, Надежда Михайловна,¹ была воспитанницей театральной школы, а другая тетка Екатерина Дмитриевна, служила в балете. Она же была замужем за бывшим главным режиссером оперной и драматической труппы, Силою Лукьяновичем Кротовым. В те времена по семи режиссеров на

¹ Медведева Н. М. занимала очень видное место в труппе Московского Малого Театра. Она считалась в свое время выдающейся актрисой на роли кокет, а позднее гранд-дам, и принадлежала к тому поколению актеров, которому так много обязано позднейшее, только недавно сошедшее со сцены. Так покровительством и попечением Медведевой пользовалась Ермолова, с которой Медведева в первые годы усердно проходила все роли.

одну труппу не полагалось, и Сила Лукьянович режиссировал и в драме и в опере один.

Помню его уже в отставке. Вечно лежал он на кожаном диване, седой, с бородой клочьями, воспаленный, желчный, и вечно без толку кричал на всех. Особенно доставалось мне и Коле, моему ровеснику, его младшему сыну. Он жил пенсионером и был разбит параличем. Говорили, он не в меру усердствовал на службе, имея характер энергичный и пылкий.

Все три семьи жили в одном доме. Дядю и теток навещали иногда артисты, что постоянно производило суматоху. Нас удаляли в одну из комнат и запрещали выходить оттуда.

— Михайло Семенович (Щепкин) приехал!

Разумеется, мы не очень то слушались и непременно высунемся взглянуть на маленького, толстенького старичка, каким был тогда Щепкин.

Однажды в доме так засуетились, что забыли вовремя удалить нас, и я очень хорошо помню явление господина среднего роста, с большими черными глазами, длинными волосами и бледным лицом, в медвежьей шубе, надетой в один рукав. Не раздеваясь, он ввалился в комнаты дяди и зычным голосом воскликнул:

— Здравствуй, Силка! Давай хересу, выпьем и потолкуем.

Это был знаменитый трагик, Павел Степанович Мочалов¹.

К нам часто приходила моя кузина Надя. Она являлась с подругами, воспитанницами театральной школы. Разговоры, конечно, вертелись все на одном: театр, школа. И я, следовательно, очень рано стал задумываться над тем, а что, мол, это такое — театр?

Однажды в праздник, в царский день, мать объявила, что меня возьмут в театр. То-то была радость! Поехали в Большой театр. Боже, сколько народа в коридорах! Одни идут вверх по лестнице, другие спускаются вниз. А когда открылась дверь, и я увидел что то очень большое, высокое, освещенное, переполненное людьми — я совсем растерялся... Вдруг стена пошла вверх, все выше, выше, и вот я увидел множество архиереев, священников, диаконов (вероятно исполнялся гимн, и труппа была в боярских костюмах), сильно заиграла музыка, и все

¹ Мочалов, Павел Степанович — знаменитый трагик, сын тоже выдающегося трагика, Ст. Мочалова. О Мочалове см. монографию А. Ярцева и очерк А. Р. Кугеля в книге «Театральные портреты», в которых собраны биографические сведения, с одной стороны, и отзывы критики, современников, историков, публицистов и пр. с другой.

В дальнейшем, о тех актерах, которым дает более или менее исчерпывающую характеристику П. М. Медведев, мы примечаний делать не будем.

запели... Я не выдержал, встал, начал креститься и класть земные поклоны. Отцу с матерью стоило не мало труда усадить меня на место. Потом на сцене что то говорили, пели. Мне понравились более всего пение и музыка. Только впоследствии я узнал, что я был на представлении «Аскольдовой могилы».

Театр так сильно подействовал на мое воображение, что чуть ли не со следующего дня я забрался с Колей, которого, конечно, посвятил во все мною виденное, на чердак и там мы стали давать свои представления.

Одно из них окончилось для меня печально: не довольствуясь своей одеждой, мы с Колей решили позаимствоваться костюмами у родителей. Коля раздобыл отцовский сюртук, а я, не задумываясь, унес у родителя всю аммуницию чиновника Вотчинного департамента и даже пряжку за беспорочную службу. Нарядились мы с Колей и отправились на сеновал, помещавшийся над каретным сараем. Прыгали, скакали, словом, проделывали весь наш спектакль, как вдруг половида выскочила, проломилась, и я полетел вниз, в каретный сарай. Первый провал в моей жизни! Конечно, крик, сбегалась прислуга, тетки, мать, едва меня, семилетнего артиста в чиновничьем вицмундире, привели в себя. Впрочем, дальнейших последствий этот провал не имел.

Сестра Анна Силовна пела. Тогда любимой оперой была «Аскольдова могила». Сестре нравилась партия Торопки. Я часто слышал, как она напевала: «Близко города Славянска» и «Уж как веет ветерок». Сейчас же и я стал распевать эти арии во время своих представлений на чердаках. Об этом узнали родители, и когда у них бывали в гостях папины сослуживцы, то неизменно приглашали меня на гастроль. И, конечно, за некоторое вознаграждение. Мудрено ли, что вскоре во мне признали актерские способности, а я только и мечтал о том, чтобы меня отдали в театр.

Тетка Акулина Дмитриевна энергично стала на мою сторону, тем более, что брата Колю тетка Екатерина Дмитриевна давно решила поместить в театральную школу. Отец поморщился, но без особого труда сдался, и судьба моя решилась. Акулина Дмитриевна, в марте 1845 года, посадила меня с Колей на извозчика и повезла в императорское театральное училище, находившееся тогда на углу Дмитровской и Газетного переулка.

Вошли в большой зал с колоннами. Вижу: много мальчиков и девочек. Тетя объяснила, что и эти явились поступать в школу. Поставили новобранцев в линию: направо — девочек, налево — мальчиков. Кто то вбежал, крича: «директор, директор, когда войдет — кланяйтесь!...». Растворились двери на обе

стороны, встали два господина с лампасами, во фраках, обшитых золотом, наконец, появилась полная фигура с бакенбардами, со звездой, орденами, за этой фигурой десяток чиновников при орденах (после я узнал, что с директором были тогда управляющий московскими театрами Васильцевский и инспектор репертуара Ал. Ник. Верстовский).

Прием происходил без всякого экзамена, а просто — «на взгляд». Директор обходил линии и говорил: «этого принять», и «этого не надо»; дежурный чиновник, согнувшись в три погибели, ловил приговоры начальства на лету и записывал. Я и Коля, вероятно, родились в сорочке: его превосходительство повелели принять; спросили, умеем ли мы читать и писать, явились учителя, мы что то почитали с ними, потом пописали, и дело было сделано.

На другой день велели явиться на житье в школу.

Я был очень религиозен. Накануне переезда в школу, я отправился ко всеобщей, поблагодарил бога за то, что меня приняли, а кстати пожелал узнать — поминают ли на эктении нашего директора: очень уж он мне показался важным. Спросил тетю, как зовут директора. Оказалось: Александр Михайлович. Я стал с особым вниманием прислушиваться к эктении; но увы! не поми-

нали нашего генерала... Это было для меня разочарованием...

Наконец, мы в школе. Помещение для воспитанников и по тем временам показалось бы убогим. Три небольшие комнаты для двадцати мальчиков. Кормили, однако, не дурно. Дня через два нас одели в танцевальное платье и отправили в танцевальный зал к мадам Герино. Начали нас ставить в позиции, класть ноги на станки. Признаюсь, мне это искусство с первого раза не очень понравилось.

Из наук мы проходили весьма немного: читали по книге и писали палки. Только было начали арифметику, как нас уже распустили по домам, должно быть перед пасхой, а после пасхи нам объявили, что школа для мальчиков совсем закрывается, и остается только школа для девиц.

Сюрприз! Таким образом, я попользовался казенным хлебом едва ли более двух недель.

Но нас не совсем оставили на произвол судьбы, а лишь сделали всех приходящими, т. е. эскетернами.

Танцкласс перевели в фойе Большого театра.

Учитель приходил с палкой, а за ним следом шел музыкант со скрипкой. Как солдаты выстраивались мы в линию, человек по восемь в ряд, и таких линий было в мое время до десяти; если же к нам присоединя-

лись и воспитанницы, то конечно, больше. Музыкант что то пиликал, на редкость скучное, учитель командовал, мы добросовестно старались выделывать «батманы», «ште», «асамбле» и проч., а так как дело это нелегкое, то на нас сыпались палочные удары. Палка! О, это была наша главная учительница танцев! И как ловко и незаметно скользила она по мягким частям тела...

Класс продолжался час, а иногда и два.

Старшими учениками были: П. В. Васильев 2-й (впоследствии известный артист), не имевший никаких способностей к танцам, но зато наделенный комическим лицом и еще более комической фигурой: небольшого роста, полный, с большой головой, густыми волосами; к тому же он шепелявил. Это был наш главный «смешила» — амплуа, впоследствии перешедшее ко мне. Затем назову: А. А. Рассказова (известный артист), Черневского, Кондратьева. Из балетных, впоследствии знаменитых танцоров, учились И. А. Ермолов, С. Соколов, Л. И. Иванов (балетмейстер), А. Д. Чистяков, Бубнов, Герасимов. Многие из них потом перешли в петербургский балет.

Из воспитанниц тогда учились: А. И. Григорьева, впоследствии талантливая артистка Малого театра, известная под фамилией Колосовой, балерины Надежда Богданова, П. Лебедева, Карпова (солистка), А. В. Егорова.

Экстерны делились на три разряда. Новички поступали в третий разряд, за успехи их переводили во второй разряд, перед выпуском на жалованье переводили в первый разряд. Второй и первый разряды, если они участвовали в спектаклях, получали за спектакль, за роль или за соло в балете, по два рубля, а за выход—по рублю (на ассигнации). Заманчивы были эти рубли, и они заставляли нас усердно учиться, чтобы только скорее попасть во второй разряд. Когда достигали этого счастья, начиналась забота о том, чтобы чаще занимали в спектаклях. Не хуже настоящих актеров умели мы узнавать репертуар, всегда знали вперед, в каких пьесах нужны мальчики, отлично умели пользоваться всякими средствами, чтобы попасть в оперу или балет, не давали проходу помощнику режиссера, мальчикам, служащим при режиссерских канцеляриях, которых подкупали булками, словом, бились, как могли, из-за дразнивших наше воображение рублей. Быть занятым в спектакле составляло мечту каждого мальчика: во первых, репетиции сами по себе доставляли большое удовольствие, так как там и пошалить можно было, да и воспитанницы интересовали, а в довершение благ на репетициях неизменно присутствовал булочник, у которого в кредит мы брали вкусные пироги и колбасу.

Спектакли также доставляли не мало удовольствий: костюмы, гримировка. В особенности я любил роли арапчиков, чертенят; этот грим мной обыкновенно не стирался, я в нем являлся домой и с большим для себя наслаждением пугал свою прислугу и домашних. Дневные спектакли были особенно привлекательны: идешь загримированный домой по Охотному ряду, мальчишки бегут за тобой, дразнят, прохожие не знают, что и думать, иные бранятся — это ли не удовольствие?

Шалости шалостями, но нельзя отрицать, что участие в спектаклях приносило нам и большую пользу. Именно на репетициях, большею частью бессознательно, мы сами из себя вырабатывали будущих артистов. Репетиции были для нас полезнее всяких лекций. Мы с детства, благодаря этим репетициям, приучались, как должно носить костюм, как ходить, стоять на сцене, мы просто приучались к сцене, приучались преодолевать страх перед публикой... Мы к тому же видели там хороших артистов, слышали замечания режиссеров. Кто из нас хотел, тот многому мог тут научиться. Мы невольно делали практическими сцены. Мы приучались к оркестру, к танцам, запоминали оперные мотивы, подробности постановок опер, балетов, пьес; декорации, машины, марши, эволюции, сражения, — все это на практике усваивалось нами

и многими весьма основательно. И как эти практические уроки впоследствии пригодились! Когда я попал в провинцию, я умел ставить и оперы, и балеты, и какие угодно драмы. Ведь не танцкласс же меня этому выучил!

Впрочем, и танцкласс необходим. Актер должен быть ловок, изящен, иметь манеры. А этому не научиться без танцев. Да и вообще танцы нужны драматическому актеру. Помню, один из современных артистов, играя Скалозуба, в конце третьего действия не вальсирует с Софьей. Почему? Не умеет! Разве это допустимо? Часто также приходится слышать: — «я фехтовать не умею», «я не гимнаст» — разве это отговорки для настоящего актера? Нет, в наше время мы пели, танцевали, играли и все, что угодно, делали для сцены.

В мое время экстерны были поставлены дирекцией как то странно: учили нас почти только танцам; от танцев отставляли только тогда, когда обнаруживалась полная к ним неспособность ученика, но и то нужна была протекция. Отставленного от танцев мальчика учили на каком нибудь инструменте для оркестра или медного хора. В виде редкого исключения отдавали учиться драматическому искусству.

Когда по пьесе требовалось пение мальчиков, принимались учить пению. Преподавали

гимнастику и фехтованье. Об общеобразовательных предметах не было и речи, да и никто их и не спрашивал; предполагалось, что учимся и воспитываемся мы дома.

Повторю, больше всего способствовали нашим успехам образцы, виденные нами на репетициях и спектаклях. Смотреть спектакли зависело от самоуправства старшего дядьки Силина. От него зависело дать просящему экстерну пропуск в галерею или не дать. И, надо отдать ему должное, он очень редко кому давал пропуски, разве только своим знакомым.

Помню, как я умолял капельдинеров галерей, чтобы позволили посмотреть пьесу, хоть с последней скамьи. Если не удавалось отправиться за кулисы, или оттуда прогонят, заберешься в круг, где висела люстра, и сидишь, притаившись. Но уж зато я не пропустил ни одного спектакля, ни одной репетиции, в особенности драматических, разве что был сам занят на сцене.

В первый год моего пребывания в школе меня назначили в балет исполнять амурика. Роль была небольшая, но страшная: надо было стоять высоко-высоко, в облаках.

Как то однажды явился в класс инспектор Л. Н. Обер в сопровождении незнакомого господина и стал выкликать нас по списку.

Оказалось, что выбирали во французскую труппу для пьесы, где нужны школьники. Эта пьеса потом была переведена на русский язык и играется до сих пор под названием «Школьный учитель». Я был выбран. Месяца два нас учили шалить по французски, немногим французским словам и пению. Французские слова нам написали русскими буквами, и дело пошло на лад. Водевиль этот часто шел у французов, и мы блаженствовали все это время, тем более, что нас просили шалить как можно больше. То-то наслаждение!

На следующий год меня перевели во 2-й разряд. Наш инспектор показывался в классы только изредка. Зато по субботам он был аккуратен. Жестокое субботы! В этот день мы дрожали в ожидании Обера. По его приходе Силин подавал ему список шалунов, лентяев, драчунов, грубиянов. Их вызывали, Обер обращался к ним с несложной и каждую субботу одинаковой речью на тему о том, что они не уважают своего начальства и приказывал Силину действовать. Ну и действовал же Силин! По фельдфебельски!..

Великим постом происходили экзамены, главным образом по балетному искусству. Иногда, впрочем, игрались водевили, в которых отличались П. В. Васильев, А. А. Рас-

сказов, Н. А. Ермолов (отец М. Н. Ермоловой, впоследствии замечательный суфлер). С П. В. Васильевым однажды был курьезный случай. В Москве тогда назначили перепись. А. М. Гедеонов предложил экстернам из податного сословия (крепостных), дабы скорее избавиться от зависимости, выпустить их раньше срока, хотя и с меньшим жалованьем, а именно — на 50 рублей в год. Многие согласились, в том числе и П. В. Вскоре он получил приглашение от одного провинциального агитатора и стал хлопотать об отпуске. А. Н. Верстовский согласился и дал ему отпуск на год, но с тем, чтобы через год он приезжал дебютировать в Москву. П. В. увлекся успехами в провинции и пробыл в отпуске два года. Когда он возвратился в Москву и стал просить у Верстовского дебют, то дебют ему дали, но какой? Тогда был обычай ставить перед балетом, для съезда публики, водевиль. Никто этими водевилями не интересовался, да никто их и не слушал: поминутно входили в зал, искали места, громко разговаривали. Вот П. В. и выпустили в одном из таких водевилей, а именно — в «Любовном зелье» в роли Жана Бижу. А. Н. Верстовский приехал смотреть его и сел в директорскую ложу. Я видел игру П. В. По моему, он играл хорошо. Но Верстовский призвал П. В. в контору и сказал:

— Ну, братец, провинция тебя совсем испортила, ломаешься, форсишь. Сколько получаешь жалованья?

— 50 рублей в год.

— Если хочешь оставаться в императорском театре, то я тебе более 25 рублей в год дать жалованья не могу. А лучше всего, поезжай, братец, опять в провинцию.

П. В. так и сделал. Служил там долго. В Харьков приезжал как то на гастроль. А. Е. Мартынов¹, посмотрел П. В. и сказал: «ну, батя, я не жилец на этом свете, дебютируйте у нас в Петербурге в моих ролях». А. Е. скоро, действительно, скончался. Дирекция пригласила на его амплуа П. В., и он много лет потом был любимцем и украшением петербургской труппы.

Когда у меня определилось тяготение к драме, я начал учить разные роли. У моего однокашника — друга Алексеева — устраивались на Софийке спектакли. Мать его имела цветочный магазин. Мы этот магазин, когда в нем не было торговли, превращали в театр. Из экстернов же мы сочинили декораторов,

¹ Мартынов, Александр Евстафьевич (1816 — 1860) — знаменитый артист петербургской сцены — едва ли не самый гениальный актер петербургского театра. Великий комик и драматический талант одновременно. Известен юбилейный обед, данный литераторами в честь Мартынова.

машинистов, и дело у нас пошло. Я ходил по Никольской улице, покупал пьесы. Купил за три копейки «Хиромантика», соч. А. Сумарокова и водевиль «Иван Семенович Хватайкин». За этот водевиль заплатил целый пятак. Между моими сверстниками я оказался одним из способных, так что г-жа Алексеева и ее знакомые, цветочницы, меня одобряли. А однокашники прямо говорили: «Петька, ты чего не просишь драматического экзамена? Проси! Ты, брат, хорош». Взвинченный такими комплиментами, я набрался смелости и стал просить нашего инспектора Л. Н. Обера. Но тут случилась рассказанная история с П. В. Васильевым. Она напугала меня и я перестал настаивать.

ИЗ ШКОЛЫ В ТЕАТР

1853 год на мою последующую жизнь имел большое влияние. Все более и более увлекаюсь драмой, я стал манкировать своими занятиями в танцевальном классе. Больше всего я мечтал о провинциальном театре. Я только и думал о том, как бы уехать в провинцию. Книжки, журналы, газеты, в которых писалось о провинциальном театре, буквально проглатывались мной. Когда я узнал, что мало-российский актер Т. М. Домбровский набирает труппу для Чернигова, я напустил на себя смелости, отправился к нему и со слезами начал умолять, чтобы он взял меня с собой. Он сжалился и предложил мне... 5 рублей в месяц жалованья с тем, чтобы я все делал, что он прикажет. Конечно, я с восторгом согласился, о чем и объявил отцу, матери и тетке. Они меня, конечно, не пустили, сказав, что на 5 рублей жить нельзя. С отчаянья я опять принялся за танцы.

Не помню, которого числа, в марте месяце кажется, на третьей неделе великого поста,

было очень холодно, я должен был идти в класс. Матушка предложила мне надеть отцовскую старую шубу. В 9 часов утра я был на месте. Прошел через сцену Большого театра в уборную и начал раздеваться, снял шубу, верхнее платье. Слышу, рядом разговаривают мальчики про разные случаи при пожарах. Через минуту слышу крик: «Спасайтесь! Сцена горит»! Я крику не поверил, потому что и десяти минут не прошло, как я шел через сцену. Не чувствовал ни дыма, ни гари. Полагая, что это продолжение разговора о пожарах и что кто-нибудь из мальчуганов хотел пошутить, я тоже принял участие в шалости: выскочив из уборной, стал бегать по коридору, с криками: «Да! горим! горим»! — затем добежал до двери на сцену, отворил ее, и что же?.. Я увидел огненное море! Все горело, рушилось, деревянная лестница вся пылала в огне. Еще секунда и со сцены в наш коридор ворвались тучи дыма, послышались вопли отчаяния. Мы как угорелые побежали на каменную лестницу, добежали до площадки, которая вела на сцену. Площадка всегда была заставлена пристановками разных декораций. Они уже горели. Мы побоялись проскочить сквозь огонь вниз и бросились опять наверх, но там дышать было нечем. Мы задыхались. Начали выбивать у окон стекла. В это время я увидел в углу жолоб. Моментально вы-

шибли раму у окна, которое находилось близко к жолобу. Перекрестясь, начали спускаться. Помню мысль: «а что если жолоб доведен только до половины, придется прыгать, и конечно, умереть». К счастью, оказалось, мы держались за полосу железа для громоотвода. Хорошее чувство охватило меня, когда под ногами я почувствовал твердую почву. Я упал на колени и горячо помолился. Такое чувство пережил не я один: нас было не менее 25 человек. С какой радостью мы кричали спускающимся, чтобы они не боялись, что жолоб идет до земли. Вид и костюм у меня были ужасны, — не забудьте, что я был почти раздетый! Мой приятель Алексеев жил близ театра на Софийке. Я в моем костюме добежал до его квартиры. Мать Алексеева приняла во мне участие. Меня натерли уксусом, обогрели, напоили малиной, переменили белье, отерли кровь на царапинах, дали мне женскую кацавейку, платок, посадили на извозчика и отправили домой. Конечно, все обрадовались моему спасению, хотя отец все таки сказал. «Чтоб тебе, дураку, шубу то захватить!» Вечером я побежал к театру. Чуть не из всех оков были видны огненные языки. Крыши уже не было. Были слышны взрывы. Стояло множество народа. Шли разговоры про подвиг Марина, который при помощи веревки влез на фронтон театра и спас с крыши

погибающего человека. Насчитывали много погибших рабочих, сторожей, в особенности из тех, которые находились на колосниках сцены. На другой день пожара на колоннах черной краской было крупно написано: «сожгли театр Г...и В...»¹. Недели через две в одном из уцелевших боковых фойе обгорелого театра наши классы возобновились.

После пожара классы танцев стали назначаться редко, вообще, как то все приуныло. В это время я подружился с сыном нашего квартального поручика Павлом Корчагиным, баловнем своей матери. Павел очень ко мне привязался и все приставал — не нужно ли чего? Я на Тверской в витрине давно облюбовал ярко зеленого сукна пиджак и предложил Павлу купить мне этот пиджак. Он исполнил мне мое желание. В продолжение всего лета я щеголял по Москве в желанном пиджаке, щеголял до того, что меня начали дразнить: «Вон зеленый идет».

Этот зеленый пиджак устроил мне счастье.

¹ Большой театр в Москве сгорел 17-го марта 1853 г. Убытки были вычислены в 10 миллионов рублей! Цифра явно преувеличенная. Перестроен был театр архитектором Кавосом, обошелся всего в 900.000 рублей и был закончен в 1856 г. Вместимость Большого Театра — 2300 человек. В этом виде Большой Московский театр существует и поныне.

В 1851 г. в московскую драматическую труппу был принят актер любитель Иван Михайлович Никулин. Поступление нового члена в труппу тогда считалось событием. Про Никулина в театре много говорили. Рассказывали, что он сын любви одного богатого аристократа, что отец для него устраивает в Павловском посаде спектакли, что в этих спектаклях участвуют с Никулиным все лучшие силы московского театра. Что за дарование было у И. М. — судить трудно, но ему давали ход. Я помню, он часто играл водевиль: «Нет действия без причины». Вскоре он женился на Любви Павловне Косицкой. Потом из газет узнаю, что А. П. Косицкая, В. П. Живокини и И. М. Никулин поехали играть в южные города. По возвращении их в Москву, я услышал, что И. М. Никулин на зиму снял тульский театр и набирает труппу. При этом известии у меня от радости в «зобу дыханье сперло», и я отправился к И. М. Надел папашины белые брюки, жилет, его же манишку, свой зеленый пиджак, выпросил у мамы пунцовый фуляр, который заменил мне галстук с большим бантом, зашел в циркульню, завил свои вихры и прямо к И. М. Лакей не хотел пускать, но на мое счастье через переднюю проходил сам И. М. Увидев меня, он рассмеялся и спросил, что нужно. Я тут же с замиранием сердца высказал свою

просьбу. Он совсем расхохотался, взял меня за руку, ввел в кабинет, где я увидел Л. П. Косицкую, гостей и между ними П. М. Садовского, В. И. Живокини. Я совсем ошалел, а И. М. Никулин говорит: «Посмотрите, господа, какого я комика нашел». Общий хохот. Я начал просить И. М., чтобы он взял меня в свою труппу. Он велел прийти завтра. Дома я никому не сказал о моем визите, и с замиранием сердца ждал завтрашнего дня. Наконец, я опять у Никулина. Он долго со мной говорил, сказал, что он меня берет, что, может, из меня и путное что выйдет. Положил жалованье 15 рублей, проезд на его счет в Тулу и обратно.

Дал мне он в счет жалованья 25 рублей. Я забежал к Иверской божьей матери, затем молился еще в двух церквях. Не помня себя с радостными слезами, рассказал об этом, отцу, матери, тетям. Все показывал 25 рублей. На этот раз я получил полное согласие и благословение на мой отъезд. 10-го октября 1853 года назначен был отъезд. Я явился в квартиру И. М. утром. У него было много гостей. После обеда подали тройки с тарантасами, дорожные кареты. Многие из знакомых И. М. нас провожали до первой станции. Л. П. Косицкая тоже поехала к Серпуховским воротам. Потянулись ограды монастырей, шоссе. «Прощай, Москва, приют

родимый»! На станции опять пирование, шампанское рекой, игра в карты. Только на другой день утром уехали мы со станции. По отъезде Л. П. и гостей, с И. М. в карету села примадонна тульской труппы Анна Ивановна Колпакова. ее сестра Маша (тоже актриса) и я. И. М. видимо меня полюбил, ласкал, сказал, чтобы в Туле я жил у него в квартире, ел, пил. Вообще, он ко мне относился как к сыну. Конечно, я радовался. Осень стояла чудная. Все для меня было ново. Вот города Подольск, Серпухов, Перевоз. На станциях закуски, чай, веселье, хохот. Мы радостные, счастливые, приехали в Тулу. Управляющим П. М. Никулина, Ферапонтовым, в Туле был нанят большой дом в два этажа, в 16 комнат и прекрасно обставленный. Выезд, повара, лакеи, горничные и проч. прислуга. Мне дали хорошенькую комнату.

ТУЛА

Вот и Тула. Приехали вечером; я не мог удовлетворить моего любопытства — осмотреть город. И уже с вечера просил И. М. позволить осмотреть город и театр. Получив разрешение, с рассветом я «на своих на двоих» облетел город. Видел Миллионную улицу, осмотрел Кремль, собор. Город понравился. Много каменных домов, церквей, магазинов. Есть извозчики, трактиры, — словом, с тогдашней Москвой разница не большая. А впрочем, что город? Бог с ним! Главное, где театр! Расспрашиваю проходящих, говорят: на Киевской улице (лучшая улица в городе), рядом с аптекой. Воображение рисовало мне здание, в роде Большого Московского театра. Но увы, — действительно, рядом с аптекой, было какое то узенькое, но высокое здание, чрезвычайно грязное и запущенное, с разбитыми стеклами; с улицы к нему вела с двух сторон деревянная лестница, с разрушенными перилами и выбитыми ступенями. Когда я вошел по ним в «храм Мельпомены», меня охватили угар,

дым и сырость. Зрительный зал представлял внутренность полицейской каланчи. Сцена маленькая, низенькая, — в общем какой то балаган.

Вернувшись домой, с отчаянием высказал И. М. свое мнение о театре. Позвали управляющего Ферапонтова, И. М. сделал ему выговор, и приказал, чтобы все было в два дня покрашено, починено и вычищено.

Понемногу стали являться провинциальные актеры нашей труппы. Они произвели на меня такое же впечатление, как и театр. Помощник режиссера, Зелнев, вручил мне две роли: из водевиля «Жилец и жилища» — пивовара Барбиру, и из «Недоросля» — Митрофана. Получив роли, я забыл обо всем и сейчас же принялся их учить.

Конечно, первым актером, играющим все хорошие роли и, вообще, что пожелает, — был И. М. Никулин. Он старался в ролях копировать московских артистов, преимущественно Живокини. Некоторые роли ему удавались. Так, он хорошо играл фокусника Антонио Регенти в водевиле «Беда от сердца» и в «Горе от ума». Мне кажется, если бы он занимался серьезно искусством, то из него мог бы выработаться недурной актер, но заниматься ему было некогда, пожить он любил в свое удовольствие, и поэтому такие роли, как Вихорев, Любим Торцов и другие, он проваливал. Любовник и фат — Александр

Николаевич Александровский, из экстернов московских театров, уже 4 года был в провинции. Актер он был талантливый, собою красивый. Успех в публике имел несомненный, и вообще был лучшей силою труппы. Катковский — недурной актер на роли 2-х комиков (с польским акцентом). Феодор Папков (из московского театра) — приличный декоратор и совсем плохой актер, с большими претензиями. Иван Николаевич Александровский, мой ровесник, на второстепенные роли.

Самой оригинальной фигурой в труппе был Ив. Ив. Зеленев, резонер. Только на святой Руси может уродиться такое чудище. Он был чиновник, уволенный от службы, за «злоупотребление» напитками и за взятки. и почему то попал в актеры. Наружность имел поистине зверообразную: коренастый брюнет, с ярко красным лицом, всегда в царпинах или подбитым, руки держал кольцом, говорил резко и отрывисто. Имел несчастную привычку как в жизни, так и на сцене, к каждой фразе прибавлять сквернословие, произнося последнее как бы про себя. Те, которым приходилось с ним говорить, слышали весьма ясно милое прибавление: каково было положение актрис, которые с ним играли? Оговорки в ролях у него были тоже не совсем благозвучные. Так, помню, в одной пьесе вместо «платки из кармана пропадают»

изволил выразиться — «портки». И. М. Никулину он нравился. Зеленов его смешил, забавлял, и тот его назначил помощником режиссера. Я Зеленева страшно боялся. В продолжение моей службы я имел с ним две неприятности. Зеленов как то пришел к нам во время обеда: жаловался Никулину на простуду и болезнь, и между прочим, беспрестанно прикладывался к графину с водкой. Никулин, желая над ним пошутить, говорит ему очень серьезно:

— Хотите, я вас вылечу, ступайте в баню, натритесь настойкой, которую я вам составляю, лягте на полок, да велите поддать больше пару. Средство испытанное.

Зеленов благодарит, изъявляет намерение воспользоваться лекарством, которое И. М. обещал приготовить через 4 дня. Тотчас по уходе Зеленева, И. М. с Ферапонтовым начали составлять лекарство на спирту: они положили туда горчицы, хрену, стручкового перцу и еще каких то горячительных специй. Четыре дня все это настаивалось. И вот, Зеленов приходит за лекарством, чтобы отправиться в баню. Я, ничего не подозревая, тоже попросился с ним. И. М. говорит: «ну, вот и отлично, возьмите номер, Петя кстати поддаст пару». Пришли, Зеленов усердно натирается, я ему помогаю. Все шло прекрасно, пока он не влез на полок, и я не поддал пару.

Слышу рев, смотрю: глаза вылезают из орбит, шайку Зеленева согнул в веревку и с криком «убью» скатывается с полка и бросается за мной. Я — от него из номера, и он за мной; я во двор, и он за мной, увидел снег, и стал кататься в нем. Недурная «шутка» со стороны директора театра!

А вот второй случай. И. М. за мое усердие назначил мне бенефис. Зеленева это показалось обидным, и он высказал И. М. это: мальчику же дали награду, а ему нет. И. М. решил по соломоновски: разделить данный бенефис пополам с Зеленым. Накануне, по обычаю, мы, два бенефицианта, сели на извозчика и поехали по публике, как тогда называли — «Христа славить». Первый визит был к некоему Студинскому, знакомому Никулина. Студинский был очень богатый человек, — «держал» шоссе от Москвы до Харькова. У Студинского застали карточную игру. Перед хозяином стояла шкатулка, с перегородками, где были ассигнации: сторублевые, пятидесятирублевые и золото. Студинский, занятый игрой, сказал, что приедет на бенефис, и достав пятидесятирублевую ассигнацию протянул руку, чтобы отдать мне, но Зелнев подскочил и взял ее. Простились, сели на сани. Я говорю: «слава богу, первый визит удачен: 50 рублей!» «Ах! ты!.. (прибавление!) как 50 рублей?!» «Я видел 50!» «Врешь!

только 5 рублей!» Что делать, замолчал. В тот же день у театрала Волховского был вечер, куда и мы, все живущие у И. М., были приглашены; за ужином И. М., которому я рассказал о недоразумении, спрашивает у Студинского: — «скажите, пожалуйста, сколько вы заплатили за свое кресло бенефициантам?» — «50 рублей» — отвечает. Тогда Никулин рассказал, как меня Зеленев обсчитал, и в воздаяние тут же мне поднесли 120 рублей с тем, чтобы я с Зеленевым не делился. Мой первый бенефис удался. С каким восторгом я послал отцу 50 рублей!

Был еще актер из крепостных, Поляков. Очень усердный, играл резонеров. Вид и манеры имел лакейские. Про него рассказывали, что, служа как то в одном уездном городе, он по случаю бенефиса и не желая тратиться на извозчика, взял под мышку свои бенефисные афиши, и отправился по публике пешком. Судьба натолкнула Полякова на молодого человека, только что окончившего курс в московском университете. Вероятно, он судил по артистам московских театров, и принял Полякова ласково, усадил, предложил трубку, говорил много про театр, искусство и пр. Полякова все это стесняло, тем более, что барин ничего не говорит, возьмет он билет или нет. Наконец, молодой человек обращается к нему с вопросом:

— Скажите, вы какое амплуа занимаете на сцене?

— Резонер!..

— Так, — говорит барин, — а что это такое резонер? Я не совсем понимаю сценические термины! Это, собственно, что же резонер? Что же это за амплуа?

Несчастный Поляков пыхтел, краснел, наконец, не выдержал:

— Извините, говорит, барин, я крепостной человек, мне сказали, что я резонер, вот, я и говорю, что резонер, а что собственно это слово обозначает, господь его знает!.. Вот не возьмете ли билет? А не угодно, так отпустите, мне еще много надо ходить с бенефисом!

Суфлером был очень симпатичный молодой человек, Дмитрий Максимович Кочетков. Многие просили дебютов у И. М. Дебютировал в Кочкареве и Вихорева недурной провинциальный актер Гумилевский, но, не знаю почему, на службу его Никулин не пригласил. Курьезный еще был дебютант с громкой фамилией Аксаков. Он дебютировал в «Казаке-стихотворце», играя молодого казака. Выход его был с пением, со словами: «Ну-те, готовьте пляски веселья», при чем музыка была в темп мазурки. На спектакле мы увидели, что у Аксакова на шапке какие то бумажки столбиками. Спросили, что это такое, и получили в ответ: «не ваше дело!». Перед

выходом, он за кулисами влез на кадку, и когда оркестр заиграл ритурнель его выходного номера, то скомандовал бутафору: «зажигай!» — и в момент на его голове образовался фейерверк. Он соскочил с кадки и, выделявая па мазурки, весь в огне, пел: «ну-те, готовьте пляски, забавы».

Вот какие эффе́кты знали старые актеры! Но увы! вместо ожидаемого «фурора», дебютант всех напугал, публика даже вскочила и собралась бежать. По окончании оперы, полицмейстер явился на сцену, и пригрозил дебютанту отправить его в полицию. Дебютант оправдывался, уверяя, что во всех городах этот выход производил фурор. В вечер этого же огненного спектакля дебютант должен был петь: «Гляжу я безмолвно на черную шаль». Обстановка представляла комнату. Ночь. Горит свеча. На столе раскинут черный платок, заменяющий шаль. Дебютант выскочил из кулис, под ритурнель, долго сверкал глазами и, наконец, исповедует свои горести: как он любит молодую гречанку. В конце он почему то должен был заколоть себя кинжалом, но его забыли положить на сцену. Тогда находчивый дебютант, не долго думая, заколол себя перочинным ножичком. Конечно, все хохотали.

Женский персонал состоял из четырех актрис. Анна Ивановна Колпакова, артистка

императорских московских театров, в Москве играла мало, но актриса была способная, с хорошим голосом, молода, недурна собой. Водевильный репертуар вела хорошо, да и вообще могла считаться недурной актрисой. Имела успех. Недурная актриса на роли старух Авдотья Семеновна Горбунова. Она была артистка московской оперы, очень умная, развитая женщина. Остальные две, Екатерина и Марья Ивановны Колпаковы, экстерны московской школы, как актрисы были полные бездарности. Вот труппа, в которую я попал. Это после московских то гигантов!.. Выручала своим приездом Любовь Павловна Никулина-Косицкая. Когда она участвовала, публика наполняла театр. В Туле единственно она делала мне указания, поощряла и хвалила. Вообще, для меня тульский сезон не прошел бесследно. Я много играл, приобрел навык учить роли, петь куплеты. Вот с гримом у меня не ладилось, мазался красками ужасно — это общая манера всех новичков, — в особенности играя стариков: так себя разрисуешь, что образа человеческого не видно. Думаешь, нет мало, ведь он старик, ну, еще и еще наложишь красок. Слава богу, что со мной случилась на сцене беда. Тогда только вышел водевиль «Зять с шпинатом и салатом». Я играл в нем обжору г-на Ломани. Водевиль прошел удачно: нас принимали, а меня хвалили. Никулин

вскоре повторил водевиль. И вот актеры стали мне советовать при повторении, для лучшего эффекта, чтобы публика еще более смеялась, наклеить себе нос. Мысль эта показалась мне очень соблазнительной. Но как это сделать? И тут услужливые друзья, в насмешку, а может быть и искренно, желая мне добра, взялись «устроить» мне нос. К спектаклю они принесли большой кусок замазки, которой обыкновенно замазывают зимние рамы, и из нее устроили мне нос, этак вершка в 2¹/₂. Смотрю в зеркало, не нарадуюсь, себя не узнаю, кто не взглянет, все хохочут! Ну, думаю, фурор произведу! Вышел на сцену, публика засмеялась. Слава богу! Начало недурно. И вдруг — ужас — чувствую, от жары, от проклятых ламп переднего света, — мой нос начинает таять. Со сцены уйти нельзя, говорю в кулису: «спасите нос, растаял». Мне из кулис подают снегу, я освежаю мой приставной нос, чувствую, что он из большого у меня делается малым, и всетаки сползает вниз, от прикладывания снегом он из длинного сделался совсем курносим, и, наконец, получились только две ноздри. Я остался совсем без носа. Господи! Что я испытал! Публика хохочет, участвующие артисты от смеха не могут играть. Не помню, как окончился водевиль.

Но это еще не все. В уборную явился Никулин с полицмейстером. Оказывается,

губернатор П. М. Дараган, на войне с французами, потерял носовое украшение лица, замененное приставным носом. Тульская публика знала об этом обстоятельстве и, смеясь над приключением с моим носом, все время смотрела на его превосходительство. Губернатор обиделся, уехал из театра, а исполнительный полицмейстер Добровольский явился за мной, чтобы взять меня в полицию. Тогда ведь все это просто делалось! Спасибо И. М. Никулину, он меня как то отстоял. С тех пор я уже больше носов не наклеивал! Да и вообще с годами убедился, что достаточно для грима парика и наклейки из волос, чтобы лицо изменилось, остальное дело актера — придать мимикой характерные черты изображаемого лица. Сильный грим, напротив, затемняет игру физиономии и мешает мимике.

Опишу вам за одно впечатление от первого спектакля. К счастью, я в нем не играл, но к моему несчастью я его смотрел. И. И. Зеленев расписал афишу так заманчиво, что публика 20-го октября наполнила театр. Да и как не наполнить! Афиши гласили, что все роли исполнят артисты императорских московских театров, — это мы то, экстерны! В два часа И. М. Никулин пригласил властей, театралов и труппу на завтрак, который продолжался до отъезда в театр.

Перед началом спектакля, на сцену было подано шампанское. Артисты и артистки новички, для храбрости, усердно прикладывались к бокалам. Наконец, звонок, в оркестре заиграли увертюру. Я побежал смотреть в партер. Спектакль состоял из трех водевилей: 1) «Дуэль на жаворонках» (три лица); играли М. Колпакова, Папков и А. Н. Александровский. Боже! Что это было! При открытии занавеса, у Папкова большой монолог. Несчастный! Он так трусил (никогда не был на сцене), что не мог говорить. После длинной паузы суфлер начинает ему кричать его фразы, — молчит; из за кулис ему тоже кричат, а он молчит! Я побежал за кулисы. В это время начинают уговаривать такого же дарования и такой же храбрости артистку М. Колпакову выйти на сцену, она же упирается, плачет и говорит: «что хотите со мной делайте, я не пойду на сцену!» Никулин с ее сестрами, наконец, силой ее вытолкнули на сцену. Она вышла, дрожа, и не могла дать ни одного звука. Долго они молчали... Хотели опустить занавес, но А. Н. Александровский говорит: «Не опускайте занавес, я выйду и какнибудь окончу водевиль». Действительно, Александровский рассказал своими словами, зачем эти бессловесные два существа были на сцене, даже упомянул о том, что они так влюблены друг в друга, что от избытка чувств онемели,

рассказал, что с ними случилось, и в заключение благословил на брачную жизнь. Все это было сказано весело, оживленно, до того, что немые в конце что то заговорили. Александровский кричит: «о! радость! они от счастья начали мычать! давайте скорей занавес! а то, пожалуй, опять замолчат». Публика посмеялась и вызвала участвующих. Второй пьесой шел известный водевиль, тогда еще новый, «Взаимное обучение», в 2 лица. Игнали Е. Колпакова и опять Александровский. Эта милая артистка была храбрее сестры. Она откровенно объявила, что петь куплеты не может, боится, а прозу может быть какнибудь проговорит. Сыграли водевиль, однако, плохо. Третья пьеса — «Водевиль с переодеванием» — 3 лица: Никулин, А. И. Колпакова и Папков, которого заменил опять Александровский. Этот водевиль прошел весело, хорошо. А. И. Колпакова понравилась. В антрактах я слышал, как в публике говорили: «Ай да артисты императорских театров! где это Никулин их набрал?» На меня этот спектакль подействовал ужасно. Я растерялся и все думал: «а ну как я не скажу ни слова». В волнении бегал я по пустырям города: все выкрикивал мою роль. В день спектакля ничего не ел. 22-го октября 1853 г. в водевиле «Жилец и жилища» я в 1-й раз заговорил на публичной сцене, — нет, простите я не

так выразился — не заговорил, а заорал на сцене и проорал всю мою небольшую роль.

За кулисами Никулин говорит: «Чего ты орешь?» А я ему отвечаю: «что вы, И. М.! кажется, я очень тихо говорю!» С этой роли на меня посыпалась благодать. Меня завалили ролями, я учил, учил роли, и те из пьес, которые были розданы, но не пошли, — я и в них все вызубрил. Много труда было. Спектакли назначались три раза в неделю. За обедом И. М. обыкновенно спрашивал у Ферапонтова — «сколько сбору?», — и если цифра казалась ему мала, то спектакль отменяли. — «Я, говорит, — в карты больше выиграю!» Но в карты он больше проигрывал. Сборы в театре отсутствовали, спасали Л. П. Никулина-Косицкая, да военная публика, которая шла походом в Крым и на Кавказ. В Туле были дневки для отдыха. Тогда офицеры посещали наш театр. Из тульских театралов некоторых помню. Все они имели абонированные места. Они же были постоянными посетителями квартиры И. М. Никулина. Публика не посещала театра. Да и не мудрено: кого же и что было смотреть? Зато домашняя жизнь нашего директора шла весело. Обеды, завтраки, ужины, пикники, катанья на тройках в ближайшие усадьбы, вино, карты, хор цыган, и... любовь! Всего было достаточно. Жизнь текла в эмпиреях. До театра ли тут?

Когда было о нем думать? Помню такие пассажи. В квартире разливанное море, хор цыган, пляс. Вдруг моментально гасят огни, цыган выпроваживают, гости задним ходом торопятся уйти, домашние расходятся по своим комнатам. Это значит дали знать, что подъезжает Л. П. Никулина-Косицкая. И так мы дожили до великого поста 1854 года. Дорого обошлась И. М. эта театральная затея. Жаль было его, хороший добрый человек, да не за свое дело взялся...

ПОХОД В ГОРОД МОГИЛЕВ

На первой неделе великого поста мы распростились с театрами и с товарищами. Я в особенности подружился с братьями Александровскими и суфлером Кочетковым. Расспрашивал их, куда они поедут служить на лето и зиму: Александровские сказали, что их пригласил на лето в Вышний-Волочек и на зиму в Кострому антрепренер Николай Иванович Иванов. Митя Кочетков объяснил, что едет к антрепренеру Василию Яковлевичу Оберскому в Могилев, где служит его брат А. М. Максимов и где он надеется также получить место.

Я очень просил своих новых друзей поговорить с антрепренерами обо мне и написать мне в Москву о результате, для чего оставил свой адрес. Александровские обещали поговорить с Ивановым, а Кочетков сказал:

— Да что тут за письма! Из писем, брат, ничего не выйдет... А ты приезжай весной прямо к нам в Могилев. Будь уверен, мы с братом тебя как нибудь устроим.

Что касается других актеров, то некоторые постоянно жили в Туле, и сами не знали, куда попадут, а другие собирались в Москву, надеясь на приглашение какого либо антрепренера.

Ну вот, пора и уезжать. Расцеловались, простились. Уезжая из Тулы, я считал себя богатым человеком: у меня был порядочный гардероб, было белье и около ста рублей капитала, да не забыть бы еще великое сокровище, которое я вез с собой в Москву — мою бенефисную афишу. Всю дорогу мечтал, как я буду хвастаться перед мальчишками экстернами, что у меня был бенефис! О, гордость!

Обратная наша дорога была не так радостна. И. М. Никулин приуныл, на станциях останавливались мало. Все были как то печальны. Взгрустнулось и мне: я думал о том, как бы родители снова не заставили меня ходить в танцевальный класс. Ну, нет, — ободрял я себя, — после моих успехов, опять за батманы, — старая штука? Да и отпуск у меня от конторы годовой...

Вот я опять в Белокаменной, возвратился в отчий дом. Радостно и любовно меня встретили свои. Я почувствовал, что после моей поездки ко мне стали относиться с некоторым уважением. Иногда только, когда я уж очень подкрашивал мои успехи в Туле, — например,

как я свободно разговаривал даже с губернатором, — родитель меня ограничивал, замечая: «ну не ври, дурак!» Шу, я, конечно, умолкал. Раз два бегал в танцевальный класс, похвастал бенсфисной афишей, посмеялся над учениками, что они только и умеют делать разные «асамбле» да «потбуре». Они мне как то нагрубили, после чего в класс я ходить перестал. Время потянулось томительно скучно. От Александровских ответа не было. Я решил ехать в Могилев... У моей няньки был сын Миша, лет 30, постоянно без места, и проживал он у нас на кухне. Часто я с ним беседовал, в особенности после Тулы, описывал ему, как я играл, как меня принимала публика. Беседуя, между прочим, как то спрашиваю: что он умеет делать? Миша ответил, что он механик.

— Значит, ты можешь быть театральным машинистом, как Пино?

— Могу.

— В таком случае поедem со мной, я тебя определяю в Могилевский театр машинистом. Мне, знаешь, стоит сказать только слово...

Он не долго колебался. После этого мы начали строить планы, как ехать в Могилев. Миша высчитал, что если ехать почтовыми лошадьми, то выходило рублей 50 с лишним. Между тем мои капиталы уменьшились. Ехать можно было только в начале мая, следова-

тельно, капиталы еще больше уменьшатся, на дорогу больше 30 рублей не останется. Тогда я предложил Мише такой план. Отцу с матерью мы скажем, что я имею словесное предложение от могилевского антрепренера поступить в его труппу, Мишу, де, будто тоже приглашают в театр машинистом. Когда нас отпустят, Миша должен был нанять до Мазилова (7 верст от Москвы) пару лошадей, чтобы родители видели, что мы точно поехали, а сами, де, в Мазилове остановимся и затем в Могилев пойдем пешком. Когда очень устанем, то с обратными ящиками и попутными мужиками будем за небольшие деньги ездить. Таким манером нам денег хватит, да еще останется на прожитие в Могилеве.

Миша одобрил мой план и побожился, что все будет держать в секрете. Так как деньги были мои, то я предложил Мише мешок с багажем носить ему одному. Пришла пасха, я горел нетерпением скорее увидеть Могилев. На Фоминой неделе посещал Малый театр, опять любовался игрой моих любимцев. Как увидал я спять это художественное исполнение — меня еще более потянуло играть и играть, и хоть сколько нибудь уподобиться богам!

Наконец, с родителями уладил, отпустили. Пара деревенских кляч и тележка с сенцом въехали во двор. Родители благословили.

День был воскресный, отец предложил проводить нас с семейством, т. е. с братьями и сестрой, до Дорогомиловского кладбища, где закусили, выпили чаю, расцеловались, мама напекла и нажарила пирожков, ватрушек, лепешек, курицу и всем наградила меня. Мы сели в наш экипаж, провожающие помахали нам платками, и затем — Мальбруг отправился в поход...

Скоро доехали до Мазилова, остановились в избе нашего возницы. Я переоделся, облачился в халат, подпоясаясь ремнем. Миша надел свою старую, серого сукна шинель с длинным капюшоном, мешок превратили в котомку, пристроили из мужицкой опояски к котомке нечто вроде «помочей», чтобы она могла покоиться у Миши на спине, я надел на него котомку, а сам налегке, помахивая тросточкой, отправился искать славы. Да здравствует французская веселость!.. Не подумайте, чтобы этот поход был очень утомителен, в особенности для меня. Правда, Миша иногда кряхтел под своей ношей, ну да ведь, Мише было 30 лет, а мне шел семнадцатый! Вспоминаю это путешествие с наслаждением: в нем было столько поэзии, веселья. Ну, право, если бы в настоящее время я имел столько же сил и жизнерадостности, как тогда, с каким бы удовольствием я бы вновь совершил поход от Москвы до

Могилева! Вообразите: погода чудная, если помочит дождем, еще лучше. Стоял май, идешь лесом, тебя так и охватит ароматом липы, сосны, березняка. А какой аппетит!

Шли по 5 верст в час, привал делали в лесу, и тут же принимали пищу. Потом отдыхали. Обедали на постоянных дворах. Как кормили то — прелесть! В особенности в праздники.

Мы все шли, шли и блаженствовали. Я иногда помогал Мише, нес котомку. Ночевали на постоянных дворах в отдельной комнате, вообще мало в чем себе отказывали. Прошли г. Можайск, знаменитое Бородино, потом Вязьму, где полакомились пряниками. Вязьма смотрела чистеньким городком, в ней были каменные дома: упоминаю об этом как о редкости, ибо в то время губернские города не щеголяли постройками; дома — говорю о главных улицах — большею частью были деревянные, одноэтажные, сундучной архитектуры. Прошли Дорогобуж. Чем ближе подходили к Смоленску, тем дорога делалась живописнее; заметьте, — в то время от Москвы до Смоленска имелось шоссе! Вот показался и Смоленск с своим чудным собором, разрушенной крепостью и Днепром. Город в горах, на высоте стоит собор. Остановились в гостинице, взяли дешевый номер, оделись, пошли в трактир обедать. После обеда зашли в бильярдную. С каким то

господином я начал играть. В Москве, если случалось играть на билиарде, то обыкновенно играл мазиком, но тут в провинции пришлось играть иначе. Я взял кий, и на втором или третьем ударе, желая показать свою ловкость, я так ударил кием, что прорвал сукно. Маркер объявил, что надо уплатить 25 рублей. Представьте мой ужас: денег было только 12 рублей. Куда девался мой шик! Я стал просить, чтобы сбавили. Хозяин гостиницы сжался, взял только 7 рублей. С тех пор на билиарде я уж не играю.

Нам посоветовали из Смоленска до Могилева ехать по Днепру на лодке. Мы нашли лодочников, которые взяли нас доставить в Могилев, за что запросили с нас двоих 2 рубля. Мы согласились. На другой день рано заняли места в большем дощанике, нагруженном хлебным зерном. Поплыли. Речное путешествие казалось еще лучше. Вообще, такой «вояж» для актера полезен, ко всему присматриваешься, невольно все типы остаются у тебя в памяти. Лодочники были белоруссы, добродушный наивный народ. Они нас угощали салом, которое не хуже малороссийского, а мы их горилкой. Ночью приставали к берегу, разводили костер, варили уху. Так, благодумствуя, мы доплыли в 5 суток до нашей цели — до Могилева. Остановились у еврея, который держал что

то вроде номеров. Много труда стоило привести себя в порядок. Наконец, я оделся, сказал Мише, чтобы он оставался дома, а я пойду в театр, найду Митю Кочеткова, который меня представит антрепренеру Оберскому. С надеждой я отправился отыскивать могилевский храм Мельпомены. Мне указали сад, в котором находился театр. Прочитал громадную цветную афишу, из которой узнал, что дают представление в летнем театре акробаты. Спрашивал о Кочеткове. Никто такого не знает. Оберского тоже. Нет ли в городе другого театра? Нет. Наконец нашелся добрый человек, который объяснил, что на Пасхе действительно здесь играли актеры, но вследствие плохих сборов, куда то скрылись. Кажется, поехали в Витебск. Походил я с час, как в тумане, по саду. Затем отправился домой и огорошил Мишу. Денег у нас было всего 20 коп. Что с ними сделаешь! В городе ни души знакомой, Миша советовал написать отцу письмо с просьбой о высылке денег. Я не согласился, зная положение отца, обремененного большим семейством и получающего в месяц всего 25 рублей. Что же делать?

Молодость и жизнерадостность выручили. Погрустив некоторое время, я начал смеяться над нашим дурацким положением. Прежде всего нужны деньги. Я стал уверять Мишу.

что серая шинель его стесняет. Тем более, что в ней итти по случаю жары невозможно. Еще два-три слова и Мишу удалось уговорить продать шинель. На вырученные деньги решили итти, куда укажет бог. На двух бу-мажках написали: на одной — Москва, на другой — Витебск и, свернув их трубочкой, опустили в фуражку. Миша держал фуражку, а я три раза вынимал билетки. Все три раза вынулась «Москва», значит — надо итти обратно. Огнositельно шинели вошли в пер-еговоры с хозяином-евреем. Он оказался добряком и предложил за шинель 1 р. 10 к. деньгами; за номер ничего не взял, угостил обедом и даже маринованной щукой с чаем. В 4 часа пополудни мы вышли из Могилева, — здоровые, сытые и с капиталом в 1 р. 30 коп. — с этим запасом мы должны были пройти без малого 600 верст. Задача! Питаться решили одним хлебом, при ночлегах торговаться. Чтобы этот расход не обременял нашего бюд-жета, решили, что мы будем итти по 50 верст в сутки, тратить только по 15 копеек в день, а в Мазилове найдем лошадей, не покажем и виду, что шли пешком. Из Могилева до Смоленска шла почтовая грунтовая дорога, обсаженная деревьями по обеим сторонам и мы шли как бы по аллее.

Все бы хорошо, если б не Миша! Благо-даря неудачам, он стал грубить, особенно

после того, как пожертвовал своей шинелью. Ах, Миша, Миша! Сколько по возвращении я слышал от него упреков за то, что я его уговорил идти со мной. Вот неблагодарность людская! Он осмеливался говорить, что все артисты такие же бродяги, как и я. Невежа!

Сгоряча мы прошли верст 25; поздно остановились в жидовском шинке, где было много народу. Усталые, не раздеваясь, мы уснули на лавке. Проснувшись увидели, что оба очутились без наших походных сапог. Опять неприятности! Спрашиваем у еврея, — кто их снял с наших ног, — и получаем в ответ:

— Мало ли у меня гостей, за всех не ручаюсь!

У Миши сапог в запасе не было, у меня хотя и были, но узкие, лакированные, для похода неудобные. Что делать?.. Еврей предложил купить у него лапти. Делать нечего, — купили! Оказалось, что их надо носить умеючи. Прошли версты четыре — дальше нехватало сил: лапти натерли нарывы. Придумали новую комбинацию: достали соломы, положили ее в лапти, а из сорочки устроили портянки. Сразу почувствовали себя много лучше. Пошли ходко. Аппетит был очень хороший, хлеб с водой казался превкусным блюдом. Истребляли мы его много. Спалось тоже очень хорошо, несмотря на то, что спальни у нас бывали не

совсем удобные; нередко приходилось спать в хлевах. Погода не всегда благоприятствовала: бывали грозы, дожди, но с нас — все как с гуся вода. Шли бодро; посетили Шклов, Оршу; благополучно опять добрались до Смоленска, не останавливаясь в нем, дошли вновь до Дорогобужа. Не могу не упомянуть о типичной фигуре, встретившейся нам в этом городе. Мы присели на лавочке отдохнуть. К нам подошел пожилой господин в халате и в военной фуражке и спросил, что мы за люди? Отвечаю: я — актер, а он — машинист. «Пачпорты есть?» Показали. Из моего отпуска узнал, что я экстерн-воспитанник императорского театрального училища. Незнакомец сразу понизил тон: «Как же это вы, душончики, пешечком то путешествуете? Не совсем удобно». Рассказали. Он пригласил к себе обедать, напоил чаем, подарил маленькую трубку и кисет с табаком. Предлагал два рубля денег, но я отказался. Это был местный городничий. Спасибо ему. Большое доставил удовольствие! Особенно трубкой: я тогда уж курил! Какое это большое удовольствие курить в дороге!..

Добрались до Мазилова благополучно, хотя я чувствовал себя не совсем хорошо: устал и нездоровилось. В Мазилове наняли за 30 копеек телегу, и лихо подкатили к родительскому дому. Кое как рассказал, что

труппы в Могилеве мы не нашли... В этот же день я слег в постель без памяти. Говорили, что я пять недель пролежал в горячке. Когда стал выздоравливать, — грустные думы охватили меня: что же я буду делать?

Мое актерство как будто кончилось...

В эти тяжелые минуты вспомнил об Александровских. Написал в Вышний-Волочек письмо Ване Александровскому. В письме описал все случившееся со мной, умолял обоих братьев, чтобы они попросили антрепренера Иванова взять меня к себе в труппу. К величайшей моей радости, дней через десять я получил ответ. Мне писали, чтобы я приезжал. Иванов сказал, что мне надо прежде сыграть, и тогда он может сказать, — примут меня в труппу или нет. Я опять возродился, повеселел, показал папе письмо, просил у него пять рублей, но он дал четыре рубля. Спасибо и за это! Не долго думая, собрался, простился со своими и отправился на Николаевский вокзал. Вокзал тогда находился за городом и только спустя много лет он очутился в городе. Поехал в 3-м классе. Вагоны 3-го класса в то время были открытые: простая платформа, на которой были пристроены лавки. Уголь и дым, выбивавшиеся из локомотива, обсыпали пассажиров, зачастую обжигая их. Несмотря на это, езда по чугунке тогда считалась величайшим удобством.

ВЫШНИЙ-ВОЛОЧЕК

— Станция Вышний-Волочек! — зычно крикнул кондуктор.

С замиранием сердца соскочил я с открытого вагона. Багаж был со мной. Он сильно поубавился в Москве: некоторые вещи, за неимением денег, пришлось продать.

Взяв извозчика, я поехал прямо в театр. Недолго извозчик вез меня; в каком то пустыре он остановился у недостроенного кирпичного двухэтажного дома и внушительно промолвил:

— Слезайте! Это киатр!

Я огляделся; что то странное: подъезда и дверей нет, рам в окнах тоже. «Да, ты, может, ошибся, — говорю, — это не театр?». «Ну, вот еще, не знаем мы! Ступай, он самый будет!». Поднялся я во второй этаж по временной, деревянной лестнице, и обратился к первому встречному с вопросом, есть ли репетиция? Говорит — «есть». «Нельзя ли мне видеть Александровских?» — спрашиваю дальше. «Здесь они, здесь! — отвечает. — Пожалуйста вот сюда». При этом он открыл

сомнительной чистоты холстину, изображавшую драпри, и я очутился в зрительном зале. Против — сцена, на которой идет репетиция. Вдруг слышу: «Петя! Медведев!» и в ту же минуту я очутился в объятиях братьев Александровских. Репетиция остановилась, меня перезнакомили с труппой и с антрепренером, Николаем Ивановичем Ивановым, известным тогда в актерском мире под прозвищем «Палач». Иванов спросил меня: Откуда я?» — «Из Москвы», отвечаю. — «Пешком?» — «Нет, приехал по железной дороге». Послышалось восклицание: «эка пакость». Но я на свой счет не принял. «В 2 часа зайдите ко мне», — сказал Иванов.

Ваня Александровский шепнул, что он с братом показывал мое письмо Иванову и что я во время приехал: ставят «Ревизора», труппа мала, пьеса не расходуется, а потому Иванов, вероятно, меня примет в труппу. Посоветовал остановиться у него: он живет с Николаем Браво. Последний тоже очень радушно уговаривал меня жить вместе.

При входе в квартиру, Н. Браво крикнул: «Жучиха! вот тебе еще жилец!». Жучиха — мещанка, вдова, лет 35 — миловидная, суетливая. Мы поднялись на чердак, в котором была маленькая комната, с одним окном, меблированная просто, даже чересчур просто: одна кровать, деревянный диван, стол и стул.

Жучиха предложила мне спать на полу. Она будет стлать солому или сено, и за это вместе с чаем, обедом, ужином, прислугой и стиркой белья запросила 5 рублей в месяц. Я согласился.

Переодевшись, отправился в 2 часа к Иванову. Н. И. Иванов—один из старейших мелких антрепренеров бывшего времени; говорили, что он прежде был актером, я его биографии не знаю. Судя по его обращению, манерам, можно было предположить, что он из дворовых.

Иванов принял меня сухо: «Сыграйте после завтра Бобчинского в «Ревизоре». В той комнате найдете роль, а если ее нет, то возьмите пьесу и перепишите. Я посмотрю, что вы за актер. Может какая нибудь пакость, тогда не возьму».

Легко представить, как я взволновался. Ведь от этой роли зависела вся моя будущность! Ну, как провалюсь или не понравлюсь Иванову? Что тогда делать? Роль учить я отправился в пустыри; кажется, никогда я так не усердствовал, читал вслух, злился на себя, что у меня ничего хорошего не выходит. Утром встал с восходом солнца и опять в пустырь... К репетиции роль у меня была готова, я весь был поглощен ею и потому не смотрел, кто и как играет. Да и смотреть то не на что было: актеры не репетировали,

а бормотали свои роли. У меня же нервы были так подняты, что я заиграл настоящим образом. Весь большой монолог Бобчинского произнес верно, с разнообразными интонациями и, должно быть, всех удивил, ибо слышались восклицания актеров: «Хорошо! ай, да, молодец!». Иванов тоже похвалил, но по своему: «Эка пакость, как роль то вызубрил!». Тут же он объявил, что назначает мне 15 рублей в месяц жалованья. Боже, как я был тогда счастлив! Спектакль прошел удачно, мне аплодировали, Иванов стал давать мне вторые роли, всякие, без различия амплуа. Товарищи говорили, что я попал в его любимцы.

Опишу Иванова и труппу. Он был необыкновенно типичен. Вероятно, его в прежнее время актеры обманывали и он сделался недоверчив, раздражителен и желчен. Вообще, он актеров ругал походя. Для примера расскажу один случай: Иванов ехал с труппой по Волге на пароходе. Один из пассажиров, — любитель театра, интересуясь артистами, расспрашивал его: «А что, Николай Иванович, г. Докучаев — хороший человек?» — «Палач». — «А г. Браво?» — «Мерзавец!» — «А Афанасьев?» — «Пакость!» — «Родольф?» — «Вор!» — «Что же он у вас украл?» — «Пьесу — водевиль с переодеванием». — «Что за странность, — удивляется любитель, — про

кого у вас не спрошу, — все у вас воры, да палачи. Надо полагать, что вы сами негодяй большой руки!». Иванов, вероятно, и не думал, что ругается, а просто так добродушно, как умел, рекомендовал артистов. Про свою дочь, встретившись со мной много лет спустя, он выразился так: «Какая, брат, моя Катька-пакость, хорошая актриса сделалась!».

Театр — просто сарай в виде зала. В глубине, на двух деревянных подпорках высился балкон, который назывался галеркой. Вместо лож по стенам сарая стояли громадные деревянные диваны. Первые два ряда, вместо кресел, сломанные стулья, остальные ряды партера — скамейки. В зрительном зале пол, а в остальных помещениях — в буфете и других — половых досок не имелось. Ходили по балкам и земляной насыпи. Сцена маленькая. Две уборные: женская и мужская. Окна в зрительном зале были заставлены ободранными пристановками декораций и грязным холстом. Освещение: лампы и сальные свечи. Декорации облезлые: лес, две комнаты и — все. В костюмном гардеробе имелось кое что для «Ревизора», одна ливрея, чиновничьи виц-мундиры. В салонных пьесах они же сходили за фраки, для чего светлые пуговицы обтягивались черным коленкором; имелись еще: два кафтана для маркизов, 12 солдатских красных гусарских

ментика, купленных по случаю (эти мундиры составляли гордость Иванова). Остальное — рухлядь. Мебель для сцены: крашенные деревянные стулья и одно кресло. При аристократической обстановке на всю эту мебель надевались красного кумача чехлы. Артисты и артистки тоже не блистали гардеробом. У примадонны гардероб состоял из платьев: черненького, беленького, цветного, шелкового, ситцевого и нескольких характерных костюмов. У остальных и того меньше. Но артисты умели этот малый гардероб разнообразить разными украшениями. У двух мужчин фраки. Счастливики! И важничали же они, когда приходилось просить у них фрак. Сюртучные пары имелись у всех. Вне сцены одевались прилично.

Оркестр состоял из 6 музыкантов. Портного и парикмахера не полагалось. Для перестановки декораций и для поднятия переднего занавеса, находились любители, исполнявшие эти обязанности даром. Обязанности помощника режиссера, бутафора, исполняли участвующие в пьесе. Большею частью это делали мы, молодые актеры. Режиссера не было. Актеры сами разбирались в местах. Антрепренер на сцену появлялся в экстренных случаях, сидел большею частью в кассе. Расположение его духа зависело от продажи билетов: идет сбор — пошутит, нет — хмурится...

Мы, молодежь, подсунули ему нечто вроде стихотворения:

Иване, Иване! прогневал ты бога.

Не идут с рук диваны, да и кресел не много.

Несмотря на жалкую обстановку, спектакли шли недурно, много лучше тульских. В мужском персонале, талантливее всех был комик Егор Браво. Его игра была натуральна, без шаржа. Комизм естественный, много неподдельного юмора. О нем стоит написать поподробнее. Егор Яковлевич Браво — американский подданный, учился в рисовальной школе в Москве, где проживало семейство его, состоявшее из матери акушерки, двух сестер и брата Николая... В Вышнем-Волочке я застал Егора Браво уже опытным и хорошим актером. Его брат — Николай Браво — был новичек. У Егора был чудный характер — прекрасный товарищ и собеседник; его талант загубила страсть к кутежам и охоте, которые отвлекали от работы. Жаль, что этот талант не развился и погиб преждевременно. Николай Браво имел очень маленький рост, толстенькую фигуру, боготворил брата и до смешного подражал ему: если тот загуляет — Николай не отстаёт; Егор не знает роли, Николай тоже не учит. Брат захворает, Николай тоже чувствует себя плохо, с братом знакомится ктонибудь из

публики, Николай тоже себя рекомендует: «Браво 2-й».

Александр Александровский нес репертуар и был любимцем публики. Иван Александровский вместе со мной тогда еще пробивал себе дорогу. Он усердно занимался и позднее составил себе большое имя, как актер на бытовые роли.

Поль — прокутившийся дворянин. Когда окончательно обеднел, пробовал приютиться при цыганском хоре, в Москве. На цыган он собственно и прокутился. Но цыгане барина, за его леность и панибратское отношение с публикой, от себя изгнали. Очутился тогда Поль в критическом положении и с горя пошел на сцену. Актер был плохой, но в жизни — славный малый и товарищ. Свести знакомство, занять, иногда выручить из беды — лучше его никто этого не сделает. Словом — российский дворянин!

Не помню фамилии нашего суфлера, но он был большой оригинал. Без косушки водки и двух соленых огурцов, он не садился в суфлерскую будку. В моменты пауз выпивал и громко отплевывался. Репертуар большею частью шел водевильный, и шел хорошо. Пьесы Гоголя и Островского хотя игрались, но публики не привлекали, да, правду сказать, и играли их не важно. Вышневолоцкая публика требовала драм и трагедий. Как то

Иванов нам объявил, что он пригласил трагика. «Кого же?» спрашиваем его. «О, это палач! Павлов-Веревкин!» Фамилия оказалась знакомою Егору Браво. Он даже вспомнил один анекдот про трагика: «является он с визитом к тверскому губернатору, отрекомендовался ему: «Артист Павлов-Веревкин». Губернатор осмотрел его с ног до головы, да и говорит: «Позвольте, да вас не Чорт ли Иванович зовут?» — «Никак нет, отвечает Веревкин, меня зовут Николаем Герасимовичем». Мы, молодежь, с нетерпением ждали приезда трагика. Наконец он приехал. Николай Герасимович Павлов-Веревкин — столь типичное лицо, что я останавлиюсь на нем подробнее.

Николай Герасимович, московский мещанин, учился, что называется, на медные деньги. Семнадцать лет торговал в московских рядах пирогами. Раз побывав в театре, увлекся трагедией, и задумал во что бы то ни стало сделаться трагиком. Свою сценическую карьеру он начал... продажей афиш около театра. На выработанные деньги он покупал билеты в галерею. Позднее стал торговать на Никольской старыми книгами и лубочными картинками. Не могу сказать, как он сблизился с актерами, но уже на 22-м году он начал в провинции свою карьеру трагика. Когда я встретил Н. Г., ему было около 40 лет.

По моему, он как на сцене, так и в жизни был комиком. Наружность его была необыкновенно комична. На длинных ногах зиждились небольшой корпус и совсем маленькая головка, очень длинные руки; прибавьте резкий голос — дискант. Н. Г. понимал искусство превратно, говорил о трагедиях с жаром, так же и играл. Когда читал монологи — целый фонтан слюней выпускал изо рта. То и дело злоупотреблял своей любимой поговоркой «и прекрасно». Роли всегда знал безукоризненно. Он без суфлера мог прочесть не только свои роли, но даже всю пьесу. Для своих спектаклей он сам мазал декорации, строгал доски, делал из картона бутафорские вещи. Словом, этот человек всего себя отдал театру. К сожалению, природа не наградила его дарованием.

У нас Н. Г. дебютировал ролью Даверстона в трагедии «Отец и дочь».

Как теперь помню: сколько было приготовлений к этой пьесе! Иванов расщедрился на обстановку. Н. Г. заставил его купить лесу для подмостков, изображавших горы, картону, красок, даже Н. Г. заказал меднику из жести «фукалку» — инструмент, при посредстве которого изображалась молния. Длинная из жести трубочка, на конце ее что то вроде шара, имеющего проткнутые дырочки, и место для огарка свечки. В шар кладется плавун, свеча зажигается, и когда дуют в трубку,

плавун попадает на огонь свечки, от чего делается вспышка. Гром производился при посредстве железного листа.

Вот эти то вещи Иванов и купил, а сам трагик начал строить подмостки и рисовать горы. Ему помогал Егор Браво. Шли усиленные репетиции. Н. Г. режиссировал. Роли все знали, что называется, на зубок. Ожидаемый спектакль начался.

Даверстон — сумасшедший. Его первый выход ночью, в скалистой местности. Он ушел из сумасшедшего дома, бежит с гор во время грозы, молнии и грома. Иванов «делал» молнию, я — гром. Н. Г. должен по пьесе выбегать со словами: «Я — Прометей! прикован был к Кавказу». Н. Г. разбежался на пригорок, на котором стоял Иванов с молнией и сразбега сшиб его с ног, зацепился сам о скалу, и вместе с ней и антрепренером очутился на сцене. Н. Г. однако не растерялся и все таки заорал дискантом: «Я — Прометей!» Иванов только и мог произнести: «эка пакость! вот уж именно с цепи сорвался!» В публике, конечно, хохот. Неудача постигла Н. Г. так же в пьесе «Жизнь игрока». В первом действии, в сцене проклятия отца, он упал к ногам отца, но так неудачно, что голова его очутилась за кулисами, а туловище на сцене. В публике опять смех. Н. Г. в смехе публики обвинил Браво, игравшего Дермона,

у которого заключительные слова: «Отцеубийца, прочь!». «Эти комики, заявил Н. Г., всегда напакастыят!».

Во 2-м действии Н. Г. прежде всего оговорился. Вместо фразы «Амалия, отопри» он сказал: «Амалия, огпери,—то бишь отопри». Когда же он выломал дверь и увидел, что Амалия лежит поперек двери, то обратился к Н. И. Иванову, стоявшему за кулисами: «Видите, Н. И., какая актриса то у вас С... что я теперь буду делать? как пройду?..» — «Да играй, братец! Чго ты, палач! С ума сошел». — «Да, играй — играй! Вам хорошо за кулисами разговаривать, а вы вникните в положение трагика — каково ему»... — «Да начинай же, пакость, обойди ее сбоку». После долгой паузы и переговоров с Н. И., он, наконец, перешагнул через Амалию. В последнем действии хижина Жоржа, которую Н. Г. устроил сам. От пожара хижина должна разрушиться. Разрушение было поручено Иванову, но Н. И., по прежнему упражнявшийся с молнией, позабыл про разрушение. У Н. Г. страшная сцена с сыном, потом с Варнером, которого он тащит в огонь. Ни пожара, ни разрушения нет! И вот Н. Г. кричит за кулисы: «Что же пожар: зажигайте бенгальский огонь! разрушайте хижину!». Видя, что ничего не делается, он потащил Варнера за шиворот за кулисы и сам зажег бенгальский

красный огонь, затем вошел опять, таща Варнера на сцену, а по пути толкнул ногой доски, изображающие горящую хижину. Доски упали на него и Варнера. Н. Г. с досками пополз на авансцену, чтобы отдать богу душу.

Жили в Волочке дружно и весело. Мы с Ваней Александровским довольно удачно копировали всех актеров и актрис. Конечно, больше всех досталось антрепренеру.

Труппа пробыла в Вышнем-Волочке до половины октября. На зиму мы поехали в Кострому.

В ДОРОГЕ

До Москвы ехали по чугунке, конечно, как благородные артисты, в 3-м классе. Приехали в Москву в полдень, а в 5 часов Иванов назначил сбор у Крестовской заставы, так что я некоторое время пробыл дома, повидался с родными, рассказал им, что мне очень хорошо живется. Они меня благословили, и я отправился к Крестовской заставе. Там встретил своих товарищей, они любовались экипажем, в котором нас повезут до Ярославля. Я поглядел и удивился: откуда наш антрепренер мог раздобыть такую роскошь? Это был громадной величины мальпост, в середине кареты 6 мест, в передке — 3, сзади тоже на троих, итого 12 мест. Но нас, с семейством Николая Ивановича, было 18 персон. Иванов уверял, однако, что поместимся прекрасно. В ожидании отъезда мы отправились в трактир, чтобы на дорожку перекусить. Надо сказать, что жалованье Иванов в Волочке платил по мелочам, а потому денег ни у кого не было, так что в трактир пришлось пригласить и антрепренера, чтобы он

расплатился. Н. И. предупредил, чтобы не ели много, это будто бы на дороге нездорово. Наконец, пришли сказать, что все готово, можно садиться. У меня пальто не было и я надел халатишко. Иванов меня, как любимца, усадил с собой в середину мальпоста. Смотрю, к нам налезли: двое Браво, Розанова, Майорова и вся семья Н. И. Прибавьте собак и багаж. Вот наш «Ноев ковчег» двинулся. Сначала все было как будто ничего. Н. И. не преминул похвастаться: «Каково! Вот я как трупну то вожу, не то, что другие собаки-антрепренеришки!». Но потом, когда всякому захотелось ноги протянуть и улечься, началась невыразимая давка. А тут еще духота, писк и крик милых деточек, лай и визг собачек. Я совсем одурел. Наконец нашелся: вскарабкался на крышу нашего «Ноева ковчег» и попросил привязать меня веревкой. И вот я блаженствую наверху. Не только дышу чистым воздухом, но и принимаю ванну, ибо моросило осенним дождем. Но ничего — молодость берет свое и я крепко заснул. На какой то станции на рассвете мы остановились, я прошу меня отвязать, хочу встать, но не могу: после дождика к утру подморозило и мой халат примерз к крыше экипажа. Насилу меня отодрали. Согрелся водкой и чаем.

Дальнейшее путешествие мое совершилось в заднем помещении мальпоста: надо мной

сжалились и пустили четвертым. Но в общем, во время путешествия мы себя чувствовали в тесноте, да не в обиде: днем веселились, хохотали, не пропускали ни одного трактира или постоянного двора, пили, ели, а антрепренер расплачивался, записывая нам в жалование. И ругал же он нас: «обжоры, палачи, собаки!».

Вот мы и в Ярославле. Пока Иванов нанимал лошадей до Костромы, мы околачивались в трактире Пастухова. Затем отправились в театр, где происходила репетиция. У многих наших актеров были знакомые.

Театр стоял на площади — кажется, на том же месте, где стоит и теперь. После театра в Вышнем-Волочке, ярославский мне показался роскошным, хотя грязи и копоты и в нем было не мало. Когда мы вошли на сцену, то по обычаю актерскому, раздались с обеих сторон радостные восклицания. Потом объятия и поцелуи. Познакомились с антрепренером театра, Василием Андресвичем Смирновым. В актерском мире Смирнов — историческая личность. Он — из крепостных музыкантов (волторнист) — понравился ярославской купчихе, владелице театра, Алексеевой. Она его выкупила из крепостного состояния и вышла за него замуж, записала в купцы и вручила бразды правления театром.

Мы его застали выхоленным, держащим себя свысока с актерами, которым, здороваясь, протягивал только два пальца и то на секунду. Он немного заикался, а в разговоре кстати и некстати прибавлял: «потому что да, да!». Наружность имел благообразную, небольшого роста, блондин, толстенький, лицо бритое. Он не долюбивал нашего антрепренера. Н. И. отвечал тем же. Они ругали друг друга и насмехались. Здороваясь, Смирнов свысока спросил Иванова:

— «А что, Николай Иванович, потому что да, да, паству то пешком гонишь?» — «Эк ты, братец, пакость, я своих на тройках в каретах вожу. Это ты, палач, своих в Рыбинск заставляешь по берегу с бичевой итти, как бурлаков гонишь!» — «Врешь! врешь, потому что да, да, ты всегда был свинья!» — «А ты собака»!.. После этих дипломатических учтивостей, мы с антрепренерами и некоторыми ярославскими артистами отправились в наш трактир.

Антрепренеры сели вдвоем за особый стол, занялись чаепитием и дружно беседовали. До нас долетали слова: «потому что да, да, ты дурак! хам!» — «А ты пакость, сволочь!» и проч. Чувствовалось, что говорили люди воспитанные. Мы, актеры, уселись за большим столом, уснащали себя чаем, водкой и пирогами. Рассказы про антрепренеров,

про успехи, бенефисы — не умолкали. Не успеет кончить рассказ один, его прерывает другой. Из ярославских актеров принимал участие в беседе М. П. Докучаев, в то время совсем молодой. Говорили, что он очень хороший актер. Играл любовников и все роли с пением. У него был приятный тенор. Докучаев старался держать себя барином, но манерами он больше походил на трактирного посетителя. Говорили, что он замечательный игрок на бильярде. Вне службы свободное время проводил в трактирах. Пировал с нами и Колосов — комик, большой фарсер. Он хвастался, что никто лучше его не умеет сорвать сбор в бенефис.

— Я что делаю! Например, беру прошлое лето в Рыбинске бенефис, дня за два узнаю, что именитый купец именинник, по случаю именин у него назначен обед, на котором будет много гостей и купцов. Я к нему с просьбой: «Батюшка! Ваше высокостепенство, дозвоьте мне за вашим именинным обедом свое блюдо подать!». — «Какое блюдо?». — «Раков, батюшка!». После расспросов и долгого размышления, купец согласился, дай бог ему здоровья! А мне только это и нужно было. Я купил сотню крупных раков, жена сварила, достал блюдо, убрал его травкой, а затем в каждую клешню рака вложил по театральному билету на мой бенефис: ложи

и кресла. Сам оделся поваром. Для эффекта пустил на лицо гримировочку. В середине именинного обеда, когда купечество порядком подвыпило, я явился с блюдом, и начал обносить гостей с разными прибаутками. Конечно, хохот, а я им: «какого рака то изволите взять? С ложей или креслом?». Купцам это очень понравилось. Сам именинник положил мне на блюдо 25 рублей да еще похвалил: «ах ты, говорит, шутэтакой!». За ним и все пошли выкидывать мне на блюдо ассигнации. Поди ка, выдумай кто такую штуку!

Максимов тоже вспомнил казус: «А помнишь, какую афишу выпустил Волгин? В заключение спектакля обещал съесть живого человека. Что театр был полон, это само собой. Чтобы постоять за сценой или в коридоре театра, платили по рублю. Вот был сборик! Ну, и что же? Волгин, — ведь вы знаете, он страшилище, рожа то как у хищного зверя! — вышел в заключение на сцену, да и говорит: «Пожалуйте, кому угодно!». Верите ли, такая тишина в театре сделалась, что было слышно как муха пролетит. Волгин повторил свое воззвание после долгой паузы. С галерки послышался голос: «я желаю!». — «Пожалуйте на сцену». Явился ражий мужик. «Ешь!», говорит. Волгин, не долго думая, начал грызть его с пальца. Мужик заорал, публика захохотала, тем дело и кончилось».

Еще кто то рассказал про Т. М. Домбровского, который держал театр в Чернигове. Поставил он в свой бенефис запрещенную цензурой пьесу из времен французской революции. В пьесе выведен Наполеон I. Сам Домбровский, толстяк, каких мало, с мало-российским акцентом, играл Наполеона. Чтобы наделать в городе больше шума, выпросил 4 пушки, взял много солдат. По улицам Чернигова пошли войска, везут пушки и все это идет в театр. Жители спрашивают: «Что такое?». Домбровский говорит, что в его бенефис идет такая пьеса, в которой сам Наполеон дает сражение. Конечно, публика брала билеты варсхват, но зато, в одну прекрасную ночь, к его квартире подкатила перекладная почтовая тележка, из нее вышел усач и предложил Домбровскому прокатиться до Петербурга. На другой день по прибытии Домбровского в столицу, его попросили на свидание с особой, которая, увидев рожу Домбровского, изволила улыбнуться и произнести: «Это ты, каналья, Наполеона то играл?». Засим особа позвонила и крикнула явившемуся на звонок господину: «Всыпать!», и Домбровскому точно основательно всыпали. Отпустили его с резолюцией: впредь запрещенных пьес не ставить, а самому Наполеонов не играть!

С нами за столом находились еще: очень талантливый комик, Красовский¹, актер и автор талантливой пьесы «Жених из Ножевой линии», Чернышев². Вообще, труппа у Смирнова, повидимому, была хорошая. Актеры говорили, что оклады жалованья у Смирнова от 15 до 3 рублей в месяц, но служба была годовая. Ивановские оклады: высший — 35 рублей, низший — 5 рублей. Он

¹ Красовский, Петр Кузьмич. Его знали петербуржцы. При основании театра Суворина, служил один сезон в Малом театре; первый создал роль Митрича во «Власти тьмы», где был неподражаем. Ушел из театра, вследствие грубой выходки Суворина, крикнувшего ему на сцене: «Эй, вы, послушайте!» — «У меня есть имя и отчество», — ответил Красовский. Контракта он не возобновлял и ушел из Суворинского театра. Окончил дни свои в Нижнем, на родине. Превосходный актер.

² Чернышев, Иван Ефимович. Талантливый драматург. Был актером Александринского театра, но как актеру ему не повезло. Он умер очень молодым 30-ти лет (XI 863 г.) и за короткий срок успел написать ряд пьес, имевших большой успех. Самый крупный успех выпал на долю драмы «Испорченная жизнь», написанной на модную в 60-х годах тему о «свободе чувства». Жорж-зандизм дошел до Чернышева в русской его транскрипции — именно в виде романа Авдеева «Подводный камень», под влиянием которого пьеса написана. Кроме «Испорченной жизни», известны пьесы Чернышева: «Не в деньгах счастье», «Жених из долгового отделения», «Отец семейства», «Паутинка», «Бенефисные хлопоты» и др.

окладами гордился. В дружеской беседе мы не заметили, как подошло время к отъезду. Мы расцеловались, простились и поехали. Н. И. пустил пыль в глаза ярославцам: нанял пять троек и мы на виду ярославцев с шиком выехали из города, гремя бубенцами и звеня колокольцами.

Ранним утром мы подъехали к Костроме.

КОСТРОМА

Кострома 1854 года мало чем отличалась от настоящей Костромы, которую я посетил в прошлом 1904 г. Конечно, есть улучшения в постройках. Теперь Кострома имеет очень недурной театр, но в общем я город узнал и, повторяю, он мало изменился. Мы остановились в номерах Андрея Андреевича. Фамилию забыл. Он же держал трактир, который мы, т. е. вся труппа во главе с антрепренером, по окончании репетиции посещали ежедневно. К нам в номера явился некто вроде капельдинера и реквизитора театра, и предложил на шестерых квартиру близ театра.

В числе шестерых были: двое Браво, двое Александровских, Вербицкий и я. Квартира состояла из 4-х комнат с постелями и приличной мебелью; что же касается кушанья и других расходов, то он нам рекомендовал хозяйничать самим, для чего поставил кухарку, старательную работницу, которую мы, как единственную прислугу, загоняли своими требованиями; она любила выпить и когда

выпьет — от нее, кроме одного слова «к чему ж?» добиться ничего было нельзя. Разместились мы хорошо: Егор Браво и Александр Александровский взяли себе по маленькой комнатке, мы четверо приспособили самую большую для нашей спальни, а четвертая нам служила приемной и столовой. Луканчин снабдил нас всем хозяйством, и мы зажили припеваючи. Ваня Александровский и я так привыкли всех в труппе копировать, что это превратилось в слабость: просыпались мы раньше всех и еще лежа в кровати начинали свое занятие. Устроившись с квартирой, пошли осматривать театр, тоже чудо в своем роде: прежде это был пивоваренный завод, из него соорудили театр. Он стоял на горе фасадом на улицу, а задом на Волгу. С подъезда публика входила в галерею, потом уже спускалась вниз, в ложи 3-го яруса, потом в бель-этаж и, наконец, попадала в бенуар и партер. В случае пожара из этой ямы выбраться было бы невозможно. На Волгу был только один выход со сцены. Помещение театра довольно большое: 3 яруса лож, галерея, порядочная сцена, перемен 5 декораций, 5 уборных, вообще прилично. Н. И. Иванов выпросил у костромского помещика его крепостной оркестр из 22-х музыкантов. Помещик за оркестр с Иванова взял на весь сезон одну

ложу. Вот какие были времена! Освещение: лампы с конопляным маслом и сальные свечи.

Открыли спектакли. Труппа очень понравилась. Театр посещали хорошо. Играли три раза в неделю. Иванов для Костромы пригласил на роли с пением Платона Владимировича Дмитриева, — из воспитанников петербургской театральной школы. Он вел весь репертуар, играл все роли Василия Васильевича Самойлова, в особенности водевили с передеваниями, которые были тогда в большом ходу. П. В., когда он играл в Костроме, было лет 35, но со сцены был моложав. Был он лыс, носил парик, но тщательно скрывал это. Н. Г. Павлов-Веревкин, злодействуя в трагических ролях, как то обнажил таки голову Дмитриева. В мелодраме «Каспер Гаузер» Павлов изображал добродетель, а Дмитриев играл злодея. В 4-м действии добродетель должна была убить злодея из пистолета. В роковой момент пистолет делает осечку. Павлов не растерялся и, недолго думая, вырывает в кулисе станок и бросается на Дмитриева, со словами: «А все таки я тебя доканаю!» бросил его на пол, стал тормошить. Предатель-парик с Дмитриева свалился и открыл тайну.

Со мной трагик поступил еще лучше. Для своего дебюта в Костроме он требовал от Иванова, чтобы была поставлена трагедия Н. Кукольника: «Князь М. В. Скопин-Шуй-

ский». Павлов-Веревкин играл Прокопия Ляпунова. Мне назначили роль злодея Фидлера. После сцены отравления Скопина, Ляпунов допрашивает Фидлера: «Кто отравил Скопина?». Затем, догадываясь, что Фидлер принимал в этом участие, выбрасывает его в окно на растерзание народа. На репетиции мне Павлов-Веревкин говорит: «Я тебя схвачу за ремень. Подниму на воздух, потрясу и потом уже выкину в окно. Дай ка я теперь попробую!» — «Николай Герасимович, на мне ремня нет!» — «Ничего, застегни куртку, я схвачусь за него и подниму». Курточка у меня был новенький и единственный. Схватил он меня за куртку, поднять не поднял, но пуговицы четыре у куртки вырвал, что называется, с мясом. В спектакль Н. Г. действительно потребовал, чтобы я надел ремень. Я согласился, надел ремень. Перед началом сцены вижу, поставили очень высокое окно. Спрашиваю: «Кто же меня поддержит за кулисами, когда вы меня бросите в окно?» — «Не беспокойся, — отвечает Н. Г., — за кулисами поставлены рабочие, которые будут держать простыню. В нее ты и упадешь». Ох, думаю, что то не ладно! Но вот подошла сцена. После предварительной трепки, трясения меня за грудь и за шиворот, он схватил меня за ремень, силился несколько раз поднять, но не мог. Не зная, чем заменить

эффект, он повалил меня на пол и затем за шиворот притащил к окну, кое как поднял и швырнул в окно. Во все время истязанья я уже не помнил себя, очнулся за кулисами на полу. Оказалось, что рабочие так радостно смотрели на мое избиение, что держать простыню забыли, и я упал на пол. Меня отнесли в уборную. Я со слезами говорил, что больше в трагедиях играть не буду. Недели две я пролежал в больнице.

Не удивляйтесь, что все мной рассказанное так похоже на рассказ Счастливецва из комедии «Лес». Много лет спустя, когда я сделался видным актером и антрепренером, я часто бывал у творца «Леса», А. Н. Островского, и между прочими рассказами из нашей провинциальной жизни я передал ему и этот факт. Трагик у А. Н. Островского назван вместо Веревкина — Бичевкиным.

Участвовал в наших спектаклях трагик-пешеход, Василий Миленьевич Лебедев. Играл в «Смерти Ляпунова» заглавную роль. Что сказать о нем и вообще о трагиках того времени? Они являлись голодными, холодными, были большею частью алкоголики и играли, право, нехорошо. Но купечество их любило. Они не выходили из трактира, где читали монологи из трагедий. Пьяное купечество было в восторге от их крика и выворачивания глаз.

Был у нас суфлер, милый человек, мы все звали его Сенечка. Сенечка был очень скромная, тихая личность: говорил тенорком, имел привычку при разговоре сплевывать, большой охотник до водочки, пил ее тоже скромно — тихо, но много. Помню, в Костроме, после спектакля нас угощал какой то театрал; Сенечка так много пил водки, что театрал заметил: «Что это вы, Семен Ильич, все пьете и не закусываете?» Сеня ответил: «Закусить? Сейчас. Человек, дай рюмку водки!». Жил он также скромно, в одной комнатке. Как то после получения жалованья я зашел к нему и наткнулся на такую картинку: Сенечка был уже совсем готов, — готов до того, что меня даже не заметил. На двух окнах, на столе и стульях были расставлены шкалики с водкой и один стаканчик. Когда я вошел, Сеня ходил по комнате, курил папироску и пел тенорком из «Русской свадьбы»: «ты скажи ка мне, воробушек». Глазки его были мутны, и по всему лицу разливались блаженство и счастье. Казалось, нет на свете человека счастливее его. После пения он обратился к стулу, на котором стоял шкалик, и повел такую речь: «Семен Ильич! Выпейте водочки». — «Право, что то не хочется». — «Ну, Сеня, выпей!». — «Уж разве для вас!» Затем взял стаканчик и выпил, сплюнул и опять запел из «Русской свадьбы». Походил,

попел, подошел к окну и начал опять сам себя учтиво, вежливо просить. Так как Сеня нового ничего не вносил, то после 4-го шкалика я удалился.

Наша жизнь проходила однотонно. Ежедневно — репетиции. Они начинались в 10 часов, кончались большею частью в 12^{1/2}. После репетиции отправлялись почти все мужчины в трактир пить чай, а некоторые ели подовые пироги, благо они были дешевы (большой пирог стоил 10 копеек). В особенности их истреблял Бурбон (Вербидский). К пирогу он спрашивал тарелки три подливки, т. е. ухи или бульону, которая подавалась бесплатно. Впрочем, и пироги то он кушал в кредит.

Иванов не любил Бурбона за его бесполезность. Как ни старался Бурбон к нему подольститься, все напрасно. Он даже раз на репетиции притворился спящим на стуле подле Иванова и, как бы видя сладкий сон, проговорил: «Милый человек Николай Иванович», но тот только обозлился и сказал: «Эка пакость, и во сне то от меня не отстает!». Бурбон в конце концов не выдержал и сбежал, чем больше всех огорчился трактирщик Андрей Андреевич.

Разговоры за чаепитием были разные, читали газеты. Всех интересовала война, в особенности Севастополь. Все были уверены, что мы Европе покажем себя. В газетах

печаталось про одни победы и подвиги наших. Иногда говорили про исполнение ролей; нам, молодежи, давали наставления: то то хорошо, а то то худо.

После трактира мы расходились по домам обедать. Я, с Ваней Александровским, часто ходил в гости к двум пленным сардинцам (офицеры). Мы учили их по русски, они нас — по итальянски. Однако, из нашего взаимного обучения ничего не вышло.

За получением жалованья ходили на квартиру Иванова. В Костроме он платил аккуратно. Большой курьез произошел при первом получении жалованья. Как я уже писал, Иванов в дороге за нас платил. Вместо того, чтобы делать раскладку на всех, по количеству получаемого каждым жалования, Иванов выкинул такую штуку: поставил в передний угол стол с образом спасителя, зажег свечи и заставил тех из нас, кто не соглашался с его счетом, клясться перед образом.

Вечера, в которые не было спектаклей, мы проводили друг у друга. Изредка нас приглашали в чиновничьи семейные дома. Изредка потому, что боялись, как бы не наскандалили, а главное, — что другие то скажут, когда узнают, что принимали актеров. Иванов тоже иногда звал к себе на вечерок, угощал чаем. Ему отдельно подавалось варенье, а гости только облизывались. Совсем редко яв-

лялась и закуска. Старшие играли в преферанс, а мы, молодежь, — с актрисами в лото. Вот лото то меня и погубило. Я уже говорил, что в совершенстве копировал Иванова. Он об этом, конечно, не знал. Однажды, у него на вечеринке, Егор Браво просит меня, когда я буду выкрикивать номера лото — выкрикивать их голосом и интонациями Иванова. Я и давай представлять нашего патрона, не подозревая, что Егор Браво подвел его к дверям. Затем, бросив игру, я стал изображать сцены из жизни Иванова. Прощаясь, Иванов мне ни слова не сказал. Но на другой день, утром, Иванов присылает за мной. Я отправляюсь к нему в его бурке, которую он мне дал поносить. Иванов меня спрашивает: «я слышал, вы меня хорошо копируете». Догадвшись в чем дело, я, сконфузившись, отвечаю: «Да, отчасти, немножко». — «Так вот что: чтобы вы менее на меня были похожи, снимай ка, брат, мою бурку». Счастье мое кончилось. Н. И. меня возненавидел настолько, что перестал давать порядочные роли. В мой бенефис назначил два заигранных водевиля, так что мне очистилось всего только 8 рублей. Впрочем, он со мной вскоре примирился и пригласил на следующий год на службу, на прежний оклад, т. е. 15 рублей в месяц.

Что сказать о нашем репертуаре? Те пьесы, которые шли в Волочке, играли хорошо.

Недурно играли также водевили, некоторые комедии, но драмы — плохо. С успехом сыграна драма А. А. Потехина «Суд людской — не божий». Затем шла патриотическая пьеса «За веру, царя и отечество» — успеха не имела... Отличился Н. И. Иванов роскошной постановкой и вообще режиссерской частью в пьесе «Взятие Синопа» или «Синопское сражение», — не помню хорошо названия. В пьесе участвовала вся труппа, четыре человека статистов и даже известный всей Костроме театральный сторож Пахомыч. Он изображал пленного турецкого пашу. Помпа готовилась большая: на декорации Иванов не поскунился: выдал на материалы целых три целковых. Егор Браво и Н. Г. Павлов-Веревкин превратились в декораторов. На обороте занавеса избы были написаны Черное море, туманные облака и вдали — горящий Синоп. Из 6-ти листов картона были написаны два больших корабля, — русский и турецкий. Костюм паши сделали из цветного коленкора, свита паши была одета попроще: русские мужицкие портки, босиком, на голове из марли чалма. Гусарские ментики тожегодились. В них одели наших храбрых черноморских моряков. Текст пьесы поразительный: ничего нельзя понять. Я играл доктора, который помешан на латинском языке. Даже говоря русские слова, выговаривал их на манер латинского: «евро-

пеизм, варваризм» и т. д. Публики набралось много. В последнем действии мы, русские, победили и всех пленили. Когда торжественно вынесли на носилках синопского пашу, в котором публика узнала всем известного сторожа Пахомыча, то восторгам не было конца. Я при общем ликовании победителей на финал преподнес фразу: «Вот синопизм, так синопизм!». Уверю вас, не часто приходится комику иметь такой успех, какой имел я за эту фразу. Публика по опущении занавеса минут пять хохотала. Начали вызывать виновника торжества Н. И. Иванова, но он по скромности из театра удалился. Сезон окончился благополучно, Иванов тысячки две положил в карман.

В чистый понедельник большая часть актеров поехала в Москву.

ТРАУР

В 1855 году, 18-го февраля, в конце первой недели поста в Москве появился слух, что император Николай I скончался: слух казался невероятным, и о нем говорили шопотом. Я с теткой Акулиной Дмитриевной пошли ко всеиошней, в нашу приходскую церковь Иоанна Предтечи, что на Кречатниках. Действительно, на первой ектеньи при упоминании императора наш дьякон как бы поперхнулся.

На другой день, 19-го февраля, объявили о смерти императора и восшествии на престол императора Александра II. 19-го февраля я с приятелем, Володей Лавровым, пошел в Кремль смотреть, как будут присягать новому царю. Народу было многое множество. В собор нас не пустили, и мы бродили по соборной площадке. С колокольни Ивана Великого (как уверяли в народе) во время присяги упал колокол. Кто не знает северной толпы, в особенности московской! Начали говорить, что это не к добру. Траур при дворе был назначен годовой, на театры —

полугодовой. Положение актеров было критическое. В Москве их было мало. Вероятно, в провинции узнали о кончине императора и остались на своих местах.

Вскоре пришла весть, что на «шарманки» и провинциальные театры траур может быть сокращен на три месяца. Но для этого будто бы надо подать прошение в Петербург директору императорских театров. От него будет зависеть, дать или не дать разрешение провинциальному антрепренеру. Мы этой весточке обрадовались, я с нетерпением стал ждать своего патрона Н. И. Иванова. Крымская кампания была в разгаре. В Москве обучали ополченцов. Мы любовались их серого цвета формой, надписью на фуражках «За веру, царя и отечество». По воцарении нового императора, разговоры стали свободнее, слышались речи, что и кампания будет проиграна. Свободные разговоры с непривычки поражали своей откровенностью. В газетах появились статьи и намеки про взяточников. Даже нашу императорскую сцену начали выставлять напоказ и указывать на злоупотребления ее начальников. Читалось и не верилось: неужели это можно печатать?... Был такой слух, что наши чиновники-либералы стали просить свое министерство, чтобы им дозволено было носить усы, и что будто бы государь ответил: «Пусть носят хоть бороды,

только бы не воровали». Подобными разговорами была занята чуть не вся Москва. Все оживилось и оживало.

После Пасхи Н. И. Иванов приехал в Москву. Я с ним встретился у Браво; он нам объявил, что имеет разрешение от директора императорских театров на открытие спектаклей в Вышнем-Волочке с 18-го мая, нам он велел приехать не позднее 15-го. На радостях мы с ним расцеловались. Он мне дал на дорогу три рубля.

СНОВА В ВЫШНЕМ-ВОЛОЧКЕ

Мы приехали в Волочек 11-го мая, и думали, что явились первыми. Однако, оказалось, что благодаря трауру многие товарищи приехали раньше нас. Труппа была та же, что и в Костроме. Встретились радостно. Двое Браво, двое Александровских и я сняли квартиру из двух больших комнат со столом, чаем и прочими удобствами. Квартира светлая, окна выходили на канал, через который постоянно проходили барки. Все шло прекрасно, мы уже приступили к репетициям, думая открыть спектакли 18-го мая. Неожиданно нас постигло горе, удар судьбы или, вернее, глупость нашего патрона Н. И. Иванова. Он послал афишу для подписи вышневолоцкому городничему. Тот по случаю траура не подписал, а посоветовал Иванову съездить в Тверь, явиться к губернатору и выпросить у него разрешение на открытие спектаклей. «Что мне ваш губернатор, когда я имею разрешение от директора императорских театров», — отвечал ему Иванов. Но в Тверь Иванов все таки поехал. Губернатор

встретил любезно, но Иванов грубо всунул в руку губернатора разрешение директора императорских театров. Губернатор просмотрел разрешение и ответил, что это разрешение министерства двора, а он от своего министра сведений не имеет и потому сперва спросит свое министерство и до получения ответа разрешить спектакли не может. «Когда же вы получите ответ?» — спрашивает Иванов. — «Не знаю, побывайте недели через две», — ответил губернатор. С этой милой новостью антрепренер наш приехал обратно. Положение наше было нелегкое. Когда мы стали у Иванова просить денег на проживание, — он нам отказал: «Где я вам, палачи, возьму денег, когда нет спектаклей». При этом он предупредил, что служба наша будет считаться со дня открытия спектаклей. «Чем же мы будем жить?» — «Какнибудь, анафемы, пропитаетесь!». У кого были деньжонки, как, например, у Е. А. Милославской и П. В. Дмитриева, те уехали домой, сказав Иванову, чтобы он им написал, когда получит разрешение. Мы же, ниимущие, остались в Волочке и положились на господа. В нашу квартиру переехали еще двое товарищей: трагик Павлов-Веревкин и Поль. Прошло две недели, Иванов опять к губернатору, но ответа из Петербурга еще не было. Иванов едет в Петербург и является

в министерство внутренних дел. Отвечают, что никакой такой бумаги от тверского губернатора не получалось. Так Иванов за справками проездил все лето. В конце концов, он в строительном отделении узнал, что тверской губернатор сделал запрос в министерство такого рода: Можно ли разрешить купцу 3-й гильдии Иванову строить новый театр в городе Вышнем-Волочке, на городской земле? Воображаю, как Иванов разинул рот при этом известии. По приезде его из Петербурга мы от него только слышали: «Палачи! Пакости! Анафема!». Я удивляюсь, как мы прожили без денег и без всяких средств это время. Хозяин дома на плату за квартиру махнул рукой, даже давал дрова и топил еженедельно для нас баню. Но кормежку, чай и проч. прекратил. Пищей нас выручал российский дворянин актер Поль. Он имел необыкновенную способность занимать деньги и кредитоваться в булочной, мелочных лавках. Притом он был природный охотник, и не было дня, чтобы он не поймал курицы, гуся или уточки. Охотился он за этой домашней дичью так ловко, что жалоб на него не было. Только один раз он чуть было не попал впросак: загнал к нам во двор свинку, та своим криком навела на след, но Поль так ловко извинился в ошибке перед хозяином свинки, что они расстались друзьями.

Мало того: Поль ухитрился занять у него два рубля. Какой талант!

К нам на квартиру часто являлась покутить вышиневолоцкая купеческая молодежь. Эти покровители искусства привозили с собой вина, закуски. Опишу один гадкий случай, происшедший у нас в квартире. Не буду называть виновника-товарища по фамилии, чтобы не омрачить имя уже покойного. К нам часто ездил на квартиру местный богатый кунец по фамилии, если не ошибаюсь, Пономарев. Однажды как то мы были особенно веселы после порядочного кутежа, легли спать. Проснувшись, кунец заявил, что у него пропали золотые часы с цепью. Мы все начали искать пропажу, предлагали каждого обыскать, но часов не оказалось. Кунец орет: «Грабят!». Что делать?

По некоторым данным, Егор Браво навел нас на мысль, что это дело одного из наших... говорили раньше, что он был подвержен подобной слабости. Мы к нему; отпирается, после долгих уговоров и улик он сознался. «Зачем же ты сделал подобную гадость? Ограбить гостя: как тебе не стыдно!». — «Да мне хотелось мой гардероб поправить — он износился, а вы знаете, какое я занимаю амплуа. Мне без гардероба невозможно». Мы его, конечно, ругали, сказав, чтобы он сейчас же возвратил часы. Оказалось, что

он их спрятал в земляной насыпи, под баней. Достали часы, отдаем купцу: тот орет: «Кто украл? Говорите, а то сейчас дам знать полиции!». Делать нечего, выдали виновника. Купец предложил, чтобы мы его высекли в бане. В противном же случае, он его засадит в полицейскую часть и начнет уголовное преследование. Виновник нас до того возмутил, что мы решили его высечь. Несчастный покорился. И вот талантливого человека отвели в баню, разделли, некоторые держали, а трагик Веревкин принял на себя роль палача. Теперь, когда я описываю эту скверную историю, признаюсь, мне гадко вспомнить это истязание; но в то время вся Русь так привыкла к порке, что особенной гадливости не чувствовалось. Наоборот, мы думали, что виновник, приняв наказание, как бы этим очистил себя и вновь стал порядочным человеком.

Мы открыли спектакли 18-го августа. Сборы хорошие. Иванов нам выдал малую толику деньжонки. Проиграли в Вышнем-Волочке месяц. Всеми правдами и неправдами рассчитались с кредиторами и уехали в Тверь.

ТВЕРЬ

Тверь тогда казалась богатым городом. Театр Сутугина деревянный, но порядочный и довольно вместительный. В театре была квартира для антрепренера, которую Н. И. Иванов уступил Милославской и Дмитриеву. Иванов разделил труппу пополам на два города: Кострому и Тверь. На драматические роли Иванов пригласил известного в то время актера, уже пожилого, впоследствии трагика. Иванов охал, говоря нам об этом актере: «Вот увидите, какого актера я нашел! Как, собака, играет. Все театры эту пакость берут на расхват. Я насилью отбил у одной анафемы. Как поет, какой голос, даже играет трагические роли, да не так, как эта пакость Павлов-Веревкин!».

Кстати Павлов-Веревкин не докончил вышневолоцкого сезона. Он услышал, что московский трагик Полтавцев опасно захворал, и моментально собрался ехать в Москву. Мы его спрашиваем: «Что ты? Куда? Зачем?» — «Полтавцев околевает, я еду играть его роли». С тех пор я с ним не встречался. Знаю.

что Полтавцев выздоровел и в Москве Вереvкину не пришлось его заменить.

Еще в тверскую труппу Иванов пригласил из петербургского балета хорошего танцора Мишу Родольф. Родольф играл небольшие роли и лихо отплясывал один матлот и мазурку. Несмотря на малый состав труппы, спектакли шли недурно. Я и Ваня Александровский блаженствовали. Роли так на нас и сыпались.

Поместился я в превосходной квартире один. Мой хозяин — отставной унтер-офицер. У него была жена и красавица семнадцатилетняя дочка. Мне отвели довольно большую комнату с тремя окнами, хорошо меблированную, с белыми кисейными занавесками и цветами на окнах, картинками, хорошей чистой постелью. Прекрасно поили, кормили, стирали белье, давали кофе, чай, и за все это удовольствие я платил шесть рублей в месяц. Да еще был влюблен в дочку, а она в меня... Но — бедная — она ждала предложения, а я был как все .. истинные влюбленные конфузлив и молчалив... В одно прескверное утро я узнал, что моя любовь сбежала с каким то офицером. Так печально кончился мой первый роман.

Сборы в театре были недурные, играли три раза в неделю.

Иванов, желая заинтересовать тверскую публику, пригласил на гастроли император-

ских артистов. Первым приехал К. Н. Полтавцев на два спектакля; для первого спектакля К. Н. назначил пьесу, столь памятную мне: «Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский». О! ужас! мне опять дали роль Фидлера. Я совсем растерялся, думая, если провинциальный трагик мне задал такую сильную трепку, то что же сделает со мной столичный? Первая мысль была — отказаться от роли, не играть. Но в то время об отказе ролей никто из провинциальных актеров понятия не имел: как же я то, еще мальчик, позволю себе подобную выходку? Наконец обратился к Иванову с просьбой: «Н. И., пожалуйста, не губите меня: помните Кострому, — передайте роль другому». — «Что ты, палач, с ума что ли сошел! Играй, пакость!». Я в отчаянии повинуюсь. Товарищи смеются. А я сижу за кулисами да плачу. Подошел К. Н. Полтавцев. «Что ты? О чем?». Я ему рассказал, как умел, что со мной сделал в роли Фидлера Павлов-Вережкин. Он много смеялся, но потом обласкал меня и успокоил, дав слово, что сильно трепать не будет и во всяком случае я буду жив. Так то так, думаю, а вдруг ты разыграешься и забудешь свое слово! Слава богу все прошло вполне благополучно. Сцена имела большой успех. Я понял, что можно играть подобные сцены, не прибегая к физической силе, а выражать страсть

голосом и мимикой. К. Н. Полтавцев очаровал нас своим товарищеским отношением, веселостью и хлебосольством. Для второй его гастрольи шел «Гамлет» или лучше сказать остов трагедии — из нее осталась одна роль Гамлета. Мы играли по несколько ролей. Например, я играл тень отца Гамлета, Розенкранца, Могильщика и Озрика. Остальные актеры то же самое. Проводили мы все К. Н. на вокзал железной дороги. В ожидании поезда, он нам рассказал, что в бенефис С. В. Шумского поставлена новая пьеса: «Свадьба Кречинского». Хвалил пьесу и исполнение. После отъезда К. Н. был приглашен известный оперный тенор Александр Олимович Бантышев. Он участвовал в трех спектаклях. Первый: «Барская спесь», водевиль в 1-м действии, соч. Д. Т. Ленского. А. О. играл неподражаемо Ивана. Его игра, пение — «Что ты рано, травушка, пожелтела» — были очаровательны. Второй спектакль: водевиль «Гамлет Сидорыч». Полный сбор. Наконец, третий спектакль (конек А. О.) «Аскольдова могила». Публика все простила за Бантышева: убогую обстановку, ранье оркестра, хора и проч. Все были довольны и счастливы. Одна примадонна обиделась и сделала выговор антрепренеру: на окно в ее тереме, за неимением занавески, Иванов приказал повесить широкие турецкие зеленого

цвета штаны, которые действительно привлекли внимание первых рядов.

На два спектакля приезжал затем известный комик и любимец московской публики Василий Игнатьевич Животини. Он играл в пьесах: «Стряпчий под столом», «Две капли воды», «Аз и Ферт» и «Несчастье особого рода». В. И. имел большой успех у публики. Мне с ним пришлось играть в «Аз и Ферт» Августа Фиш. Меня принимали и вызывали вместе с В. И. По отъезде Животини, Иванов наградил меня полубенефисом. Публика мне симпатизировала, и сверх ожидания был хороший сбор. Мне очистилось 160 рублей. Я был в восторге. Экипировался, купил меховое пальто, цилиндр, — вообще зафрантил. Послал даже денег отцу. Кажется, фортуна повернулась ко мне, и жить бы мне припеваючи, но увы полного счастья человеку не дано. Полюбил меня трагик П. Ч. и зачастил ко мне. Я старался прекратить эту дружбу, но ничего не мог сделать. Однажды ночью стучит в дверь мой приятель. «Петя, я к тебе». Впускаю. Он совсем пьяный, ложится на мою чистенькую постель не раздеваясь, а я должен спать на диванчике... На другое утро я проснулся ранее моего друга, стал приводить в порядок свой гардероб. Между прочим, хотел чистить мой новенький цилиндр, которым я так доро-

жил, — и что же?... В цилиндре оказалась такая дрянь... Обозлясь, я трагика выгнал... не совсем учтиво.

П. Д. Ч. имел вскоре бенефис. Он ездил в Москву, пригласил в Тверь своих родственников — артистов императорских театров для своего бенефиса. Он гарантировал им проезд в Тверь и обратно, гостиницу и стол, словом — все содержание в Твери. Всех родственников-артистов явилось пять персон. Ч. выпустил афишу: «Отцовское проклятие», «Студент, артист, хорист, аферист». «Дивертисмент: пение московского тенора и русская пляска старшей сестры Ч... Поместил П. Д. артистов в лучшей гостинице Миллера, угощал их, не жалея денег. Сбор был полный, первая пьеса прошла благополучно, но для второй пьесы самого бенефицианта, игравшего Губкина, в театре не оказалось, он забрал кассу — и скрылся... В театре скандал. Иванов орет: «палач! мои деньги утащил!»... чтобы успокоить публику Губкина сыграл Дмитриев. В «дивертисменте» опять несчастье. Для сестры Ч., которая должна была танцевать русскую пляску, сарафан из гардероба Иванова оказался настолько ей узким, с громадным декольте, что, когда она, танцуя, подняла руки вверх, то показала публике больше того, что можно показывать. Танцы продолжать было невозможно.

Так кончился этот злополучный спектакль. Положение родственников оказалось печальным. Денег они с собой не захватили. Между тем надо возвращаться в Москву. Хозяин гостиницы преподнес им громадный счет за завтраки, обеды, ужины, с винами, шампанским, а братец пропал... Принуждены были выдать вексель на гостиницу и заложить вещи, чтобы доехать до Москвы.

Иванов вез в Кострому на этот раз на тройках в открытых саниах. Это было в начале декабря: путь наш был больше по Волге, через Кашин и Углич. Прокатились хорошо.

КОСТРОМА

1855—1856 гг.

Н. И. Иванов хорошо сделал, соединив две труппы в одну. Образовалась талантливая и прямо хорошая, с ансамблем, труппа. В особенности мужской персонал. На драматические роли и роли резонеров—Федор Кондрагьевич Сахаров. Он и в московском театре представлял из себя видного актера, а для провинции был находка. Из московского театра он вышел по делу танцовщицы Аршининой. В этом деле он сыграл некрасивую роль пособника одного барина. Аршинина была честная девушка, не прельстилась предложением барича, который обещал ей богатую обстановку, блестящую карьеру и все блага в мире, кроме замужества. Барин обратился за помощью к Ф. К., часто бывавшему у Аршининой, которая жила одна. Явившись однажды к ней, он попросил кофе и, как говорят, незаметно в ее чашку всыпал сильно возбуждающее средство. При старых судах, при средствах бар, дело это тянулось много лет. И кончилось пустяками. Однако Ф. К. из императорского театра был уволен.

Евгений Иванович Климовский (Оглоблин)—на роли с пением. Эта была светлая личность, имевшая громадное влияние на всю труппу. Евгений Иванович окончил (по юридическому факультету) московский университет. Еще будучи студентом, он был в кружке А. Н. Островского, Т. П. Филиппова, П. М. Садовского и др. Музыкант и поэт всем своим существом, он играл на гитаре и чудно пел, большею частью своей композиции романсы и песни. По окончании курса Е. И. кружком Островского был представлен директору театра А. Н. Верстовскому, как певец и композитор.

Из Е. П. выработался очень хороший артист на характерные роли. Но первые его шаги на сцене были неуверенны, робки. Десять лет прошло прежде, чем его талант окреп, и только за два года до его смерти мы узнали, какой это большой актер. Этот талантливый артист и высокочестный человек внес свежую струю в нашу жизнь. Стоило явиться одному образованному, честному человеку, как все переменялось у нас. Трактиры были забыты и все свободное время мы проводили у Климовского, Браво, Дмитриева и других. Невольно он сделался нашим учителем. Е. И. не читал нам лекций, не ораторствовал, а просто вел беседу об искусстве, — часто за рюмкой водки и незатейливой закуской. Какими знаниями он обладал и как обогатил нас!

Пьесы пошли неузнаваемо хорошо, публика начала ходить в театр. Если Иванов желал поставить какуюнибудь ерунду, мы все, с Климовским во главе, доказывали ему, что это нелепо, что он отвадит публику, что, наконец, есть репертуар, который нам по силам и публике по вкусу. Волей или неволей, Иванов нас слушался и тоже благоденствовал. Но на наши собрания он не ходил, и даже ругался, что мы перестали ходить в трактир и вместо того слушаем эту пакость, Климовского.

Понемногу и публика начала приглашать нас на свои вечера, и даже кое кто стал являться на наши беседы.

Вот что может сделать своим хорошим влиянием одна светлая личность.

Сколько истинных художников-артистов я встречал в провинции! Они были скромны, о себе не кричали, не рекламировали свои таланты, и только потому были в неизвестности. Ну, кто помнит, например, фамилию Климовского? Я убежден, что почти никто: а если некоторые и помнят его, то только как композитора известного романа «Хуторок». Между тем его музыкальное творчество было богато. Не говоря о романах, он писал и оперы. Я помню две: «Воевода» и «Майская ночь». Умер Климовский — и все забыто. Да и при жизни немногие его знали. Между тем, какое множество я встречал посредствен-

ностей, даже бездарностей, по умевших о себе кричать. Они были божками, ими восхищались, на них была мода. Их уже нет, но и после смерти их считают великими. «Правда, правда, где твоя сила?!».

Мы, молодежь, направляемая Климовским, шли быстро вперед. Некоторые из нас стали любимцами публики.

В женском персонале Милославская осталась попрежнему любимцей публики. Наши старухи Майорова и Мочалова были хороши, нравилась Некрасова в ролях с певцем. Недурная эвженю — Е. Ф. Лаврова. К несчастью, она была беременна. Иванов обыкновенно про нее говорил: «экая бесстыдница, пакость, того и гляди родит на сцене». Танцовщица Литавкина и Родольф доставляли большое удовольствие публике своими танцами. Позабыл фамилию богатого костромского балетмана, который в бенефис Литавкиной сделал на свой счет очень недурные декорации, костюмы и машины для балета «Сатанилла». Этот балет ставил я, ибо еще в школе знал его. Публика была довольна. Упомяну о постановке «Свадьбы Кречинского», тогда только что написанной. Пьеса прошла с ансамблем и имела большой успех. Ф. К. Сахаров (Кречинский), Егор Браво (Расплюев) — оба играли хорошо. Я играл Муромского. Климовский меня одобрял. Хороша была и Атуева —

Майорова. Лучший Нелькин из всех, которых я видел — Климовский. Он его играл молодым помещиком-степняком. Между тем большинство Нелькина играет франтом, завитым и ординарным любовником. Это неверно. Остальные роли тоже прошли удачно.

В январе месяце у нас были две свадьбы. Сочетались законным браком П. В. Дмитриев с Е. А. Милославской, и Е. И. Климовский с Ольгой Яковлевной Браво. Мы с Ваней Александровским были шаферами. Курьезно! На свадьбах церковь была битком набита публикой. Как, дескать, актеров венчают?

Мой бевефис и здесь улазился: мне очистилось 150 рублей. Мои финансы поправились.

Настало время окончания сезона. Иванов никому из труппы предложений не делал, говоря, что еще не знает, будет ли держать труппу летом. Все мы, за малым исключением, на зиму посхали в Москву. Я — с инженерю Лавровой, которая в январе благополучно разрешилась дочкой и везла эту обновку в Москву своему мужу. Под крик и плач младенца, я сладко спал в дороге и через три дня очутился в матушке Москве.

БЕЛЫЙ ЗАЛ В ТРАКТІРЕ БАРСОВА

Радостно встретился я с родными. В их жизни произошла перемена к худшему. Отец часто стал прихварывать, жаловался на слабость зрения, на неприятности по службе, боялся остаться за штатом, семья подростала, расход тоже. Сестра Надежда Михайловна по возвращении из одесского театра пошла по сцене, что называется, в гору. Она вела репертуар и сделалась любимицей публики. У нее иногда по вечерам собирались: М. С. Щепкин, С. В. Шумский. П. М. Садовский бывал, но редко: он принадлежал к кружку Островского. Помню, он как то приехал к сестре сияющий. «Представь, Наденька, я получил первый оклад», т. е. 1143 рублей годового жалования. До этого он получал всего 700 рублей. Из литераторов-драматургов бывали: Кетчер¹, Тарновский², молодой красавец В. П. Бегичев,

¹ К е т ч е р — известный переводчик Шекспира. Спорщик и крикун. См. у Герцена и в «Воспоминаниях» П. В. Анненкова.

² Т а р н о в с к и й — один из первых переделывателей французских пьес, якобы на русские нравы.

выступивший с переводной пьесой «Кошка и мышка», молодой Королев, автор оригинальных пьес «Карьера», «Скользкий путь», в которых Надежда Михайловна имела большой успех. Вечер оканчивался скромным ужином, за которым велись беседы большею частью о театре. Спорил больше всех и кричал Кетчер. Было ясно, что литераторы и артисты разделились на партии. Успех Островского не прошел даром. Репертуар его находили вредным, как для искусства, так и для артистов. Самарин возмущался и говорил: «Помилуйте, он из нас лапотников хочет сделать».

Всюду настроение было бодрое, радостное, как будто мы войну не проиграли, а выиграли. По заключении мира ожидали внутренних преобразований. Захлебываясь, читали «Колокол» Герцена. Москва чувствовала черноморских героев с присущим ей хлебосольством.

В начале 2-й недели великого поста, я отправился на актерскую биржу, помещавшуюся с незапамятных времен на Театральной площади, в трактире Барсова¹. Странное это

Такова, например, комедия Лабина «Путешествие Перришона», перекрещенная в «Тетеревам не летать по деревьям».

¹ «Белый зал», заменявший актерскую биржу, упоминается во многих воспоминаниях. См., например, у Горбунова. Сравнительно поздно возникли частные агентства (Рассохиной, например), действо-

было помещение. Ему как будто судьбой назначено быть приютом для актерского люда. Я помню, в трактире был белый зал, в который стремились во время великого поста провинциальные актеры и антрепренеры для ангажемента. В 60-х годах московскими артистами тут же был устроен артистический кружок, построили сцену и зрительный зал. Старшины решили во время великого поста допускать в кружок провинциальных актеров на самых льготных условиях. Благодаря вниманию старшин, здесь образовалась опять актерская биржа. Дом переходит во владение г. Шелапутину¹. Часть дома (а именно где был трактир Барсова) у него арендует М. В. Лентовский и устраивает в нем настоящий большой театр. Позднее здание у Шелапутина арендует на несколько лет императорская театральная дирекция. Потом во время вели-

вавшие спекулятивно и построенные коммерчески, куда в Москве и хлынула масса провинциального актерства, приезжавшая великом постом для получения новых ангажементов. Только в конце XIX столетия открылось бюро Русского Театрального Общества, действовавшее под общественным контролем и значительно ослабившее вредную деятельность частных агентств. Число клиентов бюро доходило до нескольких тысяч.

¹ «Шелапутинский» театр, — впоследствии «Новый театр, ныне помещение 2-го Мхата.

кого поста в нем помещается Бюро Р. Т. О., т. е. опять таки актерская биржа.

Возвращаюсь к нашей «бирже». Вероятно, актеров шокировало название трактира. Они называли свое сборище «Белый зал». В трактире, действительно, имелся, большой колоннадный, отделанный под мрамор — белый зал. С рождества начиналась актерская экономия ради Белой залы. Беспечный актер, никогда не думавший о том, что ждет его впереди, живущий минутой, для Белого зала умел обуздать свою широкую натуру и скопить копейку. Стремление актерского люда к центру по тогдашнему времени понятно. Помимо надежды подыскать место, актера сюда тянуло желание узнать, что делалось за 7—8 месяцев, т. е. за время сезона в театральном мире. В газетах о провинциальных театрах тогда не писали. Театральный журнал был только один — «Репертуар и Пантеон», да и тот уже кончал свое существование. К тому же был дорог, да и правду сказать, актер на газету и журналы не охотно тратил деньги. Все это я говорю об актерах скитальцах, которые служили в ближайших к Москве губернских и уездных городах. Они так же, как и современные актеры, не имели годовой службы: проходили ее, служили в разных городах по-сезонно. Иногда появлялись в Белом зале из Казани, Харькова такие тузы, как Николай

Карлович Милославский, Василий Иванович Виноградов, Константин Федорович Берг. С остальными актерами нашего обширного отечества мы были отделены расстоянием, мы о них мало знали, а они вероятно о нас. Трудность и дороговизна передвижения по нашим тогдашним дорогам заставляли их сидеть на местах и приучили к оседлости. В дальних городах существовали дирекции и антрепренеры. Главные из них: на Волге — Залесский, Стрелков, Соколов; на Каме и Урале, — Головинский; на юге, — Жураховский и Штейн. Они держали труппы круглый год. Артисты получали небольшие годовые оклады, и при дешевизне тогдашней жизни, при определенном содержании — актеры были вполне довольны своим положением. Многие из них обзаводились своими домиками, хозяйством, скотинкой, лошадами и блаженствовали. Актеры и актрисы женились, рождались, кумились, словом, эти труппы были семейные. Понятно, что им не было расчета ехать в Москву. Антрепренеры персонал редко обновляли, да если бы и желали переменить, то им трудно было бороться со всей многочисленной семьей актеров. Актеры стойко охраняли свои места и в подобную труппу было трудно попасть чужаку: загрызут, со света сживут.

Итак, хотя съезды в Белый зал не были так многочисленны, как теперь, но все же было

на что посмотреть. Я помню Белый зал в конце 2-ой недели. Зал переполнен. Помимо актеров, в это время москвичи-театралы, в особенности студенты, ходили к Барсову в трактир специально, чтобы посмотреть на нас, провинциальных актеров. Табачный дым застилал все. Трубки с жуковским табаком были у всех в зубах. Шум, хохот, громкие разговоры, пение. В актере можно сразу узнать, какое он занимает амплуа на сцене. Сообразно ему, он так себя и держал, придавая своему лицу, походке, манерам характерные черты амплуа. Комики в большинстве пузатенькие, веселые, перебегали от стола к столу; старались смешить рассказами про минувший сезон, говорили анекдоты, цели куплеты, слышался торопливый говор: «Понимаете! Театр битком, я пою 28 комических куплетов. Фурор! Вызовы! Я раскланиваюсь. Тот, знаешь, миллионер Крашенников кричит мне из кресел: «Васька, пой еще, с. с.»; я ему отвечаю: «не могу, устал», а он мне и показывает сторублевку: а это, говорит, можешь взять? Я не долго думая, еще 10 куплетов ему отжарил и сто рубликов заполучил». Это будто бы происходило в г. Шуе. Вообще комики старались показать товар лицом.

Трагики и резонеры солидно сидели за большим столом, перед ними стоял тоже солидный графин с водкой, закусывали осетриной

с соленым огурцом. Их окружали Аркашки, прихлебатели, которые частенько простирали свои длани к графину. В начале трагикки были неразговорчивы и мрачно выпивали, потом заговаривали о своих успехах и «фуро-рах», потом на шумели и начинали друг друга уличать в «подлостях», а когда один из них бывало встанет и протянет руку к другому, чтобы схватить его за борт сюртука, Аркашки моментально разбежались. Любовники и фаты, одетые в фланелевые светлые пары, держали себя в сторонке и меланхолично кушали сладкие пирожки. Господа антрепренеры, сидя за особыми столами отдельно друг от друга, кушали чай и зорко наблюдали за актером, которого намечали пригласить в свою труппу. К ним беспрестанно подходили актеры с предложением своих услуг: бездарные — с подобострастием и лестью, талантливые — с насмешкой или шуткой. Антрепренеры более всего наблюдали за тем, пьет ли и много ли приглашенный ими актер, даже подвергали их испытанию: спрашивали графинчик и предлагали актеру выпить. Актер «себе на уме» говорил при этом: «Боже упаси! Кроме чая, и то с изюмом, ничего не пью!».

На второй неделе на актерские столы подавались уха, солянки, раковый суп, осетрина, рябчики; кроме водки, подавалось и вино. Через неделю спрос уменьшался и смиренно

спрашивали один пирог на двоих: «Да, пожалуйста, братец, принеси побольше подливки к пирогу». А еще попозже спрашивали только «пару чая» и действительно с изюмом. Антрепренеры-кулаки именно выжидали этого момента и тогда уже начинали торговлю с актером. Я слышал, как к антрепренеру П. П. П-ву обратился кто то в начале третьей недели с вопросом, сформировал ли он труппу? «Нет, батенька, — ответил тот, — раненько, господа актеры еще осетрину кушают, вот когда перейдут на пару чая, тогда к делу!».

Как то в Белом зале разнеслась весть, что Николай Карлович Милославский¹ в Москве. По рассказам актеров Милославский меня давно интересовал. И вот, вдруг слышу: да вот Николай Карлович! Он! Он! Все потянулись к нему здороваться. Я увидел высокого роста, стройного, красивого мужчину лет 30-ти. Он был блондин, с голубыми глазами и фатоватыми манерами, говорил протяжно; был слух, что он подражал несколько в разговоре петербургскому артисту А. М. Максимоу. Н. К., кажется, никто и ничто не могло смутить: его находчивость поразительна. Я

¹ Милославский, Н. К. (1811 — 1872), настоящая фамилия Фридебург, в юности служил в кавалерии. Последние годы жил в Одессе, где по его инициативе возник так называемый «Русский театр». См. воспоминания Алексева, Нильского и др.

с Николаем Карловичем Милославским встречался в жизни и на сцене и потому не могу не поговорить о значении Милославского для тогдашних провинциальных актеров.

Наш провинциальный театр в лице его деятелей, несомненно, создан из крепостного состояния. Я могу засвидетельствовать, что в 50-х годах прошлого столетия большинство актеров, в особенности старики, были крепостные или откупившиеся от помещиков на волю, иные были на оброке, т. е. платили помещику ежегодно назначаемую им сумму. Молодежь были дети крепостных. Все интересующиеся историей нашего театра знают, что русские баре 18-го и первой половины 19-го столетий славились устройством крепостных трупп. Назову по фамилии некоторых из них. Известный князь Шаховской в Нижнем-Новгороде, Каменский в Орле. Пянулидзе имел свой крепостной превосходный оркестр из 80-ти человек. У него был капельмейстером известный Иоганис и мя. др. Наш крепостной народ оказался настолько талантливым и способным к сцене, что из него в скором времени образовался прекрасный кадр деятелей драмы, оперы и балета. В конце концов баре проживались, барские затеи рушились, доморощенные артисты шли в продажу или пускались на оброк. Многих из них, подаровитее, публика подпиской откупила от

владельцев. Моя теща Агафья Фроловна Гусева (большой талант-самородок) была крепостная помещика Саратовской губ., Кузнецкого уезда (не помню его фамилии). У нее был чудный голос — меццо-сопрано, сохранившийся до 60 лет. Она восхищала своим пением и игрой гостей помещика. Но чем то прогневала барина, тотчас же была наказана, удалена от сцены и в заключение повенчана с кучером (слава богу, он оказался хорошим человеком, с которым она прожила свою жизнь счастливо). Знакомые помещики просили, чтобы он не губил таланта, отпустил бы Гусевых на оброк. После долгих просьб, помещик согласился.

А. Ф. Гусева поступила на сцену саратовского театра, содержанием которого был Залесский. Гусева настолько восхищала саратовскую публику, что известный меценат, Афанасий Алексеевич Столыпин, стоявший во главе любителей театра, вошел в переговоры с помещиком Гусевых насчет их выкупа на волю. Долго владелец не соглашался: но влияние А. А. Столыпина подействовало, и помещик, не помню за какую сумму, дал Гусевым вольную. А. А. Столыпин тотчас открыл подписку и требуемая сумма была покрыта саратовским обществом. В бенефис А. Ф. ей и ее мужу была поднесена вольная! Подарок, поистине, бенефисный! Много лет спустя рас-

сказывала об этом А. Ф., заливаясь радостными слезами. Вот что значит для человека воля! Пишу об этой печальной старине, чтобы выяснить, в каком жалком состоянии находились деятели провинциальной сцены. Могли ли они, еще близкие к рабству, отстаивать свои человеческие права? Могло ли тогдашнее общество признать в Ваньках, Васьках, Петрушках, Агашках, Варьках, человеческое достоинство? Актеры сжились с мыслью, что они крепостные, от них пахло рабом, они еще дрожали перед барами и начальством. Общество смотрело на деятелей сцены только как на шутовскую забаву. И вот в это то время и явился в провинции Ник. Карл. Милославский. Судьба его послала на защиту бедного раба-актера. В его лице явился живой протест обществу, которое так презрительно относилось к деятелям сцены. Вообразите: на сцене появился дворянин, с лоском, говоривший по французски и по немецки, красавец, при том талантливый и предшествуемый легендами о приключениях, которые, если описать, то, право, хватило бы не на меньше томов, чем роман Александра Дюма во вкусе «Трех мушкетеров».

Спрашивается, как же он протестовал против общества? Смехом, товарищи, смехом, — как говорит Н. В. Гоголь. Он вышучивал общество сатирой, смысл которой

всегда был таков, чтобы показать обществу, что настоящий актер есть деятель, достойный уважения, а актерам, чтобы они не забывали, чему они служат, и держали бы свое знамя высоко.

Повторяю, что описать все обращения Милославского к обществу и актерам невозможно. Пришлось бы написать новую книгу. Опишу некоторые из них. В Казани, в начале 50-х годах, театр управлялся дирекцией, под покровительством губернатора. Четыре директора были выбраны из тузов города, в генеральских чинах. С труппой держали себя важно, руки актерам не подавали, да актеры и не помышляли о таком счастье. Дело идет тихо, смирно. Неожиданно приезжает в город Милославский. Театральное болото проснулось, зашумело. Директора слышали, что это актер дерзкий, нахал. Решили не принимать его в труппу, чтобы не нарушить спокойного течения дела. Милославский делает визиты к директорам. Предлагает служить в казанском театре, но те сухо отказывают. Н. К. делает визит губернатору и производит на него выгодное впечатление. Губернатор знакомит его со своим семейством. Дамы приходят в восторг от остроумия и лоска Милославского; спрашивают: «Когда вы играете?» — «Я был бы счастлив играть здесь, но дирекция не желает воспользоваться моими услугами».

Губернаторша говорит мужу: «Базиль, я прошу тебя устроить, чтобы Ник. Карл. играл у нас». «Да мне директора говорили, что у них недостаточно денег, чтобы платить ему большой оклад». Милославский заявляет: «О жалованьи я им не говорил, почему они знают, что я хочу большой оклад, — может, я приму и малый оклад». — «В таком случае я им скажу», — отвечает губернатор. «Я сыграв, — добавляет Милославский, — два спектакля даром, а затем уж судите, ваше превосходительство, какого оклада я стою». Конечно, столь выгодное предложение дирекция по настоянию губернатора принимает. Милославский сыграл и буквально очаровал всю публику. Весь город заговорил про Милославского. Однако директорам он все таки не нравился. Помилуйте, губернатор подавал ему руку; волей-неволей и они были принуждены делать то же. Да и брал то он их руки, как бы нехотя, не титуловал их превосходительствами, называл просто «Петр Александрович», а одного из них называл: «Эй, вы? Как вас?». Потом было замечено, что актеры при их появлении перестали вставать и стоять в их присутствии, а просто поклонятся и опять сядут. Словом, зараза Милославским пущена. Дирекция решила, после блестящих дебютов Н. К., предложить ему содержание в месяц 30 рублей. Милославский говорит:

«Я бы с удовольствием согласился на предлагаемое вами, но у меня лакей получает как раз эту цифру. На что же я то буду жить?». Публика, губернатор с супругой настояли, чтоб Милославскому дали оклад 200 рублей и два бенефиса. По тому времени это неслыханное вознаграждение. Милославский задался. Когда он играл — сборы полные, без него театр пустовал. Н. К. принялся за реформы, начал учить директоров вежливости с актерами. Через губернатора пополнял труппу талантливыми артистами, поднял мизерные оклады жалованья. Все это очень не нравилось директорам-генералам. С одним из директоров у Н. К. вышел крупный разговор. Он не хотел взять роли. Генерал закричал по генеральски, заявив, что раз он предлагает, то актер не смеет отказываться.

«Ведь предлагаю я! я»!.. Но тут Милославский его вышутил, осмеял.

В конце концов, генералы, при всей труппе, в конторе в своем присутствии, решили сделать Милославскому строжайший выговор. Милославскому и всей труппе разосланы были повестки, чтобы они явились в 12 часов в контору театра. Все недоумевали: что такое? Зачем? Н. К. пришел в театр часов в 11, заглянул в контору и понял, что там готовится что то торжественное: стол был покрыт красным сукном, старик сторож, из сол-

дат, ходит по конторе, держа в руках смолку, на которой горячие угли; дует на угли и окуривает контору. «Что такое у вас готовится?» — спрашивает Н. К. сторожа. «А вот, значит, тебя будут судить генералы», — отвечает сторож. Н. К. скрылся. К 12-ти часам в конторе собралась вся труппа, Милославского нет. Явились генералы в парадной форме, заняли места в креслах, около стола. Когда водворилась тишина, один из директоров обращается к режиссеру: «Позовите Милославского».

Вдруг слышится из за двери подобострастный голос Н. К.: «Здесь я, здесь!». С этими словами Н. К. на цыпочках вбегает, в костюме квартального из «Ревизора», загримированный, в парике и с баками; вытягивается перед судьями-директорами. Это неожиданное явление ошеломило директоров и труппу. После паузы, актеры расхохотались, директора опомнились. Один из них произнес: «Г. Милославский! что вы! опомнитесь, к чему эта комедия?». Тогда Милославский снял с себя парик и баки и сказал: «Да, вы верно сказали, что это комедия, которую вы здесь разыгрываете, — господа директора. Скажите, зачем вы нас сюда пригласили?».

«Вы наговорили дерзостей одному из директоров, генералу К. ., за это мы решили

сделать вам выговор при всей труппе». — «А какое право вы имеете делать мне выговор? В каком томе наших законов вы отыскали статью, чтобы свободному гражданину вы могли делать выговор, да еще публично? За дерзость привлекают в суд или вызывают на дуэль. За то, что я не принял роль, вы можете меня оштрафовать, но делать публичные выговоры вы не имеете никакого права. Это даже не комедия, а фарс с вашей стороны. Вы позволяете себе это проделывать только потому, что мы актеры». История развеселась по всей Казани и директора вышли из состава дирекции.

Для антрепренеров-грошевилов Н. К. был бич. Чего только он с ними проделывал! Антрепренер, желая сорвать сбор, ставит пьесу срунду. Расписывает на афише, что на сцене будет представлен «Тарутинский бой» при пушечной пальбе, летающих бомбах и так далее. На деле, пушечные выстрелы заменял турецкий барабан, а для бомб были выкрашены бычачьи пузыри, а для того, чтобы они летали, через сцену перекинули проволоку, по которой пускали бомбы. Н. К. играл офицера-героя, которого убивают. Н. К. упал, умер. В это время пустили бомбы; они застряли посреди сцены. Благодаря своей легкости пузыри на проволоке закачались. Как ни трясли проволоку, бомбы ни с места. Убитый Н. К.

встал, двумя пальчиками благополучно переправил их по назначению в другую кулису, затем лег на прежнее место и вторично скончался. Публика и актеры хохотали, антрепренер бесился; в результате антрепренер не ставил больше подобных пьес. Репертуар очищался от ерунды.

Я познакомился с Н. К. Милославским и что называется прилип к нему. Не помню кто то из актеров передал Н. К., что Иванов хвастался, что он «палача Милославского», «эту пакость» даром не возьмет в свою труппу. Н. К. говорит нам: «Хотите, господа, я вас позабавлю? Посмотрите, какую штуку я сыграю с Ивановым, он меня не только пригласит, но еще задаст мне великолепный завтрак или обед». Н. К. пошел на облаву. Н. И. сидел за особым столиком, попивал часек. Н. К. подошел к нему. «Сколько лет ищущая случая познакомиться с вами, многоуважаемый Н. И.; позвольте представиться, актер Милославский». — «Очень приятно», отвечает мрачно Н. И. — «Вы мне позволите побеседовать с вами и выпить чашку чая». — «Что ж, садитесь». — «От всех актеров, служивших у вас, только и слышу самые похвальные отзывы о вас: не нахвалятся». — «Как, неужели они меня, собаки, хвалят?» — «Да еще как». . . В таком духе они пробеседовали с час. Иванов постучал крышкой о чайник. Явился по-

ловой. Н. И. достает кошелек, чтобы расплатиться за чай, тогда Н. К. говорит: «Нет, Н. И., это уж мое дело платить. Я к вам явился незванный, непростенный». На другой день, смотрим, Милославский с Ивановым опять беседуют и кушают чай. «Скажите, говорит Н. К., отчего вы меня не приглашаете в вашу труппу?». Н. И. смущается и не знает, что ответить. Наконец находится: «Да не по карману вы мне, дороги». — «Для кого дорог, а для такого известного деятеля как вы, я счел бы за счастье служить, только бы хватило на пропитание». Н. И. тает от удовольствия, зовет пологого и открывает кошелек. Н. К. опять не позволяет ему платить. Иванов мне говорит: «Вот пакости, говорили про Милославского, что он палач. Оказывается прекрасный человек». На третий день они опять вместе. Иванов совсем размяк от лести Милославского. «А что, спрашивает он, сколько бы вы с меня взяли в месяц?». — «А что ж, Н. И., если вам не жалко 15 руб. — так я бы почел себя счастливым». Н. И. для приличия немного подумал и согласился. В это время мы уже все были у стола Иванова. Н. К. обратился к нам: «Вот, господа, счастье то! сколько лет желал служить у почтенного Н. И. Наконец бог услышал мою молитву. Поздравьте меня, господа». Мы поздравляем. Иванов сияет...

«А что, Н. И., говорит Милославский, не мешало бы нам sprysнуть наш союз, — позавтракать что ли». — «Что ж я не прочь». — «Присаживайтесь, господа, порадуемся вместе моему счастью». Затем он зовет пологого, спрашивает карту кушаний и обращается к Н. И. за советом, что бы съесть. Тот вежливо говорит: «Полагаюсь на вас, что хотите, то и заказывайте». Н. К. уходит советоваться с буфетчиком. Через пол-часа докладывают, что все готово. Мы пересаживаемся за великолепно сервированный на 12 персон стол, уставленный всевозможными закусками, водками, винами. Потом явились: стерляжья уха, филе с трюфелями, спаржа, омары, перепела, шампанское, ликеры. Н. И. любил покушать, тем более на чужой счет, и все были, что называется, в ударе, Н. И. хохотал до слез. Я полагаю, что у него это был самый счастливый час в его жизни. По окончании завтрака Н. К. спросил счет. Когда половой подал счет Милославскому в 122 руб., то Н. И. из приличия опять полез в карман, открыл свой кошелек, при чем умильно смотрел в глаза Н. К. Но тот, передавая счет Ивипову говорит: «Да, да, Николай Иванович, теперь уж вы заплатите, мне, знаете, надоело все за чай то платить». Вот была потеха то! Я думал, что с бедным Н. И. сделался удар, он произнес только: «Как!» — «Да таи, брат»,

ответил Н. К. Мы готовились смеяться, но отошли от стола с испугом. Долго сидел Н. И. за столом. Около него стоял половой в выжидательной позе. Медленно Н. И. вынул бумажник, расплатился и бледный, шатаясь, ушел.

ДВА ГОДА В ДИНАБУРГЕ (ДВИНСКЕ)

Время шло быстро. Из Динабурга для формирования труппы приехал мой приятель — суфлер Кочетков — уполномоченный от В. Я. Оберского. Митя сейчас же пригласил меня в Динабург на 360 рублей в год с бенефисом, сообщив, что фирма Оберского только для виду, а настоящий хозяин инженер-полковник Н. И. Гательстром, владелец театра, человек богатый, но, как военному, ему держать театр нельзя. Ударили по рукам. В конце пятой недели я и мой товарищ по школе — Алеша Степанов (его тоже пригласил Митя Кочетков) отправились в Динабург. Дорожные деньги Кочетков нам выдал почему то на Петербург по железной дороге и оттуда на Динабург на почтовых, на перекладных.

Я оставил Динабург в начале 1858 г. и с того времени в нем не был. Динабург 1856 г. был одним из беднейших и грязнейших городов России. Город тогда разделялся на три части: крепость, населенная военным ведомством, там же жительствоваали комендант,

плац-майор и другие военные власти. Крепость от нового форштадта отстояла в четырех верстах и соединялась дамбой с шоссе. Новый форштадт, населенный преимущественно евреями, литовцами, поляками и немногими русскими. Форштадт имел на главной площади единственную, маленькую, бедную православную церковь, много польских костелов, полицейское управление, нечто в роде гостиницы, убогую гостиницу (под фирмой «Петербургская»); тут же находились плохенькие с разным товаром магазины. Площадь изображала квадрат, обсаженный редкими, чахлыми деревьями. В середине был устроен плац для войск во время парадов и разводов. Кругом плаца находились вышеупомянутые каменные постройки. От площади шли продольные, грязные улицы. Дома деревянные, большею частью неокрашенные лачуги. В лучших домах помещались еврейские школы (молитвенные дома). При полном отсутствии мостовых на улицах стояли невылазная грязь и непротасываемые лужи. На тротуарах, взамен камня, настланы доски. Город не освещался и ходить в ночное время было не безопасно: ступишь ногой на конец тесины, — получишь удар другим концом. Одна небольшая улица, идущая к Двине, начала застраиваться трехэтажными каменными домами и имела несколько порядочных магазинов. Помню один

из них — гастрономический с продажей вин, если не ошибаюсь под фамилией Юргенс; при магазине имелось нечто вроде кабинетов, где можно было выпить и закусить. Близ дамбы было громадное место, застроенное на два угла одноэтажными деревянными домами, выходящими на улицу, остальное место — заборами. Посреди небольшого двора, с разными постройками и разводимым садом, стояло красивое деревянное здание: это был театр. Все дома и театр составляли собственность нашего директора Николая Ивановича Гагельстрема. Дамба шла по берегу Двины. На другом берегу виднелось большое селение, под названием Гривка. Старый форштадт находился в нескольких верстах от нового. Там большинство жителей были русские раскольники, имели свои молебни. Наружный вид старого форштадта напоминал села Нижегородской губернии.

При въезде в город мы были окружены бедными факторами, евреями. Они забросали нас вопросами: откуда мы? за каким делом приехали? надолго ли? на какую цену нужна квартира? После долгого гвалта один из них без нашего приглашения сел на козлы и сказал ямщику куда ехать. Поместил нас в очень грязные номера, но к вечеру для меня и Алеши Степанова панял общую квартиру из двух комнат, скверную, но деше-

вую. Тут же в доме рекомендовал повара Яна, у которого мы могли брать стол. Ян предложил на наше усмотрение: или обедать у него в чистой кухне, или он будет доставлять кушанья на квартиру. Мы предпочли первое и не раскаялись; поляк Ян прекрасно нас кормил, кушанье подавалось прямо с плиты: его борщ, колдуны, фляки и духовое мясо до сих пор вспоминаются.

Итак мы водворились на жительство в г. Динабурге. Наш милый фактор достал нам самовар, купил чай, сахар и проч. Затем рассказал нам все тайны театра. За все хлопоты взял всего-на-всего 30 копеек и чуть ли не ежедневно навещал нас, в минуту безденежья доставал, что нужно, а за хлопоты попрежнему брал пустяки. На другой день нашего приезда мы приоделись для визитов по начальству. Отыскали театр, спросили где живет Василий Яковлевич Оберский.

Оказалось, что его квартира в одном из домов при театре. Вся труппа тоже жила по разным квартирам в домах Гагельстрема. В. Я. жил в отдельном доме вместе со своей приемной дочерью Евдокней Васильевной Оберской (премьершой труппы) и зятем, известным актером Александром Максимовичем Максимовым. Он был режиссером труппы. Старик Оберский — типичная личность. Высокого роста старик, лет около 80-ти, худо-

щавый, сутуловатый, с длинными седыми волосами, большим носом и красным лицом. Он имел привычку к каждой фразе прибавлять «Богом клянусь». Он был поляк, до 1831 года держал по польским городам большие польские труппы. Затем стал антрепренерствовать по городам Литвы и Белоруссии с русскими труппами, на которых окончательно прожился. Когда его воспитанница Е. В. Оберская, которую он любил как родную дочь, стала актрисой, судьба занесла их в Динабург, где Е. В. вышла замуж за Максимова. Театральные дела были плачевны. В это время явился Н. И. Гагельстром, большой любитель искусства. Он выстроил новый театр и предложил Оберскому бросить антрепризу и поступить на службу к нему — управляющим театром и номинальным антрепренером. «Богом клянусь! я согласен», и дело сделано. Конечно, Е. В. и А. М. были ангажированы.

В. Я. встретил нас радушно. Впрочем, сказал: «Д. М. Кочетков писал о вашем приглашении. Но вот как то вы понравитесь полковнику! Богом клянусь! Он у нас бедовый! Да вот еще беда то! С кем вы играть то будете? Богом клянусь! — у нас пока только три актрисы, но из них Евдокия Васильевна и г-жа Новикова беременны, только одна старуха Боброва осталась. Не знаю, как А. М. распорядится». Во время

этого разговора, вошел молодой человек симпатичной наружности с волосами цвета льна. При входе он склонил и добродушно произнес: «Что вы, шут вас возьми, так долго ехали? Я — Максимов; пойдите в гостиную знакомиться с женой». Отправились. А. М. представил нас довольно оригинально: склонув, он сказал: «Кто из вас Медведев то?». — «Я». «Ну вот тебе, Дуня, Медведев, а это будет Степанов». Мы увидели перед собой молоденькое худощавое существо, с привлекательным, оживленным лицом, малого роста. Она была в роскошном капоте, который не мог скрыть ее беременности. Мы вematриваемся в Е. В., а Максимов опять склонув и довольный произнес: «Вы что смотрите то? Дуня то у меня беременна. Ей богу так». Поговорили о Москве. Е. В. сказала, что завтра нам надо представиться директору — полковнику Гагельстрому. «Где он живет?» — спросил я. «Видите ли, у него квартира собственно в крепости, но театральных он принимает здесь. У него тут приемная и кабинет». А. М. вызвался нам показать это помещение, находившееся рядом с гостиной. Мы увидели довольно большой зал, завешанный рыцарскими шлемами, театральным оружием и разными бутафорскими вещами. За залом был кабинет с письменными принадлежностями. «Ну чорта ли тут смотреть

то, — сказал Максимов, — пойдете, лучше я вам театр покажу». При осмотре театра я был прямо поражен его чистотой, отделкой. А. М. велел спустить занавес и поставить несколько декораций. Декорации были художественные. Гагельстром, как объяснил нам А. М., заказывал их в Берлине, Риге, Варшаве и Петербурге. В гардеробе оказалось изобилие роскошных костюмов, имелась чудная мебель. «Ну, думаю я, попал, наконец, в настоящий театр: это не Ивановым-палачом пахнет». «Пойдете знакомиться с труппой! Какого чорта еще ждать! А то неловко встречаться незнакомыми», — говорил, сплевывая, А. М., — они все здесь живут». Пошли визитировать по труппе. Максимов привел нас в квартиру из двух комнат и познакомил с Прасковьей Ивановной Бобровой, — дамой лет под 50. Она как то жеманилась не по годам.

Сделали визит затем Николаю Александровичу Новикову с его женой, которая была тоже «с бонжуром». Я подумал: «да с кем же играть то мы будем?». У Новиковых познакомились с актерами (поляками) Русецким и Грунэ. Последний играл небольшие роли, исполнял обязанности помощника режиссера, заведывал библиотекой, костюмами и бутафорией. Вполне полезный и любящий дело человек. Кстати, опишу вкратце деятельность

на сцене упомянутых лиц. А. М. Максимов — премьер трушны, очень талантливый, играл в то время драматических и всякого чина любовников. Как талантливый человек, из всяких трудностей выходил победителем, но настоящие его амбула — простак и впоследствии характерный комик. П. А. Новиков — большое дарование на комические роли; к несчастью, за долгое пребывание в Западном крае привык к местному акценту и методу игры польской школы, что вредило ему особенно в русских комедиях. К тому же несчастный страдал запоем, который обыкновенно продолжался не менее двух недель. В это время он был неузнаваем, терял облик человека. Запой его странно оканчивался. Выпивая последний стакан водки, он буквально грыз этот стакан и пережевывал его; страшно было смотреть на этого окровавленного человека. После этого, он обыкновенно возвращался домой, ложился дня на три в постель, затем являлся на службу, изнуренный, худой. Впоследствии П. А. бросил актерство, служил в Харькове у Н. Н. Дюкова бутафором. Он замечательно выделял из бумаги разные бутафорские вещи, был известен в этом искусстве по всем большим театрам провинции и получал много заказов. П. И. Боброва была хороша в ролях типичных старух. К несчастью, хотела играть

молодые роли. Его брат — Гр. Ив. Быстров — недурной актер на бытовые роли. Обладал порядочным тенором, играл водевили с пением. Его любимая роль — Макар Алексеевич Губкин. Человек он был неразвитой, да и природной смекалки не хватало. Поэтому и на сцене преподносил часто сюрпризы. Однажды он играл Пьера в «Материнском благословении». В 4-м действии, когда Мария теряет рассудок, Пьер, являющийся воплощением любви, начинает арию безумной речитативом: «Мария! Мария, что с тобой?». Быстров полагал, что это комическое место и пропел так: «Мария! Мария, ух! Что с тобой?». И это добавочное «ух» он так ухарски крикнул, что публика захотала.

На другой день после наших визитов нам предстояло явиться на смотр полковнику. В 11 часов утра мы были у Оберского. В. Я. нас встретил как то пугливо, разговаривал чуть не шопотом: «богом клянусь! здесь он, здесь. Постойте, я ему доложу о вас!». Затем он долго поправлял свои волосы, галстук, застегивал на все пуговицы сюртук, вздохнул, прошептал еще тише: — «подождите». Признаюсь откровенно, В. Я. напустил на нас такого страху, что мы побледнели и смотрели друг на друга с испугом. Я думал: «Что за чорт! Да что же это за

директор, которого так боятся даже за три комнаты от него?». Наконец, послышались шаги, В. Я. при входе долго осматривал нас, затем тяжело вздохнул и произнес тихо: «Ступайте!». Поведение В. Я. так на нас повлияло, что мы на цыпочках пошли к полковнику как бы на верную смерть. А тут еще Максимов выглянул из своей спальни и, сплюнувши, проговорил: «Что черти, испугались? Идите, идите, — вот он вам задаст жару». Ни живы, ни мертвы мы вошли в приемный зал. Тишина. Я почувствовал озноб. Смотрю на Степанова. Его рожа показалась мне до того глупой, что в другое время я бы расхохотался, ну, а тут уж не до смеха. После долгой паузы, в кабинете что то зазвенело, крикнуло, и мы увидели что то надвигающееся на нас. Я от страха ничего не мог разобрать: помню — толькодвигающиеся вверх и вниз черные усы и густые эполеты. Это «что то» заговорило быстро, громко: «Вы приехали? рад, прощайте!...». С этими словами усы и эполеты моментально исчезли. Когда мы проходили обратно гостиную, неумытая рожа Максимова саркастически проговорила: «Что, каков?». А Оберский произнес: «Ну, слава богу, представились». Ошалелые, ни на кого не обращая внимания, мы удирали. Во время дороги друг другу не сказали ни одного слова

и только в квартире, усевшись, оба в одно слово произнесли: «Вот так полковник! Нет, здесь страшно, надо удира́ть от этих мест». Спустя час, мы от души хохотали своему глупому испугу. Затем, когда были у Максимовых, рассказали им о нашем визите. Они от души хохотали, а Максимов сказал: «Я видел, что вы испугались и парочно припугнул вас».

Ник. Ив. Гагельстром, в своем роде, был замечательный человек. Он отдал всего себя на пользу искусства. Занимая ответственный пост главного инженера крепости, он все свободное время отдавал театру. При своих хороших средствах он поставил театр относительно постановки пьес так, как только обставляются в настоящее время пьесы в императорских театрах. Он беспрестанно ездил в Берлин, Ригу, Петербург и Варшаву заказывать декорации, костюмы, мебель и вообще всю обстановку. Хороший музыкант, он при постановке опер или концертов сам дирижировал оркестром, певцами, устраивал любительские спектакли, в которых непременно участвовал сам. Выступал в трагических ролях, как, например, в роли Карла в «Разбойниках» Шиллера и других подобных ролях.

Наружность Н. И. была необычайная. Представьте себе небольшого роста, худощавого

человека лет около 40, со смугло-морщинистым лицом, с черными волосами, начавшими серебриться, с подвижными карими глазами, небольшими усами, которые всегда как то странно двигались. Темпераментом этот человек обладал большим. Трудно было видеть его спокойно сидящим. Его подвижность была поразительна. Он не ходил, а летал. Бывало, во время репетиции слышим отчаянные возгласы служителей театра: «Ай! Ой!». Это означало, что явился полковник и чистит служителям зубы... обмолвился, виноват, — водворяет чистоту в театре. Его энергии хватало на все. Говорил отрывисто, односложно и всегда с восклицаниями и пафосом, например: если он доволен исполнением актером какой нибудь роли, то на другой день на репетиции являлся неожиданно и быстро подлетал к артисту со словами: «Вы... превосходно играли вашу роль!» — сунет в руки актеру сверток, и сейчас же исчезнет, после чего в коридорах театра опять слышится: «Ай! Ой!». Придя в себя, актер разворачивал сверток и находил для себя подарок — трико или сукно на платье. Бывали явления и противоположные. «Вы... совсем испортили вашу роль», — кричал он и также быстро исчезал. Дисциплина у него была почти военная, возражений никаких не терпел. Если пьеса, которую он лично обставлял, не имела успеха, то мы

на другой день ждали грозы; раз после подобной неудачи произошел совсем скандал. Мы до репетиции были в саду. Бежит Оберский и кричит: «Богом клянусь, господа, спасайте театр! Наш сумасшедший хочет его сжечь. Таскает туда щены и стружки. Запалит,— все пропало!». Мы бросились отыскивать ведра, наполнили их водой и поспешили в театр.

Возвращаясь из своего путешествия, П. Н. непременно привозил пьесу, которая ему понравилась. Для иностранных пьес он находил переводчиков. Эти пьесы всегда ставились под его наблюдением. Помню, в Петербурге ему понравился А. Е. Мартынов в каком то водевиле. Роль пустая, но гениальный комик сотворил из нее какое то чудо. Вся игра была построена на курении трубки. Полковник явился с этой пьесой на репетицию и палтел на меня. «Вы должны сыграть эту роль. Видел! Мартынов! Чудо! С трубкой, удивительно! Посмотрим, как вы». Сунул мне в руку пьесу и исчез. Каково положение? Читаю, ничего не понимаю. Роль начальника отделения, про трубку ничего не сказано. Пьеса и роль плохи. Впоследствии я узнал, что гениального комика как то раз едва отыскали, он веселился и забыл, что играет. Когда его привезли в театр, он взял водевиль, прочел и спросил трубку, и этой трубкой сделал чудеса. Я пробовал распро-

силь полковника, но получил ответ: «Трубка». Наконец, прошел этот водевиль, я играл тоже с трубкой, но зачем она была у меня, я не понимал. Ну, думаю, завтра задаст мне полковник трубку. На другой день он действительно налетел на меня. «Вы своеобразно, прекрасно сыграли вашу роль, но с трубкой ничего не вышло. Вот!». Сунул мне сверток, и исчез... Я, вообще, пользовался его расположением. На второй год моей службы у нас в театральном фойе была считка какой-то пьесы. Послышались обыкновенные: «Ай! Ой!», — и в фойе влетел полковник. Все встали, в том числе и я, чтобы отдать ему поклон. Поклонившись, я сел, вдруг полковник подскочил ко мне, задержал усами и произнес: «Вы не поклонились мне». — «Вы ошибаетесь, я вам кланялся», — отвечал я сидя. — «Отчего вы не стоите передо мной, когда я с вами разговариваю». — «Не считаю удобным, вы можете принять меня не за актера, а за солдата». — «Вы обязаны передо мной стоять, — я ваш директор!» — «Я обязан быть только вежливым с вами». — «Так вы полагаете, что не обязаны стоять?». — «Полагаю!». — «Хорошо, едемте в крепость к коменданту, он вам докажет, кто я». — «Едемте», — отвечаю я. Мы вышли из театра, нам подали коляску. «Садитесь!». — «После вас». — Садитесь, вам говорят!». Сели. После паузы, полковник про-

бормотал: «Лучше бы было вам передо мной извиниться». — «Не в чем». — «Вам ничего не стоило встать!». — «Я бы и встал, если, бы вы не приказывали!». В подобных разговорах мы доехали до крепости. «Стыдно вам, молодой человек, упрячься, обидели вы меня, но я не хочу вас губить, к коменданту мы не поедом. Иван, поверни обратно». По приезде в театр я поблагодарил полковника за прогулку в его коляске. Он исчез. На другой день, на репетиции, полковник при всех подлетел ко мне, взял меня за руку и тряс ее, проговорил: «Вы превосходно вчера выдержали характер! Благородно, благодарю!». Сунул мне футляр с часами и исчез. Вообще, несмотря на все странности Н. И. и на его применение военной дисциплины к актерам, это был хороший человек, а главное, любил театр, а за это многое можно было простить ему.

В конце пасхи полковник сказал, что через две недели через Динабург будут проходить из царства Польского войска гвардейские, кавалерия. В Динабурге будут дневки, и потому спектакли необходимы. «Богом клянусь, г. полковник, актрис нет». — «Ну уж там как знаете, а спектакли что бы были». Максимов решил, что можно и с одной Бобровой найти несколько водевилей. «Ну и прекрасно, устраивайте, а я не надолго уеду в Берлин».

Максимов начал составлять репертуар, «М. А. Губкин», «Комната с двумя кроватями», «Комната с отоплением и прислугой». На этом комнатном репертуаре дело стало. П. И. Боброва советовала поставить водевиль «Ножка».

В водевиле у меня хорошая роль мужа, и я тоже стоял за «Ножку». «Да кто же Луизу то будет играть? Ведь это молодая кокетка, за которой ухаживает капитан?» — спросил Максимов. «Боброва говорит, что она эту роль везде играла с успехом». — «Да что вы, шут вас возьми, ведь она молодая!» — сплюнул Максимов.

Быстров вступился за сестру. «Экой ты, братец ты мой. Сестра сыграет, она лицом видная. Какой тебе еще надо?». П. И. Боброва роль отвоевала.

В первый спектакль поставили «Комнату с отоплением» и «Губкина». Гвардия с музыкой входила в Динабург. Репетиции шли плохо, — кавалерия мешала: как только заиграет военная музыка, так П. И. Боброва бросает репетировать... Кричит: «Брат, брат, полк идет», — и оба убегают. В первом спектакле я и Степанов дебютировали в «Комнате с отоплением». Особого успеха труппа от гвардейской публики не имела, но спектакль сошел благополучно.

Для второго спектакля поставили «Ножку» и «Комнату с двумя кроватями». От «Ножки» то мы и захромали. Надо сказать, что соль

водевиля в том, что у башмачника Роде хорошенькая жена Лиза, которую он ревнует. Лиза ошибкой заходит в квартиру молодого капитана, который начинает ухаживать за ней. Лиза ему отвечает. Неожиданно к капитану является Роде. Капитан моментально прячет Лизу за оконную занавесь, которая закрывает Лизу. Капитан, желая подшутить над мужем, заставляет его снять мерку с ноги его жены, которую он не видит, ибо из за занавески только показывается ее ножка. Театр битком набит кирасирами и гусарами. При первом выходе красавицы Лизы-Бобровой начался в публичке легкий говор и смех. Когда же дело дошло до мерки и Боброва из за занавески показала не ножку, а — да простит она мне — ножищу, в шерстяном чулке, то 1-й ряд запротестовал, послышался голос: «Нет! это невозможно! Это чорт знает что такое». В один миг г. г. офицеры перелезли через оркестр и очутились рядом со мной на сцене. Один из них обращается ко мне: «бросьте, молодой человек, охота вам дурачиться, поедьте с нами ужинать». Другие предложили то же остальным актерам. В зрительном зале заговорили: «Да, господа, едьте ужинать, что то скучно... Привозите артистов к нам». Гг. офицеры были настолько любезны, что присутствовали при нашем туалете, так что нам уйти нельзя было. Когда

и как я очутился дома — не помню. Вот мой дебют в Динабурге.

Вскоре приехала актриса Александра Васильевна Гаврилова на 2-е роли барышень. С ней и с Бобровой мы для гвардейцев играли чуть не каждый день. Спектакли шли слабо. Все взятое вместе меня и Степанова возмущало.

Решили мы с Степановым уехать потихоньку. Открыли свою тайну повару Яну и нашему фактору: они нам обещали свое содействие и даже наняли лошадей. В одну из ночей был назначен наш побег. У нас уже все было уложено. Вечером мы пошли в театр, шутили, смеялись, приглашали к себе завтра на кофе, при чем прибавляли, что у нас будет чисто. Степанов мне шепнул, что он отправится на квартиру, чтобы узнать, когда подадут лошадей. Я продолжал с труппой шутить. Является Степанов и шепчет мне, что у нас на квартире квартальный, который заявил, что он прислан, чтобы не выпускать нас из города. Я был характера горячего и грубо обратился к Максиму: «Это ваше дурацкое распоряжение не выпускать нас». — «Да, а вы что же, чорт вас возьми, за дураков нас считаете, что без всяких разговоров удрать хотите? — уж не сплевывая, и совсем раскипятившись, отвечал Максимов, — так поступают только жулики!» Квартальный взял с нас подписку о невыезде. На другой

день в театр мы не пошли. К вечеру получили повестки явиться завтра в 11 ч. к полковнику. Мы совсем приуныли. Что будет? На другой день мы явились: предварительно зашли к В. Я. Оберскому. «Богом клянусь. Что вы наделали, за что вы Дунечку так обидели?»—говорил старик со слезами на глазах... Мне самому хотелось плакать, но я удержался. Как всегда В. Я. долго собирался, чтобы доложить о нас полковнику. Наконец, он вышел от полковника и заявил: «Г-н Степанов, пожалуйста, а вы после него». Алеша пошел на расправу... Послышался шум и через несколько времени Степанов прибежал бледный, волосы в беспорядке. Я его шопотом спросил: «Был что ли?» — «Нет, да вот увидишь, ступай». Ну, думаю, пришел мой конец. Если он позволит коснуться до меня, то посмотрим, кто — кого. С этими мыслями я направлялся в приемный зал. Не успел я войти, как из кабинета вылетел полковник и остановился против меня. Он был багровый, его всего трясло, усы двигались, густые эполеты тоже тряслись. Право, он был страшен. После большой паузы, он заговорил: «Что вы позволили себе наговорить Евдокии Васильевне? Знаете ли вы, что я с вами сделаю? Я вас убью!». С этими словами он бросился в кабинет, как бы за смертельным оружием. Я ему только и успел сказать

вслед: «Я лучше уйду»... Тем дело и кончилось.

К зимнему сезону труппа улучшилась. В нее вошли талантливая Мария Игнатьевна Павлова, большого дарования актриса. Амплуа ее нельзя определить, но все, что она играла, было талантливо, ярко и задушевно. Мария Игнатьевна — была крепостная — ее барыня, некто Шкамарда, в свое время была замечательной личностью в театральном мире. Имела (как говорила она и другие) хорошее состояние: несколько имений и много душ крестьян.

Природа обидела Шкамарду внешностью. Она была небольшого роста, худощавая, с длинными руками и горбата. С такой внешностью она захотела во что бы то ни стало сделаться актрисой и прославиться. После смерти родителей, когда наследство перешло к ней, Шкамарда устроила у себя в одном из имений театр. Сформировала свою крепостную труппу, в которой играла сама. Когда, по ее мнению, труппа усовершенствовалась, она, чтобы не растратить последнего состояния, поехала с ней по разным городам провинции. Но так как она сама желала играть первые роли, то труппа успеха не имела и давала одни убытки. Шкамарда не унывала, закладывала имения, продавала крестьян и все таки играла. Когда же все было распродано, она начала сокращать свою труппу,

т. е. постепенно продавала своих актеров и актрис. Наконец, дошла до крайности и всех распродала. Осталась одна ее любимица крепостная Маша — талантливое существо. С ней Шкамарда не могла расстаться. Этой Маше судьба назначила кормить свою барыню. Для Маши антрепренеры приглашали и Шкамарду. Благодаря требованиям Шкамарды, чтобы ей давали героические роли, она долго не уживалась на местах. Уезжала и возила Машу, которую все желали оставить. И чего-чего только с этой несчастной Машей ради своих прихотей не проделывала Шкамарда! Что она заставляла эту несчастную девушку делать — ужасно. Шкамарда была энергичная дама: если ей что нужно, она выпросит, поставит на своем. Она дошла до в. к. Константина Николаевича и ей в Павловске дозволено было играть с провинциальной труппой. Во время путешествия императора Александра II Шкамарде вздумалось показать свой талант государю, и она добилась и этого. На одной из почтовых станций, где государь кушал, во время кофе, Шкамарда была допущена читать сцену вранья Хлестакова. Она читала в мужском костюме, за что получила благодарность и подарок.

Эта самая Шкамарда в минуту жизни трудную явилась с М. И. в Динабург и стала просить, чтобы ее и М. И. пригласили. Ей

отказали, но М. И. взяли. Обстоятельства у г-жи Шкамарды были настолько плохи, что она вынуждена была, скрепя сердце, согласиться. Забрала за полгода жалованье Маши и скрылась. С пополнением труппы и репертуар стал улучшаться. Пошли комедии. Я играл много хороших ролей, особенно удалась мне роль Дженкинса в пьесе «Скюлюван». 26-го августа праздновали коронацию императора Александра II. Помню, осенью государь проезжал через Динабург. Мне рассказывал про этот случай полковник Смирнов. Все начальство, комендант, плац-майор, городничий, войска ждали его с утра на дамбе у крепости около моста. Ждали до 3-х часов пополудни, приехал кто то и заявил, что государь остановился на какой то станции кушать и в Динабург приедет не ближе 9-ти часов вечера. Комендант и остальное начальство отправились тоже покушать, а после предаться в объятия Морфея. Один Смирнов остался со своим полком у моста через Двину. И что же? Государь переменял время обеда, явился в Динабург в 5 часов пополудни. Видя, что его никто не встречает, он подозвал Смирнова, сказал ему: «Здравствуй! Скажи пожалуйста, здоров ли комендант и как поживает городничий? Кланяйся им от меня». Комендант и городничий в самом деле заболели, когда им Смирнов передал слова государя.

С половины июня приступили к репетициям бенефиса Е. В. Оберской. Наш полковник роздал нам партии из оперы Вебера «Фрейшюц» («Волшебный стрелок»). Исключая Акимовой, которой поручили партию Агаты, нот из нас никто не знал. Хор составили из военных писарей и мальчиков кантонистов. Мальчики, одетые в женские костюмы, разучивали женские голоса, боже, что было хлопот нашему полковнику! Тут он показал всю свою энергию. Он весь отдался нам. Вряд ли он в это время бывал на службе. В самом деле трудно выучить людей, безголосых, не знающих нот, петь оперу. Представьте, все таки пели, и даже хорошо, доказательством чему служит то, что опера прошла 12 раз при полных сборах. Правда, такой роскошной обстановки «Стрелка» я нигде не видал. При этом имейте ввиду, что опера с прозой и мы ее играли как настоящие актеры, а пение, от усердия ли или от того, что полковник сам был в оркестре и дирижировал оперой, было сносно, как будто и голоса у нас явились. Да чего русский актер, когда захочет, не сделает! Хорошим помощником полковнику был Шульд. Он с нами партии разучивал на скрипке. К полковнику мы переходили на фортепиано. Надо было видеть лицо полковника, когда из нас ктонибудь сфальшивит. Теперь, и то страшно. В результате

же наш полковник был в восторге. По окончании оперы, задал нам пир с музыкой и танцами.

Незаметно прошел 1856 г. Наступил 1857 г. Я и Степанов были приглашены полковником еще на год. Мы согласились. С Максимовым установились вполне дружеские отношения. Я и Степанов переменили квартиру на лучшую. Наняли лакея Игнаца. Очень милый поляк, он привязался к нам и готов был за меня идти в огонь и в воду. Квартиру мы наняли у зажиточного еврея, у которого были молодые два сына, большие театралы. Я бывал часто в гостях у моих хозяев. Как то я захворал и они—спасибо им—ухаживали за мной как за родным. К нашей труппе прибавилось два лица: Григорий Максимович Григорьев и Кочетков (брат Максимова). Очень талантливый драматический актер на роли любовников (не помню фамилии), польский актер. Готовили и усиленно репетировали месяца два «Марию Стюарт», для которой делалась вся новая обстановка. Эта пьеса шла в бенефис Е. В. Оберской. Имела большой успех, повторялась много раз. Репертуар за два года велся разнообразный. Упомяну о пьесах, имевших особенный успех. «Доходное место» шло с ансамблем. Особенно были хороши Полина—Оберская, Жадов—Максимов, Кукушкина—Павлова, хвалили меня за

Белогубова. Затем «Вечный жид» (из романа Евгения Сю). В ней Максимов бесподобно играл иезуита Родена. А. М. Максимов имел обыкновение, после сыгранных им сильных ролей, спрашивать меня: «Ну, что! как у меня прошла роль?». Я заметил, что когда я восхищался им, он всегда приглашал нас с Степановым завтракать, говоря обыкновенно: «Да какого чорта здесь то толковать! Пойдемте завтракать к Юргенсу». Завтраки нам нравились. Лафит еще больше. Мы начали эксплуатировать А. М. Бывало, захочется хорошо позавтракать, уговоримся с Степановым хвалить Максимова в трагических ролях. Но чтобы быть добросовестными, к концу завтрака мы ему объясняли, как умели, все недостатки его игры. «Да какого дьявола,—говаривал он, сплевывая,—до завтрака я был хорош, а к концу чуть не совсем плох. Что вы, черти!».

Был у нас в своем роде единственный театр—полковник Смирнов. Он страстно любил театр и артистов: каждую неделю устраивал обед для труппы. Вообще, он доставлял всевозможные удовольствия труппе. Хороший был человек. В начале 1858 года явилась пьеса соч. Львова, «Свет не без добрых людей», имевшая успех в Петербурге. Она бичевала наш административный строй. Полковник привез ее и был так добр, что отдал пьесу

в мой бенефис. Вся труппа принялась за роли с особым усердием. Действительно, что ни роль—то сокровище. А. М. Максимов очень хорошо ее режиссировал, словом, пьеса произвела фурор и несколько раз была повторена. Полковник ликовал и говорил, что она идет лучше, чем на петербургской сцене. Я тоже был в восторге, мне удалась роль и я заполучил хороший сбор. Но бенефисные визиты к незнакомой публике были ужасны. Вот несчастный обычай! Как я благодарю бога, что мне, когда я был антрепренером, удалось искоренить его. Эта процедура устраивалась следующим образом: бенефициант брал опытного, знающего публику, капельдинера, который являлся с порядочным извозчиком, с афишами, напечатанными на папиросной бумаге, а для знатных лиц—на атласе. Бенефициант, облаченный во фрачную пару, садился в экипаж, а капельдинер на козлы к кучеру. Оба крестились и ехали. Спрашиваешь, к кому первому: «Да вот тут живут господин добрый, бывает часто у нас, может быть, и примут». Приезжаем. Капельдинер слезает, звонит с парадного или со двора, долго пропадает, а ты сидишь и думаешь, что это за добрый господин. Капельдинер возвращается, издали мотает печально головой и грустный садится на козлы. «Ну что?»—«Да что, должно быть не в час попали; как крикнет

на меня: «что нужно?». Вот, говорю: «г. Медведев с бенефисом». «Чорт, говорит, вас носит, скажи: если вздумаю, так знаю, где касса, сам куплю билет». — «Ну, а теперь куда?» — «Да вот тут — тоже господни, не знаю, что бог даст». То же самое. Я уж не спрашиваю... Наконец, через два десятка домов, капельдинер возвращается радостный и со двора еще кричит: «Пожалуйте, просят!». Он сует мне в руку афишу, снимает верхнее платье. Вхожу в приемную комнату... Вижу офицер, рекомендую, приглашаю посетить мой бенефис. Офицер что то бормочет, вынимает бумажник, перебирает ассигнации... Мой капельдинер, сияя, сует мне в руки билет 1-го ряда кресел. Я жду, а офицер все считает деньги, вынимая их из бумажника на стол. Прошло, по крайней мере, с четверть часа, пока он опять заметил меня и сказал: «Ах! да, вы с бенефисом! Извините, в четверг я быть в театре не могу». Каково положение! Наконец, начинаются обязательно-официальные визиты. У коменданта ждешь в приемной не менее получаса. Наконец, его превосходительство является, подходит с строго официальной физиономией, спрашивает, что угодно... «Был бы счастлив, еслиб вы, ваше превосходительство, удостоили посещением мой бенефис». Заметьте — какая подлость и вранье! Был бы счастлив, чем? В сущности мне решительно все равно, будет

он или нет. Его превосходительство долго на меня смотрит, затем произносит: «А! а, вы кажется хорошо играете дураков». Но тут моя почтительность кончилась и я отрезал: «Премущественно военных, ваше превосходительство». Повернулся и ушел. А положение, когда тебя принимают радушно, берут билет и сдачу в 2 рубля не принимают, а великодушно жертвуют тебе, приговаривая: это вам за то, что посетили. В Орле я был очень любим публикой: мои бенефисы составляли событие. Визиты я как антрепренер уже уничтожил. В день моего бенефиса, я еду по Болховской улице. Меня встречает жандармский полковник. Останавливает и говорит: — «Батюшка. П. М., поезжайте к купцу В. Вся семья обожает вас, я взял на себя смелость сказать им, что вы у них сегодня будете». — «Зачем же я поеду? Что вы полковник?» — «Да видите ли, дорогой мой! Скрывать от вас нечего. Мы вам сегодня готовим кое что, и В... один из главных подписчиков. Ну что вам стоит сделать им визит, я уж не говорю про себя, какое бы вы мне сделали одолжение этим. Да и Сергею Сергеичу (губернатор) был бы приятен этот визит». Убедил, поехал. Приезжаю. Именитый купец меня встречает, ведет в гостиницу, которая полна семейством и гостями. После представления меня усадили. Смотрю, во всех

дверях головы прислуги и все это смотрит на меня. Завязывается самый обыкновенный разговор. Что я ни скажу — начинают смеяться, мне делается неловко. Чуть я произнесу какуюнибудь фразу, хозяин, семья и гости заливаются хохотом. На них глядя, прислуга в дверях тоже. Вижу дело плохо, я раскланиваюсь, хозяин провожает меня до передней, говоря: «Ну спасибо вам, потешили. Там, что нужно за билет я заплатил, а вот это от меня особо за то, что посмешили». Сунул мне в руку ассигнацию, я ошалел, сконфузился, отдаю ему десятирублевку обратно. Не берет, а треплет меня по плечу, приговаривая: «Стоит, стоит, голубчик, спасибо!» — и ушел. Все, что я мог сделать — это отдать 10 рублей его лакею.

К концу динабургского сезона, начали поговаривать, что начальство Н. И. Гагель-строма недовольно тем, что он так предан театру. Полковнику надо было уладить свои служебные дела, а потому неизвестно еще, будет ли он держать труппу. Мы с ним дружески распростились, а также и с Максимовым. «Какого лешего прощается то, увидимся, мы с Дунькой тоже в Москве будем», — утешал он нас сплевывая. «Богом клянусь, мы уж не увидимся», — горевал старик Оберский. Ехали мы на почтовых на Витебск, потом на Смоленск. Я с гордостью смотрел на дорогу, по которой четыре года назад я путешествовал пехотурой.

МОСКВА И ВОЛГА

Приехал я в Москву в начале второй недели великого поста. Съезд антрепренеров и актеров в Белый зал уж начался. Дома меня встретило горе: мой труженик-отец начал терять зрение. Боясь лишиться места, он ежедневно ходил на службу в Вотчинный департамент Сената. Грустно было видеть, как мой младший брат, Николай, восьми лет, провожал отца на службу. В департаменте отец старался представляться зрячим. Коля ему подсказывал куда идти, искал бумаги и проч. Сослуживцы-чиновники понимали положение товарища и не выдавали его начальству. Наоборот, они всеми способами помогали отцу.

В Белом зале встретил ту же картину. Раздавались возгласы: Костя! Ваня! Откуда? Когда приехали? при этом — объятия, и поцелуи. Из прежних моих товарищей съехались немногие. Я приобрел новые знакомства.

Из Казани приехали актеры, Василий Иванович Виноградов и Владимир. Виноградов мне понравился. Он держал себя про-

сто и мило. Наружность у него симпатичная. Это был полный, коренастый человек, с курносым носом, про который он сам говорил: «Ведь мне бог какой нос то дал. Через него всякий может видеть, что я думаю».

Приехал любимец харьковской публики — П. В. Васильев. Одет он был франтом, держал себя гордо. П. В. любил играть в карты. Играл всегда несчастливо. Жена (он был женат на московской артистке М. Г. Соболевой) часто уговаривала его бросить карты, но напрасно. Как только появлялись у него деньги, он их проигрывал. Раз возвращаясь после проигрыша ранним утром домой, он остановился около часовни и, упав на колени перед иконой, со слезами молился: «Мать пресвятая богородица, избавь меня от этой пагубной страсти». Надо было знать Пашу Васильева, чтобы понять весь трагический комизм этой сцены. С ним же в Белом зале случилась беда. Он с маркером играл на бильярде, по рублю партия. Как я уже сказал, П. В. одет был франтом. Я все любовался на его бархатный черный жилет с красными горошинками. Вдруг однажды вижу, что между П. В. и маркером происходит шопотом какой-то разговор, после которого они оба удалились за ширмы: когда они появились вновь, я увидел, что на Паше Васильеве богатого жилета уже не было. Он старательно засте-

гивал визитку, чтобы не заметно было отсутствия жилета.

Познакомился с актером Челикиным, который рассказывал про свои дебюты в московском Малом театре. «Дали мне дебют в «Заколдованном доме» — роль Корнелия и в «Ревизоре» — Городничего. Как нарочно обе роли принадлежали М. С. Щепкину. Вы понимаете, как жутко нашему брату, провинциальному актеру, дебютировать на императорской сцене. Одни репетиции чего стоят. На одну из репетиций пожаловал сам Михаил Семенович и, усевшись подле суфлера на аван-сцене, начал на меня смотреть в упор. Я сконфузился, но, думаю, переселю робость — буду играть во всю. Роль игранная, твердая, я с жаром начал читать монологи Корнелия, а сам время от времени поглядываю на Щепкина, какое, мол, я произвожу на него впечатление. Вижу, старик плачет, слезы текут по лицу. Ну, думаю, слава богу, я его тронул моей игрой. Режиссер обращается к Щепкину: «что, М. С. растрогались, у вас слезы?» — «Да что, батюшка, — я плачу об искусстве, как его этот актер искажает!». Встал и ушел. Мой дебют прошел блестяще. Меня раз двадцать вызывали. На другой день на репетиции «Ревизора» я был в самом веселом расположении. Встречаю Щепкина, подхожу к нему, чтобы поздороваться, протягиваю руку и при-

ветствую его словами: здравствуйте М. С. Он посмотрел на меня — а в руку-то мою взял да и плюнул, и это при всех».

Познакомился с нижегородским антрепренером, Федором Константиновичем Смольковым. Оригинальная личность. Многие деятели сцены помнят Ф. К. Несмотря на его недостатки, он как то пришелся по душе актерскому люду. Покойный актер Загорский копировал Ф. К. в совершенстве. Ф. К. представлял из себя человека среднего роста, худощавого, с бледным продолговатым лицом, маленькими карими глазами, каштанового цвета волосами и небольшими бачками. Он был запка. Ф. К. Смольков служил в Нижнем в канцелярии губернатора, был произведен в чиновники особых поручений, если не ошибаюсь, при генерал-губернаторе князе Урусове или Огареве. Был в числе директоров прикомандирован к нижегородскому театру: долгое время Ф. К. управлял театром, вероятно, привык к нему и сделался сам антрепренером. Нижегородская труппа имела годовую службу. Сборы были плохи. Театр только и поддерживался ярмарочными сборами. Немудрено, что Смольков был расчетлив, платил мизерные оклады. К тому же он был и скуповат. Он выгадывал на всем: на окладах жалованья, на обстановке и служащих. Актерам не доверял, задерживал жа-

лованье, чтобы этим держать актеров в руках. Про авансы слышать не мог, умел отшучиваться и философски оканчивать все недоразумения с труппой. Не прочь был иногда сыграть Дон-Жуана с маленькими актрисами. Вообще любовь он поощрял. Много стоило хлопот, чтобы выпросить у Ф. К. денег, но молодежь-актеры узнали слабую струнку своего антрепренера. Когда были нужны деньги, они на дело не просили, а внезапно набегали на Ф. К.: «выручите, говорят, предстоит любовинка, дайте денег». Ф. К. улыбался и сейчас же выдавал... но не более 3 рублей. В постановках он экономничал до крайности. Ставят «Марию Стюарт». Режиссер говорит Ф. К., что нужно сделать секиру: «дайте рубль». — «Зачем?». — «Стрелкова требует, чтобы в последнем действии палач отрубил ей голову». — «Не надо!». — «Как же сделать то?». — «Есть у нас пистолет?». — «Да что вы! Господь с вами, но истории Марии Стюарт отрубили голову!». — «Так ведь то настоящей, а Стрелкову прямо можно из пистолета застрелить, невелика важность». Так и было сделано: Марию Стюарт застрелили.

Н. К. Милославский тоже как то играл целую зиму в труппе Смолькова. Дока на доку напал. Что ни предпринимал Милославский против Ф. К. — в особенности, от-

носителю денег, — ничего не удавалось. Однажды Милославский составил план, как поддеть Смолькова. Этому плану позавидовал бы сам Мих. Вас. Кречинский. Милославский пишет в Москву письмо к одной из своих возлюбленных, приказывает ей купить игрушечные часы с такой же цепочкой и, уложив их в богатый футляр и запаковав, отправиться с этой посылкой в почтамт. Там возлюбленная Н. К. должна была покетничать с приемщиком и получить расписку в том, что посылка адресована в Нижний, на имя Н. К. Милославского, ценностью в 700 рублей, посылаются золотые часы с такой же цепью.

Все было исполнено, как задумал Н. К. Получив почтовую повестку на посылку, Н. К. тотчас же является к Смолькову и просит, чтобы он его выручил и дал ему до завтра 300 рублей. В обеспечение он предложил ему доверенность на получение золотых часов с цепочкой. В доверенности было прибавлено, что если Милославский не внесет завтра Смолькову должных трехсот рублей, то Смольков имеет право оставить часы и цепочку в свою пользу, срок назначен был до 4 часов пополудни. Смольков сначала отказывал, но Н. К. так искренно-убедительно просил его выручить, что сделка состоялась. На другой день без четверти че-

тыре Милославский с двумя приятелями был у Смолькова. Ф. К. не утерпел и, получив посылку, распаковал ее. Когда явился Н. К., он сидел расстроенный, только мычал и показывал на игрушечные часы с медной цепочкой. Н. К. хладнокровно говорил: «какие миленькие часики, что это вы деточкам купили?». Затем вынимает триста руб.: «Ну, Ф. К. спасибо, выручили меня, давайте скорее мои часы. Я так давно их не видел, соскучился». Ф. К. еще больше замычал. Наконец, письменно заявляет, что он в посылке нашел вот эти игрушечные часы. «Будет вам шутить, Ф. К., давайте мои часы, а не то я вас по нашему условию притяну к законной ответственности». От злости Смольков не заговорил, а зашел речитативом: «мошенник — ты мошенник!». Тут Милославский не выдержал и разразился хохотом. Условие он, конечно, уничтожил, а триста рублей взял в долг.

Познакомился еще с известным в свое время антрепренером Соловьевым. Говорили, что К. Б. из крестьян. Служил целовальником, держал трактир, перешел на буфет в театре, а потом как то попал в содержатели театра. Он антрепренерствовал в Костроме, Вологде, Рыбинске, Симбирске, Самаре. Вел театральное дело порядочно. С актерами сжился, полюбил их и театр. Он был не скарденый человек, не жалел денег на обста-

новку. Как человек себе на уме, держал актеров рублем и до окончания сезона должен был им. Под разными предлогами он сумел задолжать и Милославскому рублей пятьсот. На требования обыкновенно отговаривался: «Дворянчик! Видит бог отдам, повремени маненько, а коли больно нужно, возьми четвертной билет. Сам видишь, какие плохие сборы». После одного такого разговора Милославский говорит: «Послушай, Клим, желаешь поправиться, не пожалей денег на обстановку, ставь со мной «Дон-Жуана». Посмотри, какой сбор сделаешь». — «Спасибо, спасибо, дворянчик. Идет. Ставь пьесу. Что для нее нужно, все сделаю». В афишах появились анонсы о постановке «Дон-Жуана». При этом упоминалось, что главную роль исполнит Н. К. Милославский. Публика заинтересовалась. Дамы ахали. Билеты брались с боя. На первом представлении театр полон. После первого действия Милославский посылает за Соловьевым, тот является сияющий: «Что, дворянчик?» — «Да вот что, Клим, принеси ка мне мои 500 рублей, а иначе я играть не буду. Сейчас разденусь и уеду домой». — «Как, как, дворянчик, да разве так можно поступать. Вы не шутите. В театре находится его превосходительство г-н губернатор с супругой. Он вас за такие дела не похвалит». — «Ну это мое дело, а ты веси ка

деньги, тогда не только меня, а и тебя похвалит». — «Дворянчик, видит бог, денег то нет, возьми сотенную и то через силу». Н. К., не отвечая, начал раздеваться. Соловьев бросается за помощью к полицмейстеру. За сценой услышали грозный голос начальника полиции: «Где Милославский?». — «Здесь я, что нужно?» — откликнулся Н. К. В уборную, звеня шпорами, влетел полицмейстер. Он был в старой форме, брюки на-выпуск, в открытом спереди мундире и с майорскими эполетами. Талия перевязана шарфом. Он накинулся на Н. К.: «На каком основании вы позволяете себе устраивать безобразия!». — «Какие?». — «Мне заявил г. Соловьев, что вы не хотите играть»... — «Ну, что же из этого следует?» — «А то следует, что я вас заставляю играть». — «Любопытно, как это вы заставите меня играть?». — «Да что с вами разговаривать. Извольте одеваться и марш на сцену!». — «Но, но, тише! Не забывайте, что вы говорите с дворянином. Вам не мешает также помнить, что вы полицмейстером поставлены больше для того, чтобы наблюдать за чистотой в городе, а вы и за своей то собственной чистотой не можете усмотреть. Вон у вас какие гадкие пятна на брюках, как вам не стыдно, а еще носите открытый мундир». Полицмейстер, как бомба, вылетел из уборной. Через несколько минут

Соловьев принес Н. К. 500 рублей, приговарывая: «эх, ты, дворянчик! Одевайся, что ли, да играй хорошенько».

Как то идя по Охотному ряду, я встретил А. О. Бантышева, он очень обрадовался, увидев меня. Посадил с собой на извозчика, повез к себе на Пречистенский бульвар в свою квартиру. Там он рассказал мне, что приглашен саратовской театральной дирекцией режиссером и уполномочен пополнить труппу новыми персонажами. Так как я на него в Твери произвел хорошее впечатление, то он желал бы меня пригласить на годовую службу в саратовский театр.

Я отвечал, что свободен и с удовольствием приму его предложение. А. О. назначил мне в год 420 рублей и один полный бенефис. При этом он сказал, что после него это первый оклад. Я поблагодарил его и согласился. Затем я рекомендовал Митю Кочеткова: А. О. просил привести его к нему, что я исполнил. А. О. пригласил Кочеткова на 25 рублей жалованья без бенефиса. Митя согласился. Я был очень доволен и счастлив, что получил ангажемент, да еще годовой. В ожидании путешествия по Волге, что могло исполниться только по вскрытии ее, я в Москве жуировал. Часто бывал в доме Корнелия Николаевича Полтавцева. В этом доме меня считали за родного. В особенно-

сти я видел истинную материнскую ласку от жены К. Н. — Елизаветы Павловны. Их дом был прибежищем актеров. У Подтавцевых они находили приют. Тут они шли, ели, спали; их всегда встречали ласково, радушно. Когда Корнел. Никол. бывал дома, то по вечерам у него, помимо актерской братии, бывала и духовная братия. Корн. Никол. обожал московских протодиаконов, он часто приглашал их к себе, они играли в карты, а иногда К. Н. устраивал между ними соревнование, — кто из них голосистее. Ну уж тут было что послушать. Один хорошо произнесет многолетие, а другой еще лучше, сам трагик приходил в азарт. Всех их покрывал старик Белоусов, действительно, стекла в рамах звенели, как бывало, он гаркнет: «и сохрани их на многие лета» Весь Палашев переудок сбегался к дому Сметанина слушать рев этих львов.

В Москву съезжалось много и актрис, они не могли бывать в трактире, и их ангажементы зависели всецело от их мужей, родственников или близких им людей, они сообщали антрепренерам и актерам о приезде такой то, где она остановилась и проч.

Актрисы большею частью останавливались в номерах Челышева или Барсова, где белый зал. Антрепренеры по указанному адресу отправлялись к ним. Вечера актеры по-

стоянно проводили у актрис, им сообщались все новости прошедших и будущих сезонов. В конце третьей недели поста приехали из Динабурга Оберская, Максимов и Гагельстром, последний в генеральском чине, чему он, видимо, не был рад, так как повышение предвещало его отставку. Максимовы остановились в лучшей гостинице. Их часто посещали актеры, они отличались хлебосольством. Как то Максимов мне говорит: «Послушай, П. М., ты бываешь у Полтавцева — представь ему меня, мне хочется познакомиться с ним». Поехали знакомиться. Полтавцевы по обыкновению приняли радушно. Все шло хорошо, но когда Полтавцев спросил Максимова, какое он амплуа занимает, А. М. между многими ролями назвал Гамлета. «Как? Вы играете Гамлета?» — воскликнул К. Н. — «Играю!» — слынув, ответил А. М. — «Да ведь Гамлет то герой! Как же вы это себе позволили?». — «Я и героев играю, вот спросите Петра!». — «Да у вас нет фигуры! Волосы у вас совсем белые». — «Датчане то все почти белые», — слынув Максимов. Тут трагик с досады тоже плюнул, и, отойдя от А. М., обратился ко мне: «Что это за пасекомое ты ко мне привел? Осмеливается играть Гамлета!».

Наступило время нашего отъезда. А. О. Бантышев выдал нам с Кочетковым дорожные

деньги и месячное жалованье авансом. Он предупредил, что мы должны ехать на Нижний-Новгород, там сесть на пароход, который нас доставит до Саратова; при этом он дал мне рекомендательное письмо к саратовскому директору театра и губернскому почтмейстеру, его превосходительству Ивану Михайловичу Вукотич. Сам А. О. думал выехать в Саратов в начале июня. Решили ехать вольной почтой и 27-го апреля 1858 г. выехали из Москвы и покатили по Владимировке. Ехали прекрасно. Время весеннее, природа оживала, дорога шоссированная, села и деревни богатые, постоянные дворы устроены хорошо, с отдельными чистыми комнатами, кушанья здоровые, сытные. Словом, мы катались как сыр в масле и на третьей сутки благополучно прикатили в Нижний-Новгород. Остановились в гостинице. Мы с Митей ахнули от восторга, когда увидели слияние двух красавиц Оки и Волги. Смотрели мы на этот невиданный мною ландшафт с откоса, долго я не мог оторвать глаз. Отправились на пристань искать парохода до Саратова. В 1858 г. на Волге не было того громадного пассажирского движения, которое существует в настоящее время. Не могу утверждать наверно, но кажется срочного пассажирского движения не было, хотя компания «Самолет» существовала. Мы обходили все пристани и наконец нашли пароход,

который через трое суток с баржами побежит вниз по Волге; мы записались пассажирами на 2-й класс. На одной из площадей увидели театр, — каменное приличное здание, выходящее углами на площадь, Покровскую улицу и на въезд к крепости, — зашли на сцену. Я отрекомендовался одному из актеров, который очень радушно нас принял, спросил, где остановились, пригласил на время нашего пребывания в Нижнем жить в его квартире, сам пошел с нами в номера, и мы не успели опомниться, как с нашим скарбом были в прекрасной квартире. Наш хозяин оказался известным в то время актером и музыкантом Максимилианом Карловичем Шмидгоф, в актерстве именуемым просто Макс Шмидгоф. К фамилии Шмидгоф принадлежало много талантливых артистов и артисток ¹. Отец их Карл Шмидгоф был певец, кажется, тенор, обруселый немец, он долгое время в Западном крае и в Литве держал оперу. Сам музыкант, он и детям своим дал музыкальное образование. Его дочь Евелина Карловна (подруга жизни Николая Карловича Милославского) имела хороший голос (сопрано), красавица и чудный человек. Она некоторое

¹ Потомки фамилии Шмидгоф до сих пор играют на сцене — таков Н. Шмидгоф, небезызвестный актер, служивший много лет в театре Суворина, петербургском Народном Доме и пр.

время служила в московской опере, имела успех на провинциальных сценах как артистка-певица. Сколько хороших, добрых воспоминаний оставила по себе эта чудная артистка и прекрасный человек! Сестра ее, Людия Карловна, была одно время в московской театральной школе, в провинции приводила в восторг публику своими танцами, потом перешла в драму. Людия Карловна была тоже красавица собой и талантлива. Везде и всегда имела шумный успех. Брат их Макс занимал амплуа простаков и комиков. Его часто видели в оркестре: то он играл первую скрипку, то дирижировал оркестром. Нет пот к назначенному водевилю или оперетке, — обращаются к Максy. Макс садился, всю ночь писал, на другой день музыка и оркестровка были готовы. В жизни Макс был весельчак, не прочь покутить, пошалить, прекрасный товарищ, отзывчивый на всякую актерскую нужду человек. У него то мы и поселились и не раскаялись: трое суток мы прожили как три часа. Макс познакомил меня с своей невестой, в которую он был влюблен, что называется, по уши. Его невеста молоденькая, с пикантным личиком, Катенька Пиунова, впоследствии любимица публики, талантливая Екатерина Борисовна Пиунова-Шмидгоф.

Пришло время нашего отплытия в Саратов. Макс с своей невестой приехали проводить

нас, мы дружески простились и отчалили с двумя баржами от Нижнего; долго он был виден, и долго мы смотрели на его прекрасные, оригинальные берега. Чем дальше мы спускались вниз по Волге-матушке, тем более и более восхищались ею. Впоследствии мне рассказывали старики-актеры, служившие в волжских городах в начале XIX столетия, как их отцы, да и они сами ребяташками переезжали из Симбирска, Казани к Макарию (тогда ярмарка была в г. Макарьево). Ехали они на косовых лодках и барках. С собой везли декорации, костюмы и всю театральную утварь. Был с ними любопытный случай. Как то под утро их окружили лодки, на которых сидели молодцы-удальцы: они крикнули историческое «Сарынь на кичку». «Мы все перепугались», рассказывал мне старик актер, Клементий Иванович Васильков, «актрисы завизжали, кричат: «Разбойники, батюшки, погибаем. Мать пресвятая богородица, спаси!» Мы, актеры, кинулись за оружием; у кого то было ружьишко, остальные схватили деревянные театральные ружья, пистолеты, сабли, ничего не помогло: разбойники перелезли к нам. Один из них, — надо полагать, атаман, — зычным голосом спросил: «Что за люди?» — «Актеры», отвечаем. «Куда путь держите?» — «На Макарьевскую, играть». — Посмотрел он на нас, пощупал деревянные ружья,

сабли, да и отпустил: — «Ну, бог с вами, поезжайте благополучно до своего дела, а мы думали купцы какие. С вас чего взять. Садись по лодкам», скомандовал он своим. То то мы молились, то то радовались. Когда мы уже играли на ярмарке, продолжал старик, на сцену объявился молодой здоровый парень, одетый чисто, в суконной поддевке, плисовых штанах, в хороших козловых с набором сапогах, шелковой рубахе. Подошел он к актерам, да и говорит: «Здравствуйте, узнаете? Пришел на вас посмотреть; важно представляете». Мы так и ахнули: перед нами стоял атаман. После спектакля он нам такое угощение закатил, что у нас дня два головы болели».

АНЕКДОТИЧЕСКИЙ ГУБЕРНАТОР ¹

Попробую дать характеристику театральной провинции того времени. О многих антрепренерах я уже писал. Самыми крупными и ведущими дело на своей ответственности были в Казани — Соколов, в Саратове и Астрахани — Залесский. Последний имел свой собственный театр в Саратове. В Перми, Екатеринбургe и Ирбите антрепренерствовал Головинский. Все они держали большие труппы. В Харькове антрепренерствовал Щербина, в крупных городах были дирекции, которые учреждались по желанию губернаторов. Делалось это просто. В то время существовали винные откупщики, которым губернатор, конечно, был всегда нужен. Откупщик или его управляющий призывался перед ясные очи начальника, и ему говорили: «Вы прежде

¹ Анекдотический губернатор — это Скарятин, долголетний «сатрап» Казани, как его называли. Он был губернатором в этом городе с 1867 по 1880 г. По воззрениям своим был близок к Скарятину, издававшему в 60-х годах крепостническую газету «Весть».

платили столько то... мне это не нужно. Но зато театр мне извольте поддерживать! Я люблю искусство и желаю, чтобы оно у меня процветало». Ответ был короткий, но существенный. «Слушаюсь, ваше превосходительство, не извольте беспокоиться, сделаем, процветет». Заручившись процветанием, назначались директора, не менее трех, из лиц, любящих театр или желающих угождать его превосходительству. В Воронеже несколько лет директором был полицмейстер Коленьи. Это был редкий фрукт. Им представлялся губернатору ежедневный рапорт о труппе: кто?... с кем?... смирны ли? какой дух? и проч. Бывали случаи, что виновные в нанесении грубостей фаворитке были немедленно увольняемы; прибегали и к исправительным карам. Так актера, оказавшего неповиновение начальству, приказано было на 8 часов отправить в пожарную каланчу и заставить его ходить кругом совместно с пожарным. Зрелище необычайное. Чуть не весь город собрался смотреть, как Гамлет дежурит на пожарной каланче. Много бывало, всего не перескажешь. Служба в дирекциях считалась почетной, выгодной и лучшей. Большею частью труппы были хорошие, обстановка тоже. В общем, надо правду сказать, тогдашние административные власти оказывали полное содействие театру. Я держал

театр в провинции 30 лет и, положив руку на сердце, могу сказать, что никому из властей не давал взятку, но всегда пользовался с их стороны полным содействием. Расскажу про один случай столкновения с полицией.

Частный пристав стал брать довольно часто на спектакли ложи в кредит. В конце сезона мой кассир подал ему счет на сто десять рублей. Кассир был обруган приставом и вытолкан вон. При встрече с моим кредитором я ему напомнил о долге. Частный пристав только посмеивается и говорит: «Удивительный вы человек, да где же это видано, чтобы полиция платила деньги, да еще за театр?». Меня подобное нахальство взорвало, и я ответил: «Если это не было до сих пор видано, то вы на себе увидите». Мой частный совсем расхохотался. После сезона я поехал к губернатору. Между прочим он спрашивает: «Как дела?». — «Хороши, но есть долги, не платят». И рассказал про пристава. Сейчас же за кредитором был послан казак. Пристав явился. Увидав меня, он побледнел и обратился ко мне сладким голосом: «П. М., простите, за мной есть должок, все собирался отдать, но столько дела...», вынимает затем бумажник и вручает 200 рублей со словами: «я должен 200 рублей — получите». Я ему дал сдачи 90 рублей и уверил его, что он себя обсчитал. Его превосходительство положило

такую резолюцию: «Рассчитались, прекрасно, но вы обязаны свои долги платить у себя, а мой кабинет совсем не для того, чтобы вы расплачивались здесь, а чтобы вы впредь знали свои обязательства,—извольте отправиться на две недели на гауптвахту». Вот единственный случай моего столкновения с полицией на денежной почве.

При нашем, далеко не ясном устарелом законе о зрелищах, губернатор для антрепренера был все. Репертуар, ведение дела, состояние, аккуратный платеж жалованья, все благополучие, успех театра и труппы всецело зависели от начальника губернии. Закон, а еще более административный обычай, предоставил полиции назначать часы начала спектаклей; это большой козырь. Цены на места зависели от полиции. Каникулы праздников, дни пасхи, усупенский пост, суббота масленицы, на святках, не были выиснены. Один разрешает спектакли в эти дни, другой запрещает. Я в Ирбите рот разинул от удивления, когда исправник сказал, что в Ирбите спектакли разрешены со вторника первой недели великого поста до окончания ярмарки. Вообще, дело было так поставлено, что антрепренер всегда должен был помнить, что он червяк: захочу—помилю, а захочу—раздавлю.

Я имел дела со многими губернаторами и опять повторяю: за малым исключением,

они оказывали мне свое доброе содействие. С одним из губернаторов мне пришлось пробыть лет 12. Он был истинный любитель театра. В обыденной жизни это был образованный, умный и обстоятельный человек. По службе — хороший администратор. Вот только в законе был не совсем тверд. В молодости он часто играл в любительских спектаклях. В свободное время часто пел мне куплеты из водевилей, говорил, что в совершенстве играл Сквозника-Дмухановского. Он был в душе актер и, вероятно, занял бы выдающееся положение на сцене, но, к несчастью, он актерствовал иногда в жизни. Все хорошо, хорошо, да вдруг и заиграет. Большею частью переигрывал. Когда он разыграется, всем доставалось. Духовного пастыря величал: попишка, пономаришка, звонаришка. Конечно, за глаза. В особенности он усердствовал на пожарах. Ученых заставлял качать воду. Городской голова не смел на пожарах подать свой голос: сыпались ругательства, да еще самые отборные. Одно слово — воин! Должен сказать, что у него губерния и город процветали. В самые тревожные годы в этом городе все было тихо, и ни одно учебное заведение не было закрыто. Для усмирения в губернии (так говорили) он выезжал с возами черных гробов, розог и с заступами. Конечно, эта процессия наводила такой страх

на недовольных, что они падали ниц. Раз я сидел у него в кабинете, он был в необыкновенно веселом расположении духа. Мы благодушно разговаривали: он в сотый раз рассказывал мне о своем актерском таланте; этот талант ему будто бы пригодился в его настоящей должности. «Вы думаете, П. М., что я к сердцу принимаю, когда какого распекаю? Нет, батюшка, это я актерничаю. Играю роль». В это время дежурный чиновник докладывает: «Ваше превосходительство, частный пристав такой то». — «Зовите сюда». Я было привстал, чтобы проститься. «Нет, голубчик, останьтесь; я при вас сыграю с этой канальей роль; вот вы увидите». Я остался. Входит пристав, моментально артист-губернатор накидывается на него с самой площадной бранью. Вижу, дело плохо. Артист совсем вошел в роль, побледнел, трясется, задыхается, глаза сделались желчными, начинает рвать жгуты на мундире. Я привстал, чтоб уйти, но он мне крикнул: «Сидеть!». Каково было смотреть на эту возмутительную сцену!

В заключение мой артист вытолкал пристава коленками из кабинета. Весь дыша злобой, отдуваясь, он ходил по кабинету. Потом подошел ко мне, хотел сделать на лице улыбку, но вышла отвратительная гримаса. Наконец, задыхаясь, проговорил: «Что? Каково сыграно?».

Он был гроза губернии не только своей, но и соседних. Уездные чиновники при его ревизии трепетали. Он сам рассказывал, что при ревизии один старик-чиновник, казначей, до того перетрусил, что когда он сказал: «Отпирай сундук», — тот сел и начал снимать сапоги... Бывали в его практике курьезные случаи. Прослышал он про одного станового, что тот был любитель самоваров и брал взятки большею частью самоварами. Исправнику был дан приказ, чтобы разыскать крестьян, которые давали взятки становому самоварами, и всех их привезти в город, а также и станового со всеми самоварами. Я явился за чем то к губернатору и вижу в приемной губернатора несколько становых приставов города, мужиков, и штук 20 самоваров. Выходит сам и обращается к одному из становых: «Это ты, свинья, из чужих самоваров чай любишь пить?». — «Виноват, ваше превосходительство». — Губернатор повертывается к одному из мужиков: «Покажи, какой твой самовар!». Тот указывает. «Ну, станова скотина, отдай ему и проси прощения, вознагради его за убытки, за проезд». С каждым из крестьян становой все сказанное проделал. «Ну, ты теперь порядочно поплатился, оставляю тебя на должности до первой жалобы. А вы, мужички, взятки чиновникам не давайте. Если они нужны

ваши не справляют, жалуйтесь прямо мне». Еще комический случай. Я из города поехал на пароходе, смотрю, на том же пароходе едет губернатор. Пароход отошел. В рубке пошли веселые разговоры, остроты, анекдоты. Главным заводчиком явился сам губернатор. Время в разговорах пролетело незаметно. Наконец, капитан парохода доложил его превосходительству, что ему надо слезать. Губернатор остановил пароход, мы, пассажиры, провожали его до трапа. Видим, что к пароходу причаливает лодка, на ней посредине из красного кумача с позументом балдахин, около которого стоит становой. Смотрю, наш генерал побагровел, спрашивает станового: «Что это такое?». — «Для вашего превосходительства». Генерал дружески простился с нами, пересел в лодку и приказал становому сесть на приготовленное для генерала почетное место. Тот отказывается. Но его превосходительство усиленно приказывает сесть под балдахин: «Нет, брат, шалишь! Ты хотел меня в дураки нарядить, но я предпочитаю смотреть, как ты, с твоей глупой рожей, будешь сидеть под балдахином. Садись, говорю!», с криком заканчивает губернатор. Несчастный пристав поневоле подчиняется распоряжению. Этому же губернатору приписывают следующий случай. Он ездил в Петербург. Оттуда вернулся недовольный:

говорили, что ему сделали внушение, чтобы он был вежливее в обращении. На первом приеме ему делал доклад, вместо заболевшего советника губернского правления, какой то столоначальник. «Садитесь», говорит ему губернатор. — «Ничего с, я постою». — «Садитесь, я вас покорнейше прошу», — настаивает начальник губернии. «Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство». — «Садись, говорят тебе, — заорал губернатор, — в Петербурге мне приказали со всякой свиньей быть вежливым».

Вот с каким губернатором мне судьба назначила быть много лет антрепренером театра. Повторяю, этот человек любил меня, и много хорошего делал для театра. Артистов он, вообще, любил, приглашал их на свои рауты, знакомил с щепетильным обществом. Редкий спектакль пропускал. В антрактах постоянно бывал на сцене или у меня в кюльоре пил чай, очень вежливо делал замечания об игре артистов и артисток. За последними не ухаживал. Меня ставило в неловкое положение только его желание, даже требование, чтобы каждый вновь поступивший в труппу артист или артистка делали ему визит. Принимал он их любезно, знакомил с семейством.

Однажды проезжал через город сановник. Он попал ко мне на оперный спектакль, который ему так понравился, что он остался

еще на сутки, чтобы прослушать оперу вторично. В особенности его заинтересовала примадонна, бывшая у губернатора в немильости за то, что не сделала ему визита. Губернатор мне говорит, чтоб я в антракте приготовил на сцене исполнителей, которых он представит сановнику. Я просил исполнителей, чтобы они собрались. Непокорную примадонну, которая не была с визитом, просил усиленное других: «Для вас, П. М., заявила она, что хотите сделаю, только не это: нечего их баловать». Началось самое любезное представление. Губернатор, видя, что непокорной нет, шепчет мне: «Чтоб она сейчас была здесь». Я промолчал. Наконец, сановник обращается ко мне: «А где же ваша дива, неужели она не удостоит меня своим присутствием?». — «Она переодевается, ваше превосходительство и извиняется, что не может видеть вас». Проводив сановника, губернатор влетает ко мне: «Полицеймейстера сюда!». Полицеймейстер явился. «Арестовать эту корову и в 24 часа, чтоб ее не было в моем городе».

Полицеймейстер был чудный человек, большая умница и знал своего патрона; когда он разыграется очень, то тот отвечал хладнокровно: «слушаюсь», но неленых приказаний, сделанных сгоряча, никогда не исполнит. Что полицеймейстер сказал непокорной — неиз-

вестно, но на другое утро к губернатору явился князь Д. и отрекомендовался ему мужем непокорной. Какое было объяснение у губернатора с князем, — покрыто мраком неизвестности. С той поры губернатор княгиню больше коровой не величал.

Несмотря на любовь и ласку ко мне губернатора, у нас с ним все таки два раза произошли сильные столкновения. В первый год открытия нового театра, который приказал выстроить губернатор, у меня были блестящие дела, труппа прекрасная. Я строго настаивал на ансамбле пьес. Поэтому имел с некоторыми товарищами много неприятностей относительно ролей. Так как я решил в этом отношении стоять твердо на своем, то приходилось прибегать к штрафам. В досаде на меня некоторые распускали в публике слух, что мне штрафовать их выгодно. Я был молод, все это оскорбляло мое самолюбие, волновало. По окончании сезона я задумал ограничить мою антрепренерскую власть и написал новые правила, в коих устранил от себя право накладывать штрафы, а предоставил это право депутатам, которые выбирались труппой. Мое дело было указать депутатам виновного, а их дело расспросить его, почему он так поступил, и решить, подлежит он штрафу или нет. По окончании сезона штрафные деньги поступали в награду маленьким актерам.

Все это я написал, прочел его превосходительству, получил его одобрение и подпись с утверждением правил. Перед началом сезона приступили к выборам депутатов. Слава богу! Спасибо артистам. В первую голову они единогласно депутатом выбрали меня; я поблагодарил за честь и говорю им, что я не могу быть депутатом, потому что депутаты должны ограничивать мою власть. Наконец, кое кто вразумил. Четыре депутата были избраны из среды актеров. С месяц я был ограничен и, правду сказать, очень доволен. Но вскоре случилась история. В одном из спектаклей, танцовщица, участвовавшая в дивертисменте в последнем акте пьесы, сидит за кулисами неокостюмированная. Я говорю ей: «что же вы не одеваетесь? Опоздаете на последний акт». Она отвечает, что она не будет танцевать. «Что же, вы не здоровы?» — «Нет, здорова, а просто не желаю». Я пригласил депутатов, просил их урезонить капризную. Ничего не помогло. Она не танцевала. На другой день депутаты судили танцовщицу. Не добившись от нее толку, ее оштрафовали на 75 рублей. Закулисная сторона этой истории следующая. За танцовщицей ухаживал чиновник особых поручений г-на губернатора, за женой чиновника особых поручений ухаживал сам его превосходительство. В планы его превосходительства входило, чтобы муж чаще

отлучался из дома. Когда танцовщица со слезами на глазах пожаловалась своему поклоннику, тот поклялся, что с нее штраф не будет взят. Он доложил губернатору о несправедливостях, которые царят в управлении театром. Во время спектакля губернатор, по обыкновению, кушал в моей конторе чай, и между прочим заговорил: «Да! что у вас такое вышло с танцовщицей? Взяли такой большой штраф, как это можно! В чем дело?». Я рассказал. «Вот что, П. М., вы отмените этот штраф». — «Я не могу, не я его назначил; по нашим правилам я не имею права назначать штрафы, это дело депутатов». — «Каких депутатов?» — воскликнул мой артист-губернатор, сверкая глазами. «Тех самых, которых ваше превосходительство утвердили вашею подписью». «Когда я утвердил подписью, каких это депутатов? — горячился все более и более губернатор, — да что вы, батюшка, у меня в губернии конституцию вздумали устроить? Я вам покажу конституцию!». Дернула меня нелегкая ему сказать: «Извольте вести себя прилично, здесь на сцене я сам — губернатор, а если вам непременно нужно орать, можете идти в свою ложу, там вы опять будете губернатором!» — «Что с!? Как с!? Вы осмелились мне это сказать! Хорошо с! Вы меня узнаете!».

Минут через десять явился в контору мой приятель полицеймейстер. «Что у вас тут

с нашим то произошло?». Я рассказал. «Брось, плюнь на это дело. Поедем ко мне закутить». Я отказался, но он стал настаивать. Наконец, признался: «Правду сказать, наше чадо велел тебя арестовать». — «Чего ж ты мнешься, так бы и говорил». Я написал записку домой, чтобы меня не ждали, сел в полицеймейстерские сани и поехал к нему в гости. Дорогой спрашиваю, куда он меня велел отправить, где будет мой арест. «Ну, мало ли чего он, оглашенный, сгоряча наговорит. Будешь у меня ужинать и постель для тебя у меня найдется». Мы с приятелем весело поужинали, к концу ужина явился к полицеймейстеру казак с приказанием освободить меня из под ареста. На другое утро ко мне явился частный пристав с предложением явиться к его превосходительству в таком то часу. В приемной меня часик заставили прождать, потом попросили в кабинет, в котором кроме губернатора был и полицеймейстер. Первыми словами его превосходительства было: «Ну с! Куда желаете, в Вятку или в Пермь?» — «Я с этими губерниями не знаком, ваше превосходительство. Зачем же я туда поеду из такого прекрасного города, в котором такой хороший губернатор». — «Прошу вас без комплиментов. Чего вы вчера наговорили этому хорошему губернатору?» — «Ах, ваше превосходительство, охота

вам вспоминать эту неприятную историю. Вы начали горячиться, но ведь и я тоже человек, а не рыба, — не стерпел, извиняюсь». — «Люблю его», — отвечал мой артист-губернатор со слезами на глазах, и стал меня обнимать.

Прошло много лет. Зимний сезон я держал театр в городе, которым правил мой артист-губернатор. Летом я разъезжал по волжским городам с оперной труппой; как то я получил письмо, что мой покровитель увлекся акробатической труппой Верони-Вест. Труппа была семейная; имели особый успех две дочери Верони-Вест. Они играли на разных инструментах, делали гимнастику, пели и танцевали. В Нижнем я получил очень любезное письмо от губернатора, в котором он, между прочим, восхищался труппой Верони-Вест, рекомендовал мне дочерей и братьев, как отличных танцоров для балета в опере. Далее он добавлял, что он с ними уже говорил, и они не прочь принять мой ангажемент. Его предложение ставило меня в неловкое положение. Балет для оперы у меня был достаточный, зачем же мне акробаты, которым я должен платить большое жалованье?.. Я отписался, очень любезно отклонил от себя эту честь, обещая в будущем сезоне войти в переговоры с г. Верони-Вест. По приезде с ярмарки, чувствую, что его превосходительство со мной суховат. Ну,

думаю, обойдется. Однако благополучно не обошлось. Вместе с оперой у меня была драматическая труппа. В опере я ставил «Севильского цирюльника». Все партии расходились превосходно, но в опере не было комика-буффа. У меня явилась мысль дать партию Бартоло Владимиру Николаевичу Давыдову, который служил в моей драматической труппе. Сказано-сделано. Я стал просить Давыдова, чтобы он выучил партию Бартоло. У него, кстати замечу, был хороший баритон. Я ему представлял все резоны, просил так, как только могут просить антрепренеры, — и Володя согласился. Завялся, выучил партию, преодолел россиниевские речитативы и действительно был превосходный Бартоло. В начале сезона наш полицеймейстер получил чин действительного статского советника. Мы, его приятели, радовались за него и я получил от него шуточную записку, в которой д. с. с. просил меня к себе на чашку чая. Я поехал, вечер был неофициальный, но приехал и его превосходительство. В кабинете хозяина велась беседа, в которой принимал участие и губернатор. Он обратился ко мне с вопросом: «Как же это, батюшка, у вас драматические актеры в операх участвуют?.. Давыдов Бартоло поет»?.. Один из присутствовавших чиновников, не поняв сарказма губернатора и с восхище-

нием произнес, что Давыдов очарователен в Бартоло. «Знаете, ваше превосходительство, добавил он, у него и голос хороший». — «Ну, много вы понимаете, мой милый, хорош! очарователен!.. А по моему, это дерзость со стороны антрепренера выпускать в опере актера из драмы», — отрезал губернатор. Я возразил, что пригласил Давыдова в предположении, что он в партии Бартоло будет лучше, чем оперный артист, и Давыдов доказал, что я не ошибся. Губернатор перешел к критике оперы вообще и примадонн в частности, перековеркивая их фамилии в самые непристойные слова. Каждую фамилию я поправлял, прибавляя: «Изволили ошибиться, ваше превосходительство». Мой артист неудержимо разошелся, насмешки с сквернословием лились потоком. Парируя ругательства, я тоже вышел из себя и сказал: «Как не стыдно вам, занимая такой пост, публично злословить и обижать честных людей?». Тут его превосходительство бледный, сверкая глазами, вскочил и закричал: «Как ты смеешь мне это говорить». Не помня себя, я тоже вскочил и крикнул: «Нет, как ты осмелился издеваться над моей труппой. Десять лет я молчал, видя все твои»... Тут сгоряча много было сказано правды... Мы стояли с ним грудь с грудью. Не помню, как очутился между нами полицеймейстер. Когда все смолкло.

я оглянулся и мельком увидел гостей чиновников под столом, диваном; лица их изображали ужас. Момент для художника или фотографа был блестящий. Извинившись перед хозяином, я ушел.

Долго я бесцельно ходил по городу, горячка понемногу охлаждалась. Мысли начали представлять весь ужас моего положения и ответственность за мой поступок. Не зная, что предпринять, я зашел в одно высшее учебное заведение, к моему приятелю. Рассказал ему о случившемся. Он тоже растерялся и только приговаривал: «Что вы наделали?».. Таков был страх, который сумел внушить мой артист всем жителям города. Наконец, мой приятель посоветовал обратиться к жандармскому генералу и рассказать ему все происшедшее. Я тотчас поехал к нему и к счастью застал его дома. Надо сказать, что против моего артиста была небольшая, но влиятельная партия, к которой принадлежал жандармский генерал. Выслушав меня, он сказал: «Во первых, успокойтесь, будьте хладнокровны: опасность есть, но я думаю, что она не так велика. Больше всего бойтесь вреда, как антрепренер театра. Тут вас трудно охранить от произвола этого господина. Мы все его знаем, и дай бог, чтобы с вашей легкой руки и другие взяли пример. Я не думаю, чтобы он дал офи-

циальный ход этому делу. Это для него не совсем удобно». — «Но он меня завтра вызовет к себе, — отвечаю я, — и может мне наговорить таких дерзостей, что я не стерплю, отвечу ему тем же и тогда я погиб». — «Употребите маленькую хитрость; поезжайте домой, пригласите доктора, — вероятно между ними у вас есть друзья? — попросите, его, чтобы он написал свидетельство о вашей болезни, благодаря которой вы не можете выезжать и заниматься службой дней восемь. За это время много воды утечет, успокойтесь и вы и он». Спасибо генералу; после его слов я почувствовал облегчение.

На другой день, частный пристав явился ко мне в 10 часов утра с предписанием явиться к его превосходительству в 12 часов. Я подаю приставу свидетельство о болезни. Восемь суток меня не беспокоили. Губернатор перестал посещать спектакли, и я спокойно вернулся к своей деятельности. Преследование все таки меня не минуло. Перед началом сезона я выпустил сезонный репертуар, в котором была помечена опера «Фенелла». Репертуар был подписан полицеймейстером. Опера потребовала большой обстановки — декоративной, машинной и костюмерной. Когда опера была готова, я послал полицеймейстеру афишу для подписи. Афиша была задержана, я отправился к полицеймей-

стеру, на случай захватив с собой цензурованный экземпляр либретто. Полицеймейстер мне объяснил, что, по распоряжению губернатора, «Фенеллу» он запрещает ставить, так как эта опера сделала несколько революций. «Да ведь это в Италии,— говорю я,— кажется ваши чувашки не похожи на неаполитанцев, во всяком случае, опера разрешена, предварительно вы подписали репертуар, в который она включена, я затратил на обстановку четыре тысячи, да сколько времени потрачено для разучивания оперы. Ваше запрещение даст мне убытку не менее восьми тысяч и если вы мне не подпишите афиши завтра, то я на тебя, дам тебе честное слово, подам иск в восемь тысяч». — «Да ты что с ума спятил! Я то при чем, запрещает губернатор». — «Суд разберет, кто запрещает». На другой день афиша была подписана, при чем полицеймейстер передал мне свое объяснение с губернатором. «Я объяснил ему, что ты хочешь подавать на меня иск, а потому просил его дать мне приказ». — «Какой еще приказ? ведь я вам сказал». — «На бумаге, ваше превосходительство, за вашей подписью». — «Да как же это! Как он смеет судиться! ведь он с...с...». — «Вот потому то, что он с...с..., ваше превосходительство я и осмеливаюсь просить официального приказа». Долго ходил губернатор по кабинету.

Наконец произнес: «Чорт с ним! я разрешаю, подпишите эту афишу».

В этот сезон у меня были труппы в Перми и Екатеринбурге. Я уехал в эти города. Вскоре мне написали, что тотчас же по моем отъезде, мой губернатор начал посещать спектакли, но на сцену не являлся. В театре случился небольшой пожар, губернатор явился, энергично распоряжался тушением огня и беспрестанно повторял режиссеру: «Где ваш Петрушка? подайте мне его». Десять месяцев мы не виделись с его превосходительством. Как ангрепренеру городского театра, мне необходимо было в некоторые дни являться с визитом к начальнику губернии. Чтобы не встречаться с его превосходительством, я придумал одну комбинацию. У его превосходительства был любимый камердинер, который находился при нем с детства, — славный старик! При необходимых визитах, я приезжал, расписывался в книге, при чем всегда уплачивал камердинеру 10 рублей. Тот, лукаво улыбаясь и подмигивая глазом, охотно принимал мою дань. Так шло много времени. При последнем моем визите камердинер, снимая с меня пальто, произнес: «Пожалуйте к губернатору. Вас то нам и надо». Я было за десятирублевку. «Нет, П. М., и 100 рублей не возьму. Приказали, как только вы изволите приехать — чтобы прямо к нему». Делать

нечего, отправился в приемную. Дежурный чиновник доложил, и возвратясь произнес: «Пожалуйте, его превосходительство просит вас в кабинет». Нельзя сказать, чтобы я себя хорошо чувствовал в ту минуту. Вошел. Вижу мой артист-губернатор сидит за письменным столом. На мой почтительный поклон он ответил кивком головы и произнес: «Скажите, пожалуйста, кто у нас антрепренер театра... я его не вижу». — «Не знаю, ваше превосходительство, кто антрепренер, но зато знаю и вижу перед собой директора и покровителя театра». Улыбнулся. «Хорошо вы отделади этого покровителя! Ну будет, кто старое помянет — тому глаз вон. По правде сказать, я без вас соскучился». При этом его превосходительство подал мне руку и предложил курить. Мы, как будто бы ничего не было, начали беседовать.

ДВА ГОДА СЛУЖБЫ В САРАТОВЕ

Только на пароходной саратовской пристани я и Митя Кочетков стали думать о нашем положении: с капиталом в один рубль и несколько сантимов, остановиться в гостинице было опасно! Решили нанять извозчика до постоянного двора и остановиться в нем. Подрядили возницу за 20 копеек. Он подал экипаж, именуемый в Саратове тарантас,—нечто вроде линейки на шесть персон—мы с багажом свободно в нем поместились и лихо домчались до постоянного двора, находившегося на Казачьей улице. Взяли маленькую комнату с платою 15 копеек в сутки. Приодевшись, пошли осматривать город. Первые шаги были направлены, конечно, к театру. На театральной площади, довольно большой, увидели гостинный двор, далее лабазы, по другим сторонам площади ветхие заборы, два каменных дома и несколько деревянных. По середине площади, ближе к Часовенной улице, стояло старое низенькое деревянное здание в виде старого расплюснутого большого гриба, с крышею, покрытою зеленова-

тою плесенью; это был храм Талии и Мельпомены. Мы вошли во внутренность театра и были приятно поражены чистотой его. Зрительный зал имел ложи бенуара, бельэтажа и галерею, 10 рядов партера. Порядочная сцена и при ней поместительные и опрятные уборные.

Саратов в 1858 г. мало походил на нынешний богатый, с хорошими зданиями, роскошными магазинами, вообще, европейский город. Единственная благоустроенная улица была Московская, и то, от Гостиного двора до Пешего базара, на ней поражало красотой и величиной только здание дворянского собрания. Было несколько двух-этажных каменных домов, кое где невзрачные магазины. Главное, — вся Московская имела мостовую. Для будущего намечались порядочно устроенные улицы: Александровская, Немецкая, Сергиевская и Ильинская; на этих улицах одна половина была вымощена. Остальные площади и улицы, как то: Царицынская, Казачья, Часовенная, Грошевая утопали в грязи.

На другой день мы сделали визиты главным саратовским артистам. Первый визит был семейству Михайловых-Стрелковых: большая семья, фамилия Стрелковых переселилась из Нижнего-Новгорода; они принадлежали князю Шаховскому, были его крепостными актерами. Глава саратовской семьи —

комический актер Михаил Александрович Михайлов. Его сестры: Татьяна (на роли с пением), Елизавета (эниженю), Елена (начинающая). Братья: Иван (любовник), Александр (2-е роли молодых), Алексей (начинающий). Все они служили в дирекции и все получали (с лошадей и тарантасом — они обязались свозить и развозить женский персонал труппы на репетиции и спектакли) — 28 рублей в месяц и три бенефиса в год. Вот уж, можно сказать, дешевле пареной репы! На Грошевой улице они имели свой домик, держали пару лошадок, корову, жили и одевались прилично. Приняли нас Михайловы суховато, одна Елизавета Александровна была весела, непринужденна, с охотой расспрашивала нас о Москве и нашем путешествии. Надо заметить, что Лиза была в полном смысле — красавица: брюнетка, черные глаза, брови, цвет лица, сложение — все в ней было восхитительно.

Затем мы отправились к Дубровиным. Мать Александра Антипьевна, дочь Любовь Александровна, по сцене Александрова. Здесь нас приняли вежливо. В Л. А. я нашел очень развитую и образованную особу, умеющую себя держать с тактом. А в старушке А. А. благодущную собеседницу. Они были любимицами театралов и принимали у себя лучшие фамилии дворян. Потом мы были у Гусевых.

Я уже писал об Агафье Фроловне Гусевой и об ее муже Герасиме Тарасовиче; у них была единственная дочь Екатерина Герасимовна, она составляла всю радость и счастье старых Гусевых. Гусевы имели свой дом на Царицынской улице. Эта семья встретила нас совсем по товарищески. А. Ф. и Е. Г. много служили в средней и южной России. Агафья Фроловна поражала своим особым юмором и простотой, а Е. Г. увлекала жизненностью и веселостью. Этот дом оставил самое приятное впечатление. Последний наш визит мы сделали Феоктисте Николаевне и ее племяннице Юлии Александровне Ершовым. Мужа Ф. Н., Александра Васильевича, не было в городе. Ершovy тоже оказались очень благодушные особы. Ю. А. была в летах, некрасива, жеманилась. Старуха — прелесть, но все как бы хотела сказать: «голубчики! не женится ли который из вас на моей Юлии?». В общем, простое, радушное обращение и простота обстановки в жизни. Труппа мне понравилась. Не было похоже на обыкновенную походную обстановку жизни провинциальных актеров, а что то положительное, оседлое. Сараговская дирекция составила по желанию губернатора Игнатьева. Он был любитель театра, желал, чтобы «искусства процветали», и с помощью откупщика, его желание исполнилось. Он именовался попе-

чителем театра. По хозяйственной части он пригласил местного почтмейстера Ивана Михайловича Вукотича. И. М. оригинальная личность: родом серб, он обладал наружностью и характером своей национальности. Цвет лица имел красный, волосы черные с большим взлизом на лбу, небольшими плешинами на голове, левый глаз имел вставной. Казалось бы, что в его лице ничего привлекательного не было, но природа дала ему много доброты, которая разливалась по его лицу; также и характер его как будто был строг, недоступен, а в сущности, это был добряк. Вукотич служил в нашем флоте, перешел в почтовое ведомство, лет 15 занимал должность саратовского почтмейстера и приобрел уважение общества. Многие обращались к нему за советом, он сошелся с купцами, участвовал в торговле, и нажил порядочное состояние. Он был вдов, имел двух сыновей и одного воспитанника, которым дал хорошее образование. Иван Михайлович был правдивый человек, говорил правду в глаза всем и даже с резкостью. Общество привыкло к его характеру и считало его за оригинала. Большею частью он всем говорил «ты» — актерам и актрисам — всем одинаково. Не думаю, чтобы он любил театр, но директорство свое исполнял добросовестно, в нужде всегда выручал актера. Другой директор — по репер-

туарной части, был младший полицеймейстер Попов, с университетским образованием, латинист. Он был так незначителен в управлении театра, что я о нем ничего не могу сказать. Репертуар велся режиссером А. О. Бантышевым.

В виду нашего безденежья нам необходимо было представиться И. М. Вукотичу. Надели фраки и отправились в почтовую контору узнать, когда «генерал» принимает в своей квартире; сказали, что его сейчас можно видеть, он у себя. Вошли, лакей доложил о нас. Минут через десять Вукотич к нам вышел в зал. Признаюсь, наружность его показалась мне непривлекательной. «Что нужно?» — грубовато спросил он. Мы по очереди отрекомендовались, что мы актеры такие то, приглашены на службу в дирекцию А. О. Бантышевым. «Есть у вас письмо ко мне от Бантышева?» — «Было, ваше превосходительство, но мы его в дороге утерjali». — «На какое жалование вы приглашены?» — «Я на 35 р., а он на 25 р.». — «Что? Бантышев дурак или с ума сошел, предложивши вам такое большое содержание, у нас таких окладов нет. Да может быть вы врите?». Я стал уверять, что мы говорим правду, объяснил ему наше положение. «Мы в дороге издержались, в настоящее время не имеем средств к жизни». — «А у Бантышева вы брали деньги вперед?». — «Брали». — «Сколько?». —

По месячному окладу каждый». Минуты две Вукотич молчал, смотря на нас в упор, потом произнес: «Ну, вот что, болваны, вы или врете, или вы растеряли, денег я вам до Бантышева не дам. Если бы вы привезли удостоверение, что действительно приглашены в дирекцию, тогда другое дело, а теперь—опасно. Еще тебе можно бы выдать, а твой товарищ, вон какой худошавый, того и гляди, умрет, деньги могут пропасть, ступайте... До Бантышева я вас не знаю», — и сделал знак рукой. Что делать? Положение было критическое. Мы питались только ситным хлебом. Когда еще Бантышев придет, плывая на пароходе из самой Москвы до Саратова. Спектакли по случаю лета были закрыты, стало быть заявить себя актерами по дебютам нельзя, занять не у кого, никого не знаем. Мы совсем приуныли, и что называется, положили зубы на полку. Случай нас выручил. К губернатору приехал погостить его племянник, атаман уральских казаков, Д. А. Столыпин. Губернатор, желая доставить развлечение своему гостю, просил Вукотича устроить спектакль. «Я говорю губернатору (как после мне рассказывал Вукотич), да тут являлись ко мне какие то два болвана, — не попробовать ли их?». — «Отлично, — сказал губернатор. — пусть они дебютируют, а мы их посмотрим!».

Нежданно-негаданно к нам явился сторож из театра с запиской от Н. А. Михайлова, который, заменяя режиссера, просил нас в театр для переговоров о наших дебютах. Можно представить нашу радость! Надо сказать, что я в Динабурге купил водевиль «Чудак покойник или таинственный ящик», облюбывал в нем роль старого актера-неудачника Сен-Феликса, также переписал мой любимый водевиль «Маскарад в летнем клубе», в котором я играл с успехом простака Пишо. Когда я получил ангажемент в Саратов, то решил приготовить роль старого актера и дебютировать в ней и в роли Пишо. В «Чудаке покойнике» и «Маскараде» для Мити тоже были хорошие роли. Мы Михайлову заявили эти пьесы на наш дебют, он согласился, и через неделю мы должны были дебютировать. Вот когда я трудился и, можно сказать, душу положил в роль старого Феликса! Начались репетиции, местные актеры были опытные, многие прямо талантливые, — выходил прекрасный ансамбль. Наступил спектакль. С замиранием сердца я гримировался, одевался, наконец, услышал звуки оркестра, и занавес поднялся. Мой выход. Я воплотился в моего Феликса. Редко когда на нашего брата-актера сходит вдохновение свыше, но уж тогда отрываешься от самого себя, не чувствуешь подмостков, публички, а всецело принадлежишь

своему положению и окружающим тебя лицам. Благодарение богу, со мной это было во время моего дебюта. Я, конечно, не могу сказать, как я играл, но, судя по восторженному приему публики, приходу театралов ко мне в уборную, чтобы со мной знакомиться, приглашению меня в ложу губернатора, где он и Д. А. Столыпин наговорили мне комплиментов чересчур много, отношению труппы, по товарищески жавшей мне руки—я мог торжествовать. Наконец, на сцене совершенно неожиданно очутился А. О. Бантышев, он обнял меня, расцеловал, говоря: «спасибо, сынок! Я в тебе не ошибся». «Маскарад в летнем клубе» прошел столь же удачно. Вернувшись на свой постоянный двор, я закурил свой успех ситным хлебом с водой. На другой день, часа в три, к нашему постоялому двору подъехала коляска с ливрейным лакеем: слышу, спрашивают Медведева. Я вышел, лакей отрапортовал, что «его превосходительство Ив. Мих. Вукотич просит меня пожаловать к нему на дачу откусать, для чего и прислал за мной коляску». Спрашиваю: «Меня одного генерал зовет кушать? Может быть, и моего товарища г-на Кочеткова?» — «Никак нет, просили именно только вас».

В верстах двух от города мы подъехали к роскошной даче И. М. Вукотича. Хозяин по своему меня радушно встретил словами:

«Ну, спасибо, братец! Вот вчера утешил, ах ты, шут гороховый, у меня до сих пор бока болят от смеха, пойдем я тебя представляю моим и знакомым!». Он меня познакомил с сыновьями, их гувернером, с своим помощником и его женой, после приехал помещик Иван Петрович Зотов (наш будущий директор).

И. П. Зотов был видный мужчина, лет за пятьдесят, очень полный, с большой шевелюрой, с баками и усами. Имел привычку, оканчивая речь, подмигивать левым глазом и прищелкивать языком; он служил много лет в гвардии, его и называли—Семеновец. В начале обеда, как всегда в присутствии актера, разговор шел о театре, о моей игре, что, откровенно сказать, мне не очень улыбалось; я должен был отвечать на вопросы, а это мешало мне сосредоточиться на очень вкусном обеде, в особенности, после моего двух-недельного постничества. Зато, когда разговор перешел на интересы губернии, я наверстал свое и очень аппетитно покушал. Жена помощника почтмейстера была за хозяйку, ухаживала за мной и часто прибавляла мне кушанья. Вероятно, догадалась, что я—«в аппетите». После обеда гуляли по даче, на террасе пили чай. И. М. отвел меня в сторону: «Послушай, братец, ты тогда просил у меня денег, виноват, я отказал...

Кто ж тебя знал, что ты такой потешный? Вот возьми 50 рублей. Когда выйдут, приходи, отказа не будет, да вот передай твоему художавому 25 рублей, да корми ты его хорошенько, того и гляди помрет; а играет он на сцене неважно. Ты ему этого не передавай, бог с ним, что его огорчать!». Я поблагодарил И. М. за себя и Митю, простился и в той же коляске приехал в свой отель, то бишь, на постоялый двор. Мы с Митей почувствовали себя крезами, имея 75 руб. Пошли мечты о квартире. На другой день мы нашли ее—три комнаты, с хорошей мебелью, зеркалами с бронзой, за 12 руб. Отдали за месяц вперед и тотчас же переехали. Мы задались праздновать новоселье, что в скором времени исполнили, пригласили молодежь из труппы, несколько знакомых из публики, закатили пир на славу: кутеж продолжался с обеда на всю ночь. Когда проснулись — конечно, с головной болью—и сосчитали свои капиталы, то их оказалось около трех рублей. Дня три мы питались остатками пира; потом опять принялись за ситный с прибавлением копченой колбасы.

Наш дебютный спектакль так понравился, что губернатор, по просьбе Д. А. Столыпина, назначил еще спектакль. Бантышев дал «Барскую спесь», водевиль в 1-м действии;

в нем участвовали Чухлымов, Я. Чухлымова, Л. А. Александрова, Мотыльков, Кочетков; Иван—А. О. Бантышев, Анюта—Е. А. Михайлова. Водевиль прошел на славу, с ансамблем. Еще бы! Один Бантышев чего стоил! Героиней спектакля была Е. Г. Гусева, для нее шел водевиль «Дебютантка»—роль с переодеванием... Она была более чем хороша: какой чудный голос, сколько в передаче куплетов было жизни, огня, веселья! После Жени Бороздиной и Надежды Васильевны Самойловой я не видал такой талантливой водевильной актрисы. Она меня привела в восхищение, а про прием публики и говорить нечего...

Этот спектакль был последним в весеннем сезоне, театр закрыли до 15-го августа. И. М. Вукотич, спасибо ему, выправил наши финансы: наш перебор стали вычитать по частям, а мы уже перестали дурачиться и зажили экономно. Гусевы на лето получили приглашение от атамана уральского войска Д. А. Столыпина в Уральск, где, при его содействии, был выстроен театр. В конце мая они уехали. Я часто бывал у Бантышева, Ершовых, редко у знакомых из публики. Самое лучшее воспоминание осталось от А. О. Бантышева. Какой могучий талант и какая школа! Никогда не забуду, как однажды, бывши у него, по его предложению

прочитал сцену Чацкого с Молчалиным из 3-го действия «Горе от ума». Я прочитал сцену правильно, по известному шаблону. Он выслушал и сказал: «Нет, сынок, не то, не так... Ты своим чтением обезличил Чацкого и Молчалина, да и самая сцена кажется скучноватой. Послушай меня, я покажу тебе, как я понимаю эту сцену». После первых строк его чтения, я затаил дыхание, предомной живыми стояли Чацкий и Молчалин, в особенности последний с его скромностью и желанием тонко кольнуть Чацкого. Одна фраза чего стоила: «Вам не дались чины?». Какие интонации! Ну, право, если б А. С. Грибоедов написал только одну эту сцену из своей бессмертной комедии и если б нашлись такие художники-исполнители, как А. О. Бантишев, то автор считался бы таким же гениальным, как и за всю комедию. Растроганный до слез, я бросился целовать А. О. за его чтение. Надо было видеть А. О. дома с гитарой в руках. Перед вами сидел полный, румяный брюнет, с неподражаемым юмором, русак за 60 лет, которому на вид не более 40 лет. Он, мурлыкал, бреча струнами, свои песни и романсы, а вдруг вдохновится и чудные бархатные звуки тенора польются из его могучей груди. Да! Эти минуты нельзя забыть. Не помню, летом или осенью, в Саратов явился юный Дмитрий Алексан-

дрович Агренов (впоследствии известный Славянский). Он познакомился с А. О. Бантышевым, часто бывал у него, заимствовал методу пения Бантышева, и что же? Обладая четвертою частью голоса и дарования Бантышева, Славянский с «Травушкой», «О чем голубка» и др. песнями и романсами стяжал славу не только в России, но и за границей, составил себе имя и состояние. Вот кто был Бантышев!

Незаметно прошли месяцы июнь, июль. В начале августа начались репетиции. Приехала чета Фельдман, его жена Мочалова-Фельдман, племянница П. С. Мочалова. Из Уральска вернулись Гусевы. Мы с Митей ежедневно бывали у них. Митя признался мне, что влюблен в Катю Гусеву, надеется на ее взаимность и решил сделать ей предложение. «Пошли вам бог счастья!» — отвечал я уныло. Я с представления «Дебютантки» страдал тайно по Катеньке. Решил на эту любовь поставить крест и, продолжая бывать у Гусевых, напустил на себя равнодушие. Как то на репетиции я с Катенькой сидел в литерной ложе, болтали о пустяках. Митя в это время репетировал на сцене. Я говорю Катеньке, показывая на Кочеткова: «Не посмотрите на вашу любовь, глаз не отведете, да, завидная будет пара!» — «Вы про кого это говорите?» — спросила Катя. «Про вас и Ко-

четкова!» — «С чего вы взяли, что он мне нравится? Чтоб я пошла за него замуж, не подумаю!» — «Да как же, он уверен, что вы не прочь быть его женой!» — «Напрасно!». Потом застенчиво добавила: «За кого бы я пошла, — это за вас, да вы тюфяк, не обращаете на меня внимания!».

После этого разговора, я, конечно, очутился на небесах и стал уж чересчур много обращать внимания... 8-го сентября я сделал ей предложение. Старики нас благословили. На другое утро, лежа в кровати, Митя опять стал говорить о своей любви... Мне было недовольно огорчать приятеля, но делать нечего. Я сказал: «Оставь, Митя, она за тебя не пойдет!». Бедняга, рассердился, стал уверять меня, что она к нему равнодушна. «Митя, голубчик, я вчера сделал предложение, и нас благословили!». Бедняга вскочил с кровати, долго ходил по комнате, и у него вырвалось: «Это подло!». Потом он прослезился, обнял меня, прибавив: «Пошли бог счастья!».

Зимний сезон мы открыли 15-го августа («Сюлливаном»). Дебютировал в заглавной роли В. Н. Фельдман. Постараюсь познакомиться с дарованиями саратовской труппы. Начну с женского персонала. Л. А. Александрова-Дубровина. Актриса ума, образования, опыта; при необыкновенной любви к искусству немудрено, что она долгое время была

постоянной и неизменной любимицей саратовской публики. Про Е. Г. Гусеву я уже упоминал. Она была на сцене жизнь, веселье, счастье. Характер ее дарования был комический, впоследствии из нее выигралась талантливая комическая старуха. В комедиях она была бесподобна; Лиза, Дорина исполнялись художественно. А. Михайлова украшала труппу не талантом, а красотой. Затем — гордость театральной России, — три исполнительницы на роли старух, все три большого таланта. Начну с Александры Антиповны Дубровиной. Эта артистка брала с натуры русскую жизнь и воспроизводила на сцене всевозможные типы, играла одинаково хорошо аристократов, средней руки помещиц, чиновниц, купчих, мещанок и крестьянок. По таланту ее можно сравнить с покойной Линской, но А. А. Дубровина более знала Россию и потому была рельефнее и вернее Линской. А. Ф. Гусева — талант-самородок: ее природа всем наградила для сцены, — наружностью, голосом, мимикой, комизмом. В 60 лет А. Ф. имела чудное меццо-сопрано. Каждый куплет, каждая песня в пьесе вызывали восторг. Водевиль «Цыганка» в исполнении Гусевых Е. Г. и А. Ф. производил фурор, давался в сезон по несколько раз. В этом водевиле они имели бешеный успех по всем известным городам России. В комедиях

А. Н. Островского А. Ф. была истинная художница. Феоктиста Николаевна Ершова — замечательный буфф. Ее игру можно сравнить с игрой В. И. Живокини. Эти, можно сказать, перлы получали в месяц: А. А. Дубровина — 5 рублей (ее игра не нравилась г-ну губернатору, и он, увидя ее фамилию на подписной афише, каждый раз вычеркивал, прося, чтобы заменили другой — какое варварство!). А. Ф. Гусева получала тоже 5 рублей. Ф. Н. Ершова — 8 рублей. Вот как награждались таланты, которых в настоящее время и днем с огнем не найдешь!

А. О. Бантышев, о даровании которого я часто говорил в моих воспоминаниях. Добавлю, что режиссер он был неопытный, без знаний, да и тяжеловат для этой обязанности, но зато был беспристрастен в назначении ролей, исключая, впрочем, себя. Что прикажете делать? Человек вообще, а актер в особенности, к себе пристрастен. А. О., при всем даровании, брал на себя роли неподходящие.

В. Н. Фельдман, талантливый молодой драматический любовник, выражаясь по нынешнему, — герой. Очень хорошо играл Скулливана, Жадова, Овчину-Оболенского в «Елене Глинской» и много других ролей. Бобров, нечто вроде трагика (из крепостных), мужчина лет под пятьдесят, высокий, здоровый,

в жизни и на сцене не говорил, а как бы басом бормотал. Ролей учить не любил, шел по суфлеру, по окончании фразы, которую он пробормочет, обращался к суфлеру с словом: «Ну!». Вукотич сделал ему выговор и запретил смотреть на суфлера и нукать. Бобров побаивался Вукотича, старался не смотреть в суфлерку, но зато по окончании бормотания обращался к ложе Вукотича и произносил свое любимое «Ну!», глядя на него.

А. Ф. Григорьев — резонер старый, опытный, твердо знающий роли, вполне добросовестный актер. В жизни политик, упивался газетами, не переваривал Наполеона III. Понять его взгляды на политику было невозможно. Он слишком горячо высказывал свое мнение, все перемешивалось. Кавур, господь Саваоф, Наполеон, Христос, Горчаков, при этом он показывал кукиш, кончал Андраши, хватал себя за волосы, плевался, ругался и сквернословил. Репертуар комиков разделялся между мной, М. А. Михайловым и В. А. Виноградским. На мою долю в сезон выпало много хороших ответственных ролей.

Что сказать про тогдашнюю саратовскую публику и ее отношение к театру? Театралов было много, но избранных мало; выделялись Афанасий Алексеевич Столыпин, тип барина 20-х годов, П. У. Чекмарев, понима-

ющий и любящий театр, ну, еще человек пять. Вели себя театралы прилично, с полным уважением относились к нашим дамам, но все таки было много курьезов. Например, встреча Нового года. По обычаю все дворянство и чиновничество встречало его балом в Дворянском собрании. Значит, наши театралы — старики и молодежь — волей неволей должны были быть на этом балу. Как же им расстаться с труппой? Нас в то время в Дворянское собрание не пускали, — и вот, придумали устроить для нас встречу Нового года тоже в Дворянском собрании, для чего очистили нижнее помещение депутатского собрания. Вся труппа была приглашена на этот бал, с танцами, ужином и прочими удовольствиями. Вверху — аристократия, внизу — артисты. Публика спускалась сверху вниз. Вероятно, внизу было веселей. Верхние дамы жаловались на отсутствие кавалеров, а у нас их хоть отбавляй. Наверху дамы к часу разъехались, а мы плясали до шести часов утра.

Приближалась наша свадьба. Она была назначена на 3-е ноября 1858 г. Нас постоянно окружали театралы, поэтому нельзя было и думать обвенчаться скромно, как мы желали. Когда узнали о нашей помолвке, началась в труппе и у театралов такая суетня, что боже упаси. Еще мы никого не пригла-

шали, а уж слышим, что почти все заказывают костюмы к венчальному балу. Называются сами, — кто в посаженные отцы, кто в шафера. Нечего делать, пришлось устраивать все на широкую ногу. К сожалению, у жениха денег нема. Обратился к милейшему И. М. Вукотичу, просил у него до бенефиса 500 рублей. Сейчас же дал, я пригласил его в посаженные отцы, а Катя — И. П. Зотова. Шаферами пригласил Митю Кочеткова и Херувимова. Начали приглашать на свадьбу. В день свадьбы я расстался с моим другом Митей и переехал в дом моей тещи А. Ф. Вспомнить страшно, как я трусил, когда меня везли в церковь старого собора. Помню, что дом и церковь были иллюминированы. Церковь битком набита публикой, певчие громко пели, у протодиакона шейные жилы налились кровью, когда он заорал: «а жена да убьется своего мужа», потом поздравления, поцелуи. А я все думал, боже, что я сделал! Будем ли мы счастливы? Наконец, нас посадили вместе в карету, привезли домой, квартиру вся была уставлена цветами, полковой оркестр встретил нас маршем, приложились к образам и пошло пирование. Моя боязнь и раздумье пропали как сон. Осталось одно счастье. До 5 часов танцовали и пировали. Бедный Митя так вынул, что ушел домой без пальто, в одном фраке; со многими из

остальных гостей случилось почти то же. Дня через три мы, молодые, играли водевиль «Невеста реки», где я и жена являемся изпод венда. Публика нам устроила овадию. Театралы в нашу честь дали обед с танцами. Бенефисы А. Ф., жены и мой прошли по исполнению блестяще и при полных сборах. Помню, мне с призами очистилось 1300 рублей, так что я поправился, расплатился с долгами, стал жить, как подобает солидному женатому человеку 21-го года. Жили мы, слава богу, хорошо. Я попал в хорошую, честную и простую семью.

На второй неделе поста приехал из Оренбурга старый актер и друг Гусевых, Клементий Иванович Васильков, — бездомный холостяк, который прижился к семейству Гусевых и считал дом их как бы своим домом. Весь заработок он отдавал в их дом. В нужде, когда А. Ф. была крепостная, К. И. всегда приходил на выручку, на его глазах выросла моя жена Катя. По выходе из крепостной зависимости мой тесть Г. Т. оставался в Саратове при лачужке, которую они имели с К. И., А. Ф. и Катей. Он устраивал ангажементы. По его протекции они попали в Калугу, Тулу и Курск, где они прослужили несколько лет. Деньжонки, которые у них оставались, по скромности их жизни, отсылались в Саратов в отцу. На эти деньги К. Т.

постоянно прикупал землю рядом с хибаркой и устраивал деревянный двух-этажный дом, с флигелями во дворе. Во время Крымской кампании Гусевы с Васильковым служили в Симферополе, Одессе, где имели прекрасные бенефисы. Этот заработок тоже пошел на окончательное устройство и отделку уже большого дома. Успеху их поездки содействовал К. И. Васильков. Он и свой заработок клал в общую кассу. К. И. обожал Катю, месяца два он на меня смотрел с подозрением, — не верил, чтобы я, мальчишка, мог составить счастье обожаемой им Кати. Потом мы с ним сдружились. Тогда К. И. был лет за 50. Он был худощав, с проседью, брился редко, носил большие серебряные очки, беспрестанно курил из плохого крепкого табака вертупы, в черешневом мундштуке, когда затягивался, надувал щеки дымом табака, причем жмурил глаза. Носил дома старый изношенный халат, в котором не прочь был прогуляться и по улицам. Говорил отрывисто. Когда в чем ошибался, что случалось часто, кричал на себя: «Дурак я, дурак!». Доверчивее его я не знал человека, но представлялся он человеком себе на уме: меня, мол, на кривой не объедешь. Скуп был до невозможности. Но стоило только похвалить его Кате, он все отдаст. Имел ружье и собаку, но охотился больше на словах. Верстах в 12-ти от Сара-

това продавался по случаю хутор за десять тысяч рублей с рассрочкой; мы задумали его купить; несмотря на расходы по свадьбе, у нас от бенефисов осталось тыщонки две, да у Кати было много дареного серебра; она его продала за 800 рублей, и мы внесли первый взнос 2500 рублей.

В радости и счастье встретили мы Пасху 1859 г. Приехали из Астрахани Новиковы, большая семья и все служили в театре. Глава семьи Иван Егорович Новиков, дирижер оркестра, хорошо знал свое дело. Екатерина Петровна, его жена, хорошая комическая старуха, но, конечно, ей было трудно конкурировать с нашими старухами.

Петр Иванович Новиков—первый любовник. Только опытный. Никифор Иванович Новиков—комик и простак. Очень талантливый актер, впоследствии любимец южной публики. Несколько раз антрепренерствовал в Кишиневе, Харькове и других городах. С большим успехом дебютировал в Петербурге в «Отце семейства». Приглашен был в императорский театр, в котором занимал первое амплуа. Я его знал за чудного комика. Говорят, что впоследствии он сделался трагическим актером. Для меня это непонятно.

Никифор был любимцем саратовской публики. Федор Иванович Новиков играл тогда

роли мальчиков с заметным дарованием. Наталья Ивановна Степанова, дочь И. С. и Е. П. Новиковых, в замужестве за С. И. Степановым. Талантливая актриса. По тогдашнему репертуару играла больше в водевилях, но настоящее ее призвание была комедия и драма. А. Н. Островский нашел в ней прекрасную актрису в его репертуаре.

В общем, всего 12 персонажей из семейства Новиковых! Как думаете, сколько в месяц они получали? 225 рублей и пять бенефисов в год.

Не помню почему, И. М. Вукотич сложил с себя звание директора театра. Губернатором был приглашен в директора по репертуару Петр Ульянович Чекмарев, а И. П. Зотов заведывал хозяйственной частью. Назначение П. У. Чекмарева было удачно. П. У. любил театр, понимал его, был в душе артист, притом тактичный человек, умел ладить с актерами и актрисами, был хлебосол. Мы зачастую у него обедали, ужинали. Но не «о едином хлебе» и т. д. Он устраивал считки новых пьес, читал их сам или кто либо из нас. По окончании чтения, разбирались достоинства пьесы и назначалось, кому из труппы играть какую роль. При П. У. репертуар видимо улучшился. Пошли новые современные пьесы наших и иностранных драматургов, старый репертуар — нелепые мело-

драмы — был забыт. Но водевиль жил еще долго, его любили и публика и актеры. При талантливой труппе и толковом ведении дела саратовский театр действительно процветал. Главный виновник был П. У. Чекмарев. Другой наш хозяйственный директор, И. П. Зотов, делу не мешал, только подмигивал левым глазом и прищелкивал языком, произнося: «Что, каково?». Дирекция пошла дальше по улучшению театра. Решили старый гриб-театр сломать и выстроить на этом месте новый большой деревянный театр в четыре яруса — ложи, с большой сценой. Эту постройку на акциях устроил губернатор А. Д. Игнатьев, он просил дворянство губернии принять участие. Дворянство с охотой приняло участие, акции были разобраны, и постройка началась. Труппа скучала, ибо в молодости скучно ничего не делать. Хочется деятельности. Я один из скучающих, гуляя по окрестностям Саратова, давно облюбовал в дачной местности, версты полторы от города, сад «Штафа», который принадлежал саратовскому купцу-немцу из колонистов Саратовской губернии, Францу Осиповичу Шехтель. Скучая, я думал, отчего не устроить в этом прекрасном, довольно большом саду, летний театр, в котором мы целое лето до сентября могли бы давать спектакли. Дирекция не платила бы нам даром жалованья. Я пе-

редаю это П. У. Чекмареву. Он с радостью ухватился за мою мысль. Мы поехали в сад «Штафа», распланировали место для постройки небольшого летнего театра, эстраду для оркестра и проч. П. У. поблагодарил меня за мысль и уверил, что через две недели мы будем на этом месте играть. Он сдержал слово. Для удовольствия публики и нас мы открыли спектакли и сделали превосходные дела, театралы не выходили из сада. Ф. О. Шехтель хорошо торговал буфетом. С открытия спектаклей сад и театр принял название «Шехтель». Окончания постройки, как ни спешили работой, можно было ожидать не ближе Рождества. В сентябре мы с труппой перешли в Дворянское собрание. В большом зале была устроена сцена. Разрешением дирекция обязана тогдашнему губернскому предводителю князю В. А. Щербатову и Афанасию Алексеевичу Столыпину, на его дочери князь был женат. В собрании мы проиграли месяц. По случаю, кажется, выборов, зал понадобился. В собрании же моя теща А. Ф. Гусева справляла бенефис. Для меня она поставила «Свадьбу Кречинского». Я в первый раз со страхом и трепетом играл Расплюева. Упоминаю о роли Расплюева потому, что она меня поставила крепко на ноги как актера... Потом, в продолжение 46 лет я ее играл не менее 300 раз и переменил не менее

40 Кречинских. После собрания Ф. О. Шехтель подготовил нам в своем доме на Московской улице еще театр (переделал из гостиницы), очень маленькое помещение для зрителей и сценой, но большое для буфета. В октябре мы начали играть в этом театре. По окончании спектаклей многие из публики и актеров оставались ужинать в шехтелевском буфете.

День 17-го декабря 1859 г. был для меня мучительным и радостным днем. В 7 часов утра Катя почувствовала себя нездоровой. Все перепугались, начались приготовления, суетня, явилась акушерка Миллер. Я так перепугался, что удрал из дома. Ходил чуть не по всем церквям, ставил свечи, молился. Мне казалось, что родится непременно какой-нибудь уродец. Была назначена репетиция, еле живой я отправился в театр в 11 часов. Меня поздравили с сыном. Как угорелый я поехал домой, горячо целовал жену. Это был Петр Петрович Медведев — мой первенец. Крестили маленького Петю парадно. Две кумы: Любовь Александровна Александрова с Александром Петровичем Коваленко, и вторая пара: Клементий Иванович Васильков и подруга Кати Татьяна Александровна Михайлова.

26-го декабря состоялось открытие нового театра пьесой «Знатность и нищета» («Роман молодого человека»). В пьесе участвовала вся труппа. В заключение мною, Никифо-

ром Новиковым и Лизой Николаевой была разучена и сыграна оперетка «66». Сезон был в полном разгаре. Скопились бенефисы, что заставило дирекцию ставить спектакли ежедневно. Новые пьесы сменялись одна за другой. Шли «Мраморные красавицы», «Далила», «Не в деньгах счастье», «Отец семейства» и многие другие. Приезжали гастролеры. Первым явился трагик Горев-Тарасенко; он удачно дебютировал в пьесе (переделка из Пушкина) «Станционный смотритель». Сыграл недурно еще несколько ролей. К его бенефису готовили «Короля Лира», — на репетицию внезапно явился Н. К. Милославский, спрашивает: «Что репетируете?». — «Короля Лира». — «Кто Лир?». — «Горев-Тарасенко». — «Он знает, что я приехал?». — «Нет». — «Ну, когда узнает — запьет, и Лир не пойдет». Что бы вы думали, — как сказал Милославский, так и случилось: накануне бенефиса Горев-Тарасенко поехал с визитами... К вечеру пропал, утром нашли его в каком то притоне на горах мертвецки пьяным. «Лир» не пошел.

Конечно, Милославский был дирекцией приглашен до конца сезона. С ним жизни в театре еще более прибавилось. Мы, молодежь, пришли к нему и помирали со смеху от его рассказов и проделок. Он был у дирекции на поспектакльной плате, за участие

в бенефисных спектаклях Н. К. с бенефициантов тоже прибавил плату. Многие платили, я нашел это неправильным: у Н. К. тоже был бенефис, без участия труппы ему не обойтись, мы с него посовестимся брать плату, поэтому и он должен играть в бенефисы бесплатно. Н. К. доказывал, что я неправильно смотрю на это дело. Мы, актеры, ежедневно получаем жалованье, поэтому и должны играть. Я не согласился и сказал ему, что в мой бенефис я ему не заплачу. «А я играть не буду,—заявил Мирославский,—и если я не буду играть, у тебя не будет сбора». Меня взорвало: «Ну, сбор то положим, если я захочу, так и без тебя будет полный». — «Интересно, как ты это делаешь». — «А вот увидишь: давай пари, на две бутылки шампанского». — «Идет», — согласился Мирославский. Я поставил тогда только что переведенный с французского фарс: «Бездна удовольствий или путешествие по суше, воде и воздуху». В обстановку пьесы входили пароходы, железные дороги, воздушный шар, с действующими лицами. Афиша прелестная! В начале шла одноактная драма: «День из жизни художника», потом любимый водевиль: «Тайна женщины», и, наконец, на закуску — «Бездна удовольствий».

Действительно удовольствия была бездна, в конце концов я моих талантливых старух

усадила в корзину воздушного шара, да человек семь еще туда насели. При открытии занавеса, веревки не выдержали, и мы с перлами с высоты небесной полетели вниз. Сбор был полный со всеми возможными приставными. Наш дом был атакован публикой, желавшей попасть на «Бездну удовольствий». Милославский, шутя, мне сказал: «Ну, зятюшка, из тебя будет прок», мы распили не две, а шесть бутылок шампанского, конечно, с компанией. По выздоровлении, Катя тоже взяла хороший бенефис. Она ставила «Свадьбу по барабану». За сезон денежные дела наши были опять хороши. За хутор понемногу уплачивалось. Там мы завели корову, лошадь, а также и в городе. Отец управлял хутором, дедушка Клементий не служил в театре и смотрел за домом. Все шло хорошо, но последний спектакль (закрытие сезона) все перевернул вверх дном. Надо сказать, что его превосходительства г-на попечителя театра, человека весьма скромного, попутал лукавый, прельстив его танцовщицей Богдановой. Известное дело, что у нас на Руси для их превосходительств всегда найдутся приспешники. В этом деле тоже нашлись пособники, и нечистый спутал веревочкой столь влиятельную особу с плясуньей. Ну что ж, дело житейское, господь с ними, пусть потешаются, но вот в последнем то спектакле вышло не хо-

рошо. На левой стороне от сцены, в бельэтаже была ложа г-на губернатора, к литературным ложам, в глубине, были устроены театральные ложи, под названием «кукушка». В кукушке слева была дверка для сообщения с ложей его превосходительства. Наталья Ивановна Степанова, окончивши роль в своей пьесе, на следующий акт села в «кукушку» с левой стороны. Входит в «кукушку» И. П. Зотов. Как человек простодумный, без дипломатии предлагает ей удалиться из «кукушки» в другую ложу. «Почему?» — спрашивает Н. И. «А потому, что сюда придет Богданова, может войти губернатор, и вы их стесните». Н. И. обиделась, ее почти выгнали из театральной ложи. Со слезами на глазах она рассказала нам, как с ней поступили, мы заступились за нее и наговорили дерзостей Зотову. История разнеслась в публике. Те актеры, которые не участвовали в последней пьесе, пошли в буфет и в зрительный зал. К ним публика с расспросами. В конце концов, и публика тоже сочувственно отнеслась к обиде Степановой, и каша заварилась. В дивертисменте Богданова танцевала. Она была ошикана, освистана как нами, так и публикой. По окончании спектакля мы остались в буфете ужинать. Публики было много. Лимонад выпили, экспромтом писали стихи, в которых прославляли амурные подвиги губернатора с Богда-

новой. Подобрали мотив из «Испанского дворянина», «кто мог прожить беспечно в дирекции хоть год». Пели эти стихи хором — словом, кутили до 6 часов утра, и отвели душу за поступок Зотова. На другой день утром, часов в 12, меня разбудили, говоря, что пристав Альтаментов (он жил в нашем доме) спрашивает меня по делу. Пристав мне сказал, чтобы я в два часа явился к губернатору. У губернатора я встретил всю нашу компанию. А. Д. вышел к нам, очень деликатно прочел нам правоучение, что как не хорошо казнить своего товарища тем оружием (намекая на свист Богдановой), которому каждый из нас может быть подвергнут. Отпуская нас, он сказал, чтобы мы ехали к П. У. Чекмареву. П. У. встретил нас опечаленным и сказал: «Знаете, губернатор мне передал, чтобы Новиковых и Медведевых с семьями не было на будущий год в труппе». Он со слезами на глазах объяснил нам, как ему тяжело расставаться с такими талантливыми и хорошими артистами. Погоревали и мы, но, что делать — с Саратовым пришлось расстаться.

Через три недели после происшедшего И. Е. Новиков явился к нам с предложением с весны по великий пост служить у него в Астрахани. Предложил мне с женой по 50 рублей в месяц каждому, и по два бе-

нефиса, а А. Ф. — 20 рублей и 1 бенефис, И. И. Василькову — 25 рублей без бенефиса. Итого, вчетвером 145 рублей и 5 бенефисов. Условия по тогдашнему времени хорошие. Мы согласились. В начале второй недели поста С. И. Степанов по делам поехал в Москву, я пристроился с ним: хотелось посмотреть на своих стариков и родных и показать себя женатым и отцом. Мой отец совсем ослеп и уже не служил, а жил пенсией. Благодаря сестре Надежде Михайловне мои братья были пристроены хорошо. Я прожил в Москве до пятой недели поста. Побывал у знакомых. В Белый зал не тянуло. По правде сказать, после нашей привольной жизни Москва на этот раз мне показалась скучной. Сколько радости, счастья ожидало меня по возвращении в свой дом. Опять радостно встретили Пасху 1860 г. На Пасхе же начали собираться в Астрахань.

СЛУЖБА В АСТРАХАНИ

В конце апреля 1860 г. в г. Саратове, на Царицынской улице, в доме А. Ф. Гусевой, происходила великая сумятица и большие хлопоты по случаю переселения семейства Медведевых и Гусевых из г. Саратова в г. Астрахань. Дело не шуточное! По тому времени это было равносильно нынешнему переезду из Европы в Америку. Помимо нас, так сказать, действующих лиц, милейшая теща, А. Ф., набрала с собой много родни: сестер, племянниц и их детей.

Решили мебель и обстановку взять с собой и, как обыкновенно водится у русских людей при переездах, захватили домашней кислой капусты, огурцов и даже боченок квасу. О закусках, грибах, вареньях, сухоядениях я уж не говорю. Я только улыбался, приговаривая: «Да что мы на войну, что ли, едем с такими запасами; полагаю, что этого добра и в Астрахани много». Старики на меня огрызались. «Много ты знаешь! Здесь отец (моего тестя, Г. Т., все звали отцом) с сестрой всего не поедят. Добро все равно пропадет, а у нас

провоз даровой, так лучше с собой взять». Я махнул рукой. Иван Егорович Новиков нанял для перевозки труппы баржу на буксирном пароходе «Волга», компании Дружина. Пароход тащил в Астрахань две баржи, нагруженные хлебным зерном; еще вел третью новую, только что спущенную, баржу. Вот эту то баржу наш антрепренер и нанял для труппы и багажа. Баржа громадная, так что мы действительно все могли свободно разместиться. Актеры как на сцене, так и дома любят режиссировать и заниматься обстановкой. Я предложил внутренность баржи разделить на комнаты, перегородив их простынями, одеялами. Мое предложение всем понравилось. Все начали отделывать для своей семьи каюты, расставляли свою мебель, кровати и проч. Нечто вроде печки было устроено на палубе. Решили на палубе же в хорошую погоду обедать, пить чай, веселиться, петь, танцевать и пользоваться вообще удовольствиями.

Наш отец, Г. Т., на своих лошадакал все наше имущество накануне отъезда перевез на баржу, а я с рабочими устроил для нас отличную каюту. Моя семья ночевала у нас на новосельи. Утром, часов в 9, мы распростились с отцом, родными и провожающими нас. Благополучно отчалили от г. Саратова. Это было идеально-хорошее путешествие:

во первых, все и вся было весело. Дружба общая. Мы попеременно превращались в поваров, служащих за столом или, вернее, исполняли должность метрдотелей. Сегодня обед у Ивана Егоровича, завтра у меня, потом у Никифора или Петра Новиковых. Старались один другого перещеголять в кулинарном искусстве. Я удивил всех кулебяками (заметьте, я их пек в бурлацкой печке). Провианта было сколько угодно. Для покупки продуктов пароход останавливался в Золотом, Камышине, Дубовке, Царицыне, который я принял за село, так он был мал, плохо обстроен. Посад Дубовка выглядел сравнительно богатым городом. После обеда отдыхали, зато ночи все проводили на палубе, пели, танцевали под скрипку и гитару. Ах, как было хорошо! Жены удалялись, конечно, раньше нас на покой, мы же с рюмочками и стаканчиками попивали вино, при чем пели и любовались матушкой-Волгой. Наконец, из трапа баржи раздавались голоса: жены усиленно приглашали нас спать и дать им покой. «Степан Иванович! будет, иди спать». — «Петр Михайлович, да будет этому когда нибудь конец?». — «Петя, ступай спать, мне страшно!». Ах жены, жены! Тут, можно сказать, поэтическое настроение, а они спать... Нечего делать, повинемся, спускаемся вниз. Следует заметить, что баржа не освещалась, а мы,

опасаясь пожара, дали друг другу слово не зажигать огня, даже не курить в барже. И вот, мы потихоньку начинаем отыскивать своих жен. В виду поэтического настроения, их не находим; на наши тихие окрики они не отвечают, значит, сердятся. Кое-как я нашел свою. Кажется, теща подала голос. Только что я улегся, послышался отчаянный женский крик: «Батюшки! да это не Никиша!».

В это время с палубы послышался голос Ник. Новикова: «Лиза, что ты кричишь?». — «Поди сюда, тут кто то развалился на нашей постели вместо тебя». Мы все вскочили, зажгли спички и увидели актера Молчанова на месте Никифора. Он не дошел до своей жены. Мы его тотчас водворили на место жительства.

Так мы плыли. Верст за 20 до Астрахани показался величественный православный собор. Чем ближе мы приближались к городу, тем более поражались видом, который пред нами открывался. Действительно, Астрахань издали напоминает Венецию. Она вся кругом потонула в воде: Волга, Балда, Кутум и 90 рукавов Волги в полую воду сливаются вместе, и получается необъятная ширь и море воды. На большой горе выстроена старая крепость и величественный собор. Ближе к берегам расставлено по обеим сторонам бесчисленное множество судов, пароходов, канаводок, барж.

барок, коссовых лодок. По середине Волги полное движение, — словом, человека, который в первый раз, как я, увидел подобную картину, невольно приводило в восхищение. Когда наша баржа причалила к берегу и мы остановились как раз против торгового места, называемого Косой, то удивление мое удвоилось: помилуйте, как не удивиться! Сколько народностей предстало моим глазам: армяне, персы, татары, калмыки, русские купцы, рыбаки, все народности Кавказа и даже индусы. В то время доживал еще в Астрахани Индийский двор.

Начали раздумывать, как устроить свое жительство в таком прекрасном, как издали казалось, городе. Поехали с женой отыскивать квартиру. Когда мы вступили в город и увидели улицы и дома, то сразу разочаровались. Боже! Что мы увидели! Немоощеный город, песок по колено, при почти постоянном ветре. Песочная пурга осыпает вас с головы до ног. На улицах всевозможные отбросы, начиная сдохлых собак, зловоние, ни одного деревца, исключая губернаторской площади, на которой было что то миниатюрное, вроде сквера. Про дома и их архитектуру говорить нельзя. Это что то ужасное. Больше всего — деревянные хибарки, каменных зданий мало. На Воздвиженской улице мы наняли квартиру — дом-особняк, в 6 комнат с мезонином, отдель-

ная кухня, баня; за все это удовольствие, с хозяйскими дровами, с нас спросили 12 рублей в месяц. Конечно, я не торговался и отдал за месяц вперед. Вся наша семья с имуществом в тот же день переехала с баржи на новую квартиру и хорошо разместилась. Очень доволен был Клементий Иванович. Ему достался мезонин, где он блаженствовал с своим псом «Трезором».

Не посетуй, читатель, что я пускаюсь в излишние подробности, но цель моих воспоминаний — знакомить нынешнее поколение актеров не только с ходом театрального дела, но и с жизнью тогдашнего актерства. Малое вознаграждение сравнительно с нынешним мы получали, а жили хорошо. Конечно, дешеви́зна жизни много выручала, но правду сказать, и жили много проще и обстоятельнее.

Пойдемте со мной на астраханский базар. Первое, что меня поразило — это целые курганы живой рыбы. Торговцы этим товаром бойко выкрикивали: «Кому рыбы для корма свиней и собак!». Смотрю, — крупная живая рыба, тарань, бешенка, мелкие судачки. «Сколько, спрашиваю, стоит десятков?» — «Какой десяток? — Давай пять копеек, я тебе целое ведро навалю». Тут же я купил крупную белорыбицу и за всю заплатил 20 копеек. Стерлядь, судак, свежая стерляжья икра, — баснословно дешевы. Впоследствии я купил

сазана больше пуда весом. Чтобы его зажарить, пришлось звать печника и увеличивать чело печки, иначе он не пролезал в нее. Три человека его чистили, долго возились, пока сняли чешую. На этого сазана я пригласил человек 10 гостей. Когда истопили жарко печь, сазан лежал уже очищенный, без признаков жизни. Его положили на противень и вдвинули в печь. Мы все с гостями были на кухне. Когда сазана охватил жар, он соскочил с противня, вышиб заслонку, которой была прикрыта печь, и затем через шесток свалился на пол кухни, и начал прыгать, как живой. С дамами сделались обмороки, многие из мужчин, в том числе и я, закричали. За этого сазана я заплатил всего 15 копеек. Вот какие были времена!

Мясо было плохое, свинину, поросят, кур, есть нельзя было, все пропитано рыбой. Барашек превосходный. В осеннее время много привозили дичи: фазанов, горной козы. Зелени, фруктов, винограда, арбузов, дынь, — сколько угодно. Вина, — красное и белое, порядочные. Все это в настоящее время изменилось. Недавно в Петербурге я спросил, что стоит одна астраханская сельдь — 35 копеек!

На другой день после приезда я отправился в театр. Он принадлежал армянину Углеву и назывался «Углевским театром».

Театр вполне гармонировал с городом. Его переделали из дома. Находился он в узкой улице и имел казарменный вид. Небольшая сцена, плохие неудобные уборные; зрительный зал — в три яруса: бенуар, бель-этаж и галлерей. В партере первые 6 рядов кресел — плохая старая мебель, на которую приходилось садиться с большой осторожностью. Местная публика знала, как нужно садиться, а приезжая — часто платилась падением. Франт влетал в партер, желал раскинуться в кресле, и вместе с ним падал. Остальная мебель партера состояла из скамеек. Наш антрепренер И. Е. театр подкрасил и привел в приличный вид. Начались репетиции. Труппа состояла из семейств Новиковых и моей. Впрочем, прибавились и новые персонажи. На драматические роли — Мария Варнавовна Рославская-Караулова, на роли резонеров — Федор Рославский, вполне дельный хороший актер, мой товарищ по школе. Его настоящая фамилия — Ромашков, муж М. В. Карауловой. Их сын, Б. Ф. Ромашков, в настоящее время служит в петербургском Народном театре. Забыл было упомянуть моего старика, Кл. Ив. Василькова. Не все бог дает человеку. Василькову дал бог сердце доброе и ни капли таланта, старался он «комиковать», но ничего не выходило. В Саратове был театрал из купцов, некто Масленников; после какой то роли

Милославского он мне говорит: «Как нынче просто стали играть, а хорошо. Прежние то актеры, господа, что делали — беда! Вот я вам расскажу случай. При Залесском поставили «Уголино». Был у нас такой актер, по фамилии Васильков. Играл он этого самого Нино. Ну с, вот и случился этот самый грех, что супругу то это самого г-на Нино дяденька их манечечко подрезал и сам давай бог ноги. Г-н Нино, значит, выходит из своей хижины, чтобы приятно поамурничать с супругой, и вдруг видит, что супруга богу душу отдала, ну конечно, неприятно, что и говорить. Что же делает этот самый Нино-Васильков? Побежал за кулисы, и в секунду это выскочил оттуда весь перепачканный мукой: — рожа, штанишки, курточка — все в муке. Публика подивилась и подумала, что он с горя то опару на блины ставил. Хозяйки то нет, а помянуть покойницу, конечно, нужно. Выскочил это он сам-друг с каким то старичком, на покойницу это показывает, а слов нет. Долго он это на нее пальцем тыкал, все молчит, наконец, переменял фасон, начал пальцем себе в рот тыкать. Думаю, господа, что человека тошнит, что ли. Тыкал, он тыкал, да таково долго, что кто то из публики и закричал: «Да что ты, чорт, сколько муки потратил, а теперича на язык тычешь, каши что ли он у тебя захотел?».

Ну уж аносся этого в публице то и поднялся хохот. Но он, подлец упрямый, так таки не сказавши ни слова, ушел за кулисы. Нет, вынче, что и говорить, — господа актеры много легче играют».

Меня этот рассказ заинтересовал, я не выдержал и спрашиваю К. И.: «Дедушка, ты играл здесь Нино?». — «Играл, брат, чтоб ему пусто было». — «А что?». — «Да видишь ли, братец, был я в Москве, ну все кричат: Мочалов, да Мочалов! Думаю, надо посмотреть. Давали «Уголино». Я купил билет в галерку. Сначала то он мне не больно понравился, знаете, вроде все, нынешних, играл с простинкой. Но зато как дошел до акта, когда убили Веронику, как взглянул на нее, — так у меня шкура поднялась. И вдруг он сделался как мертвец бледный. Думаю, батюшки, не рехнулся ли он! говорить не может, видно, что язык не повинуется. Не спал я целую ночь, все он мне представлялся. На другой день в трактире разговорился с актерами и все про Мочалова. Спрашиваю: «Как он вдруг побледнел то, скажите?», Мне один актер и говорит: «Ну побледнеть это не штука, это и я сделаю, когда угодно». — «Да как же?». — «А очень просто, на это есть пудра». — «Как пудра, говорю, а что такое пудра?». — «Вот чужак: мука!». Когда я возвращался в Саратов, в дороге опять мне начал представляться

Мочалов, потом постепенно лукавый стал нащептывать: «Сыграй сам, вот удивишь Саратов». Мало-по-малу я уверил себя, что должен по мочаловски сыграть Нино. По приезде говорю Залесскому: «Поставь, брат, «Уголино», я сыграю Нино, Мочалова видел». Он поморщился, а все таки поставил. Роль выучил я твердо, а к убийству Вероники заготовил фунта два крупчатой муки. Хотелось мне всех удивить. Когда подошла эта сцена, я за кулисы, и сгоряча то перехватил муки. Слышу, товарищи говорят: да что ты с ума сошел? Ладно, думаю. Сейчас всех поражу... Тут Васильков остановился. «Ну? и что?». — «Да что — никого не порази, все смеялись, а я ушел, договорил К. И., — Борисоглебский доиграл за меня».

Оригинальная личность был кассир Иван Степанович. Он много лет занимал должность театрального кассира. Наружность имел солидную, в объеме — прямо толстяк, лицо красное с рябинами, бритый, волосы лимонного цвета, разговором напоминал Маломальского из пьесы «Не в свои сани не садись». Говорил И. С. скороговоркой и сиплым голосом. Любил выпить. Любопытно, как контролировали этого кассира. Во время спектакля братья Новиковы внезапно налетали в кассу, валили с ног Ивана Степановича, раздевали и обыскивали буквально всего.

Какие деньги находили у него, — то причислялось к сбору театра. При явной улке, он обыкновенно обращался к образу Ивану Войственника, висящему в кассе, и возглашал: «Господи! Иван Егорович (указывал на образ), вот тебе Иван Войственник (при этом указывал на антрепренера) свидетель, что я невинно погибаю».

Для открытия поставили «Дочь 2-го полка». В ней жена дебютировала ролью Марии. Для дебюта А. Ф. Гусевой шел водевиль «Неподходящая невеста». Театр был полон. Спектакль прошел удачно. Обе дебютантки имели успех.

На второй спектакль, для моего дебюта, поставили «Свадьбу Кречинского». Я в Расплюеве имел большой успех. Комедия не сходила с репертуара, давала полные сборы, прошла 15 раз в сезон, что для провинциального театра считалось и считается большим успехом. Я стал любимцем публики, особенно моряков. Что сказать про труппу? Она была блестящая по дарованиям и ансамблю. Мы с благоговением относились к репертуару А. Н. Островского. Наталья Ивановна Степанова лучшая Катерина в «Грозе», Лишочка в «Свои люди — сочтемся», Марья Андреевна в «Бедной невесте», Е. Г. Медведева с ее натуральным комизмом и веселостью — чудная Варвара в «Грозе», Дуня в «Бедной невесте». Старухи превосходны. Одна Гусева чего стоила в ролях

Островского! Никифор Новиков художественно изображал Тихона Кабанова в «Грозе», Ризположенского в «Свои люди — сочтемся» и Мерича в «Бедной невесте». Его Трубин-Разладин в «Отце семейства» был трагичен. Замечательный Кочкарев в «Женитьбе». Много хороших ролей было у С. И. Степанова. Я свой репертуар обогатил в этот сезон многими любимыми мною ролями: Подколесин — «Женитьба», Мордоплюев — «Жених из ножевой линии», Кулигин — «Гроза», Подхалюзин — «Свои люди — сочтемся», Беневоленский — «Бедная невеста» и много других ролей. Все мы, впоследствии, астраханским сезоном и приготовленными нами за этот сезон ролями составили себе доброе имя «хороших актеров». Да, славное, чудное было время! Как занимались! Какое соревнование между актерами! Какое отношение публики к театру! Моряки, познакомившись с нами, как люди откровенные, высказывали прямо свой взгляд на нашу игру и главное на наши недостатки. Толпа восхищалась нами и в своем увлечении, не зная чем выразить свое удовольствие, бросала серебряные рубли на сцену. На базарах сколько раз случалось, что к тебе подбегал торговец хлебом с вязкой баранок, приговаривая: «Покорнейше благодарим за вчерашние удовольствия, разодолжили, не погнушайтесь, примите бараночек в знак чувств». — «Что вы,

помилюйте, зачем это, позвольте заплатить». «Нет, уж, не обижайте, примите»... Я раз сильно был сконфужен за мой дурацко-фатоватый ответ. По окончании спектакля, я встретил в коридоре мужика, который обратился ко мне с вопросом: «Получил ли я, брошенный им на сцену мне рубль?». Я ответил и теперь совестно за этот ответ: «Ну, батюшка, рубль! Кабы вы бросили сто рублей, тогда бы я, конечно, получил с благодарностью». Мужичек посмотрел на меня и проговорил: «Напрасно, господин, обижаетесь. Всякий дает, что может. Ста рублей у меня нет, а рублик я от своих трудов с удовольствием кинул, потому больно мне понравилась твоя игра». Тут только я уразумел, какую сказал глупость, и как не понял истинного торжества артиста, когда народ предлагает ему баранки и трудовой рубль. Вскоре появился печатный орган, не помню его названия, но кажется «Астраханский листок». Начали появляться дельные рецензии о театре. Помнится, была очень хорошая статья о «Бедной невесте». Разбиралась подробно комедия и исполнение, статья наделала много шума, потому что принадлежала известной в городе доме г-же Тютюшиной. В провинции она явилась из первых дам-писательниц шестидесятниц.

До выхода газеты и знакомства с моряками мы, молодежь, жаждали указаний и оценки

нашей игры. Между прочим, решили, после каждой новой пьесы Островского, Тургенева, Писемского, на другой день говорить друг другу сущую правду: верно ли исполнена была роль, какие ошибки и промахи были в исполнении у каждого и прочее. К сожалению кроме «скандалов», из этих рецензий ничего не вышло. Вообще, делалось все это курьезно; действие происходило в театральной кассе. Прежде всего подумали о хлеб-соли, поэтому через посредство Ивана Степановича делалась складчина, являлась водка, бальзам, раки, шашлыки, кибобы — и прочие съестные «удовольствия».

Выпивши по рюмке и закусивши, мы все оказывались в благодушнейшем настроении и взапуски друг друга хвалили. Так дело шло до 4-й рюмки. После нее переходили на откровенность, и уже в исполнителях находились грешки: «У тебя, Сеня, роль прошла действительно хорошо, но в 3-м акте, в такой то сцене, ты дал промах». — «Ну нет — следовал ответ, — я этого не нахожу, а вот ты, точно, чудесное место совсем провалил». Начинались бесконечные споры, доказательства. Между талантливыми актерами это далеко, впрочем, не заходило, и спор шел более в умеренном тоне. Но так как не все были талантливы, а ни один актер в мире сам этого не сознает, то доказатель-

ства своей талантливости и превосходного исполнения роли, после 12-й рюмки обыкновенно заканчивались кулачной расправой. В особенности по этой части отличался Петр Новиков. Он принадлежал к категории людей, в трезвом виде скромных, тихих, а в подпитии—беда, откуда что берется: задор, старания оскорбить человека, буйство, драка. А на другой день видишь несчастного человека, который умоляет о прощении, готового на всевозможные извинения, так что невольно забываешь обиду до следующего кутежа, на котором он повторяет то же самое. Таков был Петр Иванович Новиков, старший сын Ивана Егоровича.

Что делалось на актерских пикниках — удивительно! Нанимали обыкновенно две больших лодки и одну малую, для самоваров, посуды, ковров, провизии и вина. Утром часов в 10 вся труппа садилась в лодки и отправлялась по Волге на Заячий остров. Все было весело и мило, по приезде гуляли по острову; служащие во главе с Иваном Степановичем готовили закуски, самовары. Старики, Иван Егорович и Клементий Иванович, оба старые приятели и горе-охотники, усевшись под деревом, вспоминали старину. Бывало, прислушаешься к их воспоминаниям, так страшно делается. «Иван Егорович! А ведь мы, братец, тогда человека то убили!» начинается «Дед». —

«Ты убил, а не я, я тебе кричал: «что делаешь, это человек!», — а ты кричишь — «нет, это дрофа», — отвечал Иван Егорович. — «Тот, как, брате, он тогда закричал!». Это, кажется, была единственная дичь, которую подстрелил в своей жизни мой «Дед», хотя и не разлучался с ружьем и собакой. По возвращении с прогулки начинались закуски и чаепитие. По окончании, рассаживались в кружки и начинались игра в лото и в трынку. Иван Егорович был картежник, его семья также, и нас невольно приучили к азартной игре. Я с женой полагались здорово, что тщательно скрывали от нашей мамы А. Ф. Во время игры, приготавлился обед, под командой нашего кассира Ивана Степановича, разводился громадный костер, чистились окуни, судаки, лещи и янтарные стерляди; другие мыли и резали на куски барашка, а также крупную стерлядь, для жаренья на железных прутах шашлыков и пр. Для этого брали специалиста армянина. Наконец, уха закипала в громадном котле. Иван Степанович беспрестанно большой ложкой снимал накипь. Игру бросали, усаживались вокруг костра, вели беседу и с аппетитом посматривали на котел, который уже начинал покрываться янтарем. В ожидании янтарной ухи чарочки с водочкой обходили компанию довольно часто, так что я заметил, что Петру Новикову в голо-

ву вступило. Наш товарищ, Федя Ромашков, славный малый, имевший однако слабость Половня много говорить, — заводит длинный разговор, Петр Новиков к нему придирается. И вот, в то время когда яштарная уха закипала белым ключом, Петр Новиков схватывает котел и моментально всю уху выливает на Ромашкова. О боже! какой это был ужасный момент! Крик Ромашкова, истерика жены и остальных актрис. Новикова, как безумного, связали.

Бедный Федя Ромашков очень пострадал, с неделю был болен, но к счастью, тяжелых последствий не было. Так закончился наш пикник.

Раз Новиков избил стоящего на часах около казначейства солдата: ему грозило большое наказание и только благодаря губернаторше, А. П. Струве, упростили военное начальство не давать этому делу хода. Так и замяли. Впоследствии, после смерти отца Ивана Егоровича, Петр взял на себя антрепризу астраханского театра, перестал пить, прекрасно повел дело с помощью своего тестя, Евграфа Николаевича Лесникова, устроил летний театр и сад, назвав его «Эрмитажем». Служившие в его антрепризе актеры хвалили его, как человека и антрепренера. С семьей своей он также жил хорошо. Болезнь сердца, не дала ему долгой жизни. Он скончался, кажется, 35 лет.

Театральные дела и сборы были прекрасные. Наши бенефисы собрали переполненный театр, так что при дешевизне астраханской жизни мы хорошо заработали и послали деньги в уплату за нашу ферму.

Как ни хороша была астраханская публика, как ни заманчивы были мои успехи в Астрахани, а все таки нас тянуло в черту оседлости, к Саратову. Саратовская дирекция без нас просуществовала только один сезон, и передала театр антрепризе в лице саратовского помещика А. Р. Глазенапа. Он был родственником известного комического актера К. Ф. Берга: они женаты на родных сестрах. Получив саратовский театр, Глазенап тотчас обратился к Бергу. Я в то время спал и видел, как бы служить с таким хорошим актером, каким считался Берг, и послал Глазенапу предложение служить с своей семьей в будущем сезоне под его управлением. На это получил вскоре ответ, что он очень рад, и чтобы мы с первым пароходом приезжали в Саратов, а что касается условий, то он надеется, что мы лично сойдемся с двух слов. Чего же лучше? Мы были рады и на лестное предложение Ивана Егоровича остаться у него на службе еще на год вежливо отказались. Это было, видимо, неприятно Новиковым.

Окончился сезон хорошо, дружно. Пришлось в ожидании открытия навигации жить

весь пост в Астрахани. Помню, кажется на первой неделе поста, я отправился в астраханский собор, где, говорили, будут читать манифест об освобождении крестьян. Шел я в крепость с полной уверенностью, что она и собор будут переполнены народом. Мое воображение рисовало мне манифестации, ликование народа... Что же? Не только крепость была пуста, но и храм в соборе пуст. Были административные лица, а вот — народа то я не видал. «Господи, — подумал я, — да что ж это за тьма царит у нас — неужели и тут городovým надо было загонять по приказу народ, чтобы он услышал свою волю?». Не думайте, что в Астрахани было мало крестьян. Безграмотность ли была причиной, или изверились — не знаю.

В четверг на страстной из Астрахани отправился первым рейсом буксирный пароход «Надежда», принадлежащий Тютюшину; на этом пароходе нас и устроил управляющий Тютюшина Е. Н. Лесников. Он отвел для нас целую каюту в корме, и мы со всем имуществом, со всеми чады и домочадцы, распростившись с друзьями и знакомыми, отплыли из Астрахани. 10 дней мы плыли до Саратова. Плыл с нами управляющий князя Васильчикова в Баку. От него я в первый раз услышал, что такое нефть и какая предстоит ей будущность. Ехали еще персы, играли

в какую то игру, и я от них только и слышал: «абаз, балабаз». Вот и все удовольствис. Дед К. И. остался в Астрахани, занялся торговлей, накопил на несколько тысяч воблы, нагрузил лодку и сам с ней плыл в Саратов.

Наконец, мы приплыли в наш Саратов.

САРАТОВ, ВОРОНЕЖ, КУРСК, КАМЫШИН И АСТРАХАНЬ

1861 — 1862 гг.

В родном городе за год нашего отсутствия кое что изменилось. В доме прибавление: отец выстроил новый флигель, родственники и родственники со стороны жены подросли. В главном доме верх занимал частный пристав Алтаментов, взяточник образцовый. Я наблюдал из окна, сколько и утром, и вечером обыватель таскал к нему на поклон всевозможных товаров. Нижний этаж занимали немцы-колонисты. Во главе их семьи были древние старики, муж и жена, у них дети, — лет по пятидесяти. Они имели воспитанниц, двух барышень, лет 17 и 16 и гимназиста Борю. За воспитание их получали от князя Лобанова-Ростовского плату. Это была прекрасная патриархальная семья. В то время молодежь зачитывалась Тургеневым, Достоевским, Некрасовым, Гончаровым. Появился роман Чернышевского «Что делать?». Им молодежь, в особенности девицы, страстно интересовались. Слова: «миленький, пой-

дем, повенчаемся» — слышались всюду, начиная с мастерских портних. Начиналось движение шестидесятых годов.

На другой день по приезде, я поехал с визитами: к театрам и знакомым. Принимали меня всюду ласково, радовались, что мы снова будем служить в театре, много говорили о новой труппе с Бергом во главе, которую обещал Глазенап. Как хорошо, что они будут видеть на сцене вместе меня и Берга! Увлеченный этими разговорами, я поехал к А. Р. Глазенап. Он меня принял довольно сухо, как то конфузливо. Я спросил о причине такого отношения. Он мне ответил, что он передо мной и моей семьей виноват, так как опрометчиво написал мне приглашение, не посоветовавшись с руководителем дела К. В. Бергом, между тем тот ставит ему вопрос прямо («только, понимаете ли, это между нами»), что он служить отказывается, если буду служить я. «Судите сами мое положение, заявил Глазенап, — без Берга я дело не сумею повести. Что мне делать? Мне совестно перед вами, потом за вас публика... Меня так озадачили его слова, что я растерялся. «Да почему же Берг не хочет со мной служить? Что я ему сделал?». — «Ее знаю, я его умолял вывести меня из неловкого положения перед вами, — слышать не хочет!» — «Ну, что ж, — сказал я — делать нечего,

насиленно мил не будешь, я освобождаю вас от вашего слова». Можете судить, как было огорчено мое семейство, когда я привез домой эту весть. Одно к одному: захворал мой второй сын Вася и скончался. Петя был тоже совсем хилый. Спасибо немецкой бабушке: она посоветовала отправить его на лето в горы и лечила его травами. Приехал К. И. Васильков из Астрахани с своим товаром — воблой. Его полиция к городу не допустила, потому что товар в дороге от неумения уложить и недостаточной засолки испортился, его воблу всю выбросили в Волгу. Бедный старик пострадал на 400 рублей. А как он их копил, как желал внести в семью свою лепту! У К. И. вообще была слабость к торговле и всегда торговал он неудачно. Как то закупил целую партию лайковых перчаток, роздал актерам в долг и ни с кого не получил. После таких неудачных операций, он вставал раньше обыкновенного, беспрестанно курил, ходил по комнатам и слышно было, как он величал себя то и дело дураком.

Положение наше было не из красивых, места не было ни на лето, ни на зиму. Я предложил семье для отыскания ангажемента поехать одному в разные города, начиная с Воронежа. Видя мою тоску, все согласились. Я взял с собой 300 рублей денег и поехал на Воронеж. Боже, как я был рад!

Видеть разные города, театры, новых актеров, самому дебютировать — все это обещало много удовольствий. В последних числах апреля я, простившись с семьей, выехал на перекладной отыскивать счастья. За две станции до г. Сердобска мой ямщик уговорил меня остановиться вместо почтовой станции у его родственника, содержателя постоялого двора, где можно порядочно закусить. Я послушался. Во время закуски, на постоялый двор въехала лихая тройка вороных: молодой красивый кучер, одетый в красную рубаху, плисовую безрукавку и шляпу с павлиньим пером. Когда кучер вошел в избу, мы разговорились. Оказалось, что он привез помещика на почтовую станцию. Предложил мне доставить меня до следующей станции, даже до Сердобска за ту же плату, что стоят почтовые лошади. Чорт возьми, приятно было прокатиться на таких лихих конях и с таким нарядным, ухарским кучером! Я, конечно, согласился. Хозяин постоялого двора дал тележку. Покармливши лошадей, мы отправились в путь, сехали лихо. Чего только не выделявал с лошадьми мой лихач-кучер: под большой спуск горы он разогнал разгорячившихся лошадей; корениник стал бить задними ногами, пристяжные подхватили, а впереди овраг, с перекинутой через него узенькой настилкой. Тележка наша обращается в щепы, чемодан

вылетел. Я, предчувствуя неминуемую гибель, на всем скаку выскочил из тележки. Окровавленный кучер тоже. Лошадей поймали мужики близ деревни. Я сгоряча не почувствовал боли, и кое как дотащился до деревни, но через час левая нога начала пухнуть. Не помню, как меня довезли в Сердобск в больницу. Меня осмотрел военный доктор, нашел вывих ноги и решил, что две недели необходимо пролечь в постели, а ногу держать в гипсе. Осматривая меня, он все время присматривался к моему лицу. «Что это мне ваше лицо как будто знакомо!». Я назвал мою профессию и фамилию. Надо было видеть его радость. Оказалось, что это один из моих ярых поклонников. Он с полком стоял в Саратове и часто посещал театр. Доктор стал меня просить, чтобы я позволил ему перевезти себя на его квартиру, что в больнице мне будет неудобно. Он в настоящее время без семьи, которая уехала, и для него будет истинное удовольствие мое пребывание в его квартире. Как я ни отговаривался, все таки был перенесен на его квартиру. Ухаживал он за мной, как за сыном. Через десять дней я был здоров. От предложенной мною платы милейшей доктор отказался. Какие есть чудные люди! Как они любят нашего брата актера!

Приехав в Воронеж, я остановился в гостинице. Сейчас же оделся и отправился

в театр. Город мне показался чистым и красивым. Он весь был в зелени. В зимнем театре, весьма непривлекательном, как снаружи, так и внутри, мне сказали, что труппа играет теперь в летнем театре, в саду. Отправился в летний театр. На заборе увидел афишу: имена актеров незнакомые. Кинулась в глаза фамилия Максимова. Думаю, какой это? уж не Александр ли Максимович Максимов?... На счастье спрошу его. Спросил, смотрю — выходит беловолосая фигура в цилиндре и английской светлой паре. Батюшки, он и есть! «Здравствуй П. М., — поплеывая встретил меня старый приятель, — какого чорта сюда приехал! Что, Митя то умер? А ты знаешь, — Дунька то моя здесь, со мной. Пойдем после репетиции к нам; вот удивится тебе!» — засыпал меня словами А. М. Он перезнакомил меня с труппой. Мы отправились на квартиру А. М. Евдокия Васильевна действительно удивилась и, видимо, обрадовалась мне. Начались воспоминания прошлого и рассказы о настоящем. В. Я. Оберский скончался, Н. И. Гагельстром сделался городским головой в Динабурге, театром не занимается. Евдокия Васильевна приехала в Воронеж, чтобы поступить на службу в театр, но до сих пор ничего определенного не имеет. Я тоже рассказал про свою жизнь и цель моей поездки. А. М. сказал: «ничего

путного здесь не выйдет, здесь, брат, лодыри, мошенники, они и меня хотят спихнуть, да только не на того напали, я сам им подвезу такого, чего они и не ожидают, в особенности, Дорошенко, — вот, брат, подлец то!» — все сплевывая говорил А. М. Квартиру они занимали очень милую, в саду, и хорошо обставленную. Недели полторы я пробыл в Воронеже, ежедневно посещая Максимовых. Спектаклей я не пропустил ни одного. Труппа по дарованиям была превосходная. Пьесы шли прекрасно. По приезде нового губернатора Черткова (бывшего генерал-губернатора Варшавы), любителя театра, на зиму начала составляться дирекция, а в настоящее время труппа играла на товарищеских началах. Во главе дела стоял хороший актер и человек себе на уме — Дорошенко. У него была большая семья. Вся она питалась около театра. Дочери и сыновья Дорошенко практиковались на сцене, потому то всем вновь желающим поступить на воронежскую сцену путь был загражден. Например, я не мог добиться дебюта. Даже мое предложение служить месяц бесплатно было отклонено. То же самое и с Оберской. Мужской персонал был сильнее женского. Комик Колюбакин, даровитый актер. Охотник по призванию, он врал в жизни тоже как охотник. Хлебосол, собутыльник. При нем безотлучно находился

громадный дог, который иногда даже появлялся на сцене, в особенности, когда участвовал его хозяин. Публика, зная его по Колюбакину, сочувственно встречала пса аплодисментами. Вот что про этого дога рассказывал покойный Колюбакин. В Нижнем, на ярмарке, гастролировал В. И. Живокини. Он играл в «Стряпчем под столом» свою коронную роль Жовиаля, который при выходе поет куплеты с припевом:

Наш пострел
Везде поспел:
Куплетистом и юмористом
Я прославиться успел —
И на всем собаку съел.

При последнем куплете Живокини на авансцене увидал колюбакинского дога и, желая придать еще более соли куплету, при словах «собаку съел», показал на дога, но с галереи чей то голос громко запротестовал: «ну, врешь, брат, этого не съешь, подавишься». В. И. сконфузился.

Украшением труппы был чудный актер Егор Осипович Дебуар. Он впоследствии служил в московском Малом театре под фамилией Петрова и создал много ролей. Его специальность изображать французов и немцев. Им создана роль Жоржа Дорси в «Гувернере». Лучшего я не видал. В Воронеже он особенно

был хорош в роли генерала Тюльпанова, в водевиле «Его превосходительство». По тонкости и деталям его можно сравнить с С. В. Шумским. Простак и любовник — А. М. Максимов. Он в это время был в расцвете своего таланта и считался любимцем публики. Драматические роли играл мой старый знакомый Горев-Тарасенко. Я уже поминал, что он между доморощенными трагиками был лучший. В свой бенефис он мне дал возможность показать себя перед артистами и публикой. Горев-Тарасенко поставил комедию «Не в деньгах счастье», которая наделала много шума, благодаря гениальному созданию А. Е. Мартыновым роли Боярышникова. В своей предсмертной поездке роль эту А. Е. играл в Воронеже. Горев взялся играть Боярышникова и мне предложил роль Илюши. Я с удовольствием согласился. Театр был полон, меня прекрасно приняла публика, одобрили товарищи. Но дело мое не подвинулось и ангажемента я и семья не получили. Как то при разговоре, Е. В. Оберская упомянула, что мой друг Алеша Степанов женился на М. И. Павловой и что он служат в Курске. Я предложил Оберской, которой также хотелось играть, как и мне, послать Степанову телеграмму с просьбой, чтобы он предложил антрепренеру курского театра мои и Оберской гастроли. Вскоре мы получили ответ, что

нам предлагают половину сбора, за вычетом ста рублей вечерового расхода. С радости мы выпили две бутылки шампанского. А. М. сплюнул и сказал: «Да что вы, черти, взбесились, что ли?», — и послал за третьей бутылкой. На другой день мы покинули Воронеж и покатили с Е. В. на почтовых в Курск. По приезде, остановились в лучшей гостинице Полторацкого. Отыскали Алешу с женой, они нам обрадовались. Разговорились о курском театре. Степанов прямо бухнул, что здесь сборов нет, играет известная петербургская артистка Юлия Николаевна Линская ¹, с мужем М. В. Аграмовым, и сборы от 5 рублей до 12. Играют они на тех же условиях, на каких приглашены мы, т. е. они получают половину сбора за вычетом ста рублей. «Как же это ваш антрепренер им и нам даст те же условия, а если мы будем играть вместе? Что же ему то с труппой останется?». — «А расход то?

¹ Линская, Ю. Н., умерла в 1871 г. Знаменитая комическая актриса петербургской сцены. Особенно прославилась исполнением роли Дуни в «Ночном». Об исполнении ею комических ролей мнения однако расходятся: в противность большинству хроникеров и рецензентов, Баженов в «Антракте» находил, что Линская прибегала к шаржу. Линская была замужем за миллионером Громовым, а затем за весьма известным режиссером Аграмовым. Для сценической карьеры и славы оба замужества были не плохи.

Вот он и думает, что вчетвером вам нетрудно приплатить по 25 рублей». — «Что за глупости! Отчего же ты нам не телеграфировал про ваши дела?». — «Вы об этом не просили. Что вы желали, я сделал, а телеграфировать про наши дела я не мог, да у меня и денег нет, чтобы заплатить за телеграмму». Обругал я его болваном, но горю этим не помог. Отправились знакомиться с Ю. Н. Линской и ее мужем. Они жили в нашей гостинице. Ю. Н. нас встретила словами: — «Представьте, вот попали в город. Ужасно! Ужасно!». — «Да почему такие дела?». — «Нам объяснили, что приехал новый губернатор Ден, который нагнал такого страха на чиновников, что уже трое из них лишили себя жизни. Управляющего винным откупом провёл в кандалах по городу и засадил в острог! Жителям теперь не до театра; они не выходят из церквей и Коренной пустыни: умоляют со слезами царицу небесную, чтоб она усмирила сердце начальника. Что тут прикажете делать?».

Вечером спектакль. Хорошенький, чистенький театр при дворянском собрании. Публики всего на восемь рублей. Играли «Завтрак у предводителя». Господи! Как дивно играла К. Н. Линская Каурову. Аграмов был хорош в старом предводителе. Конечно, копировал Самойлова. Потом Ю. Н. Линская сыграла

«13-й жених». Чудо! Это при 8-ми рублях сбора... На другой день решили дать именной бенефис Ю. Н. Линской: поставить в первый раз «Грозу» А. Н. Островского. Распределение ролей было следующее: Кабаниха — Ю. Н. Линская, Варвара — Оберская, Тихон — М. В. Аграмов, Кулигин — я. Катерина — М. И. Павлова, прочих исполнителей не пишу. В заключение для меня и Оберской шел водевиль «Дочь русского актера».

Репетировали двое суток, наладили и что же? Начальник еще более рассвирепел и сбору было всего только 2 рубля. В уборной Ю. Н. слышалась истерика, мы все бросились помогать, утешать, ее. Лучше всех был антрепренер (не могу вспомнить его фамилии). Он бросился перед Ю. Н. на колени, приговаривая: — «Родная, успокойтесь! Даю честное слово, что завтра я сам обегаю весь город и соберу не менее 30 рублей! Только успокойтесь». Я не выдержал, тут же обругал его. На другой день мы играли при сборе в 39 руб.! Антрепренер, молодец, сдержал слово. Ю. Н. Линская была великолепна в Кабанихе. Благодаря ее игре, вся пьеса, характеры остальных действующих, все было понятно, и Тихону не надо было говорить: «Маменька, вы ее погубили, вы!.. Вы!..» Впоследствии мне привелось видеть еще чудную исполнительницу роли Каба-

нихи. Это была А. А. Дубровина, тоже большая актриса.

Наконец, наши гастроли в Курске закончились. Ю. Н. с мужем уехали в Харьков, Е. В. Оберская в Динабург, а я с капиталом в 40 руб. надумал ехать восвояси. Посоветовавшись с моим другом Алешей, я решил ехать на Москву с троешниками, которые ехали туда за товарами. С меня до Москвы взяли 3 рубля. Дешево и хорошо: громадная телега, набитая сеном, с верхом вроде кибитки. Были попутчики и попутчицы. Ехать было хорошо и весело. Меня интересовала жизнь нашего крестьянина, занимавшегося извозом. Хорошо он тогда жил, привольно, а уж кушал, так дай бог всякому. В Москве я прожил всего два дня: успели сняться в группе: отец, мать, тетя Акулина Дмитриевна, брат Володя и я. Родителям я привез фотографию мою с женой. Глупее этой фотографии я ничего не видал. Снимались мы вскоре после свадьбы, я схватил жену за обе руки, сам лицо вытянул, — смотрите, мол, каков я! Мой брат Митя, воспитывался в межевом корпусе. Он так был увлечен моими успехами и сценой, что перестал заниматься. Со слезами просил меня, чтобы я его взял с собой и сделал актером.

Отец и мать тоже просили за него. Я его взял с уговором: если в нем есть дарование,

то пускай продолжает служить искусству, если же нет, что я решу в продолжение года, то я его привезу обратно, чтобы он продолжал ученье. Мы ехали по Нижегородской железной дороге, которая была доведена до Владимира.

Во Владимире нашелся попутчик и мы наняли на полонизных издержках тройку лошадей до Нижнего. Мой попутчик был живой Тихон Кабанов. «А я, братец, Кулигин как выехал, — так загулял». Этот молодой купчик был именно таким. Сколько я с ним, пьяным, мук принял — одному богу известно! В дороге он мне рассказывал про строгость его отца, про забитую жену, словом — историю «Грозы». На станциях скандалил, деньгами швырял. Пришлось его туго набитый ассигнациями бумажник прятать и выдавать ему понемногу или уплачивать за него. Подъезжая к Нижнему, он потребовал свой бумажник. Я отдал. Он долго считал деньги, потом уставил свои глаза на меня, долго молчал, и наконец, спрашивает: «Кто ты такой?». — «Актер». — «Ну, ну! не ври, какой ты актер». Я его стал уверять, — не верит. «Почему же ты не веришь?». — «Ну что зря толковать. Кабы ты был актер, — ты бы меня ограбил, а у меня деньги то все целы!». При прощании он мне сунул в руку три рубля. Я ему возвратил их об-

ратно. «А говоришь — актер! Какой же актер не возьмет на чай трешницы?». В Нижнем мы сели на пассажирский пароход и через три дня я с восторгом обнимал своих. В летнем театре К. Ф. Берга с слабой труппой раза два в неделю давались спектакли. Я горел нетерпением видеть игру Берга. Но прежде коротенькая биография этого в свое время кумира провинциальной публики.

К. Ф. Берг родом, как говорили, немецкий колонист Самарской или Саратовской губернии. Не знаю хорошо, где он получил воспитание и как поступил на сцену. Говорил по русски правильно, даже слишком по грамматике, как говорят поляки, старался правильно говорить по русски. Имел высокий рост, полную фигуру, большой живот, русые волосы, толстую нижнюю губу, — румяный, и с хроническим насморком. На сцене был смел, когда публика его принимала и что называется терял апломб, когда публика не принимала. Этот актер отдавал всего себя для угождения публике. С партнерами по сцене он почти неразговаривал. Его любимое место было на аван-сцене, и он все время глазами и движениями разговаривал с публикой. Темперамент и веселость у него были большие, из его ролей я считаю лучшей Кочкарева в «Женитьбе». Любил он играть роли в пьесах Островского, но играл их слабо. Его Лю-

бим Торцов, Лев Краснов, Тит Титыч и другие купеческие роли Островского были слабы. Как немец по рождению, он «сочинял» эти типы, всегда играл их ненатурально и искусственно, нарочно. Например, Любима Торцова он играл с ужасной хрипотой, утрируя при этом жесты. Словом, этот актер, несмотря на многие его достоинства, мне не нравился, учиться у него было нечему. Многие провинциальные актеры того времени, как В. И. Виноградов, Никифор Новиков, и другие на много были выше Берга. К. Ф. получал по тому времени большой гонорар.

Не могу без ужаса вспомнить о той тоске, которая меня охватила от ничегонеделанья. Мне хотелось сцены, ролей, публики. Без этого я чувствовал себя бесполезным и ничтожным. Мои нервы так расходились, что я лишился аппетита, сна и, стыдно сказать, я плакал как ребенок. В это время к нам явился известный в то время актер и странствующий антрепренер Александр Харитонович Ярославцев. Он сделал нам предложение служить 1½ месяца в г. Камышине. Можете представить, как я обрадовался. Я не помню его условий, но мне кажется, если б он предложил мне службу бесплатно, то я согласился бы с удовольствием.

Прежде чем буду описывать отъезд наш в Камышин, позволю себе познакомить с лич-

ностью А. Х. Ярославцева. Такие люди попадаются только в России. Не помню настоящей фамилии А. Х., но знаю наверное, что он сын ярославского купца, крупного торговца москательными товарами. С юношеских лет А. Х. пристрастился к театру; что с ним ни делал его отец, чтобы отучить сына от пагубной, по его мнению, страсти к театру и сделать купцом, — ничего не помогало. Саша и днем и ночью пропадал в театре и за кулисами. Актеры были его друзьями. Одеть костюм чорта или с намазанной рожей выйти на сцену для Саши составляло торжество. Угощать и оказывать помощь актеру для Саши была радость.

Так шли годы. Старик отец умер и Саша оказался единственным наследником крупного состояния. Он не изменил театру, делается в Твери и других городах антрепренером и играет сам. Антрепризу он вел широко, богато, у него были хорошие труппы, обстановки. Торговля москательными товарами прекращается. Его непрактичность и равнодушные публики недолго позволили А. Х. вести дело так, как желала его русская широкая натура. В три года его состояние испарилось. А. Х. переходит на средние дела, — опять неудачи! Спускается в уездные города, но чем дальше в лес, тем больше дров. Как истинный жрец искусства, он и тут не унывает: несмотря

на большое семейство, он борется со всеми неудачами и не оставляет своего любимого дела. Где только ни устраивал А. Х. театров: на маленьких ярмарках, в селах, деревнях. Он строил большие театры, балаганы из теса и лубков, парусинные. Когда подросли его дети, они были участниками в его спектаклях. Сколько труда, хлопот, сил, положил этот труженик на театр! Не подумайте, что тут была мысль о наживе. Нет, у него был страсть и любовь к театру. Как он хлопотал, чтобы публике было удобно в его балаганах и чтобы было что посмотреть! Умел же он и ладить с публикой, в особенности с администрацией. Благодаря его ловкости, ему без гроша денег всегда удавалось устроить какое либо здание для театра или выстроить его заново. В последнее мое свидание с ним в Царицыне, в 1874 г., он ухитрился устроить театр в полицейском управлении! Несколько раз ему счастье улыбалось, и чуть повезет — он опять начинает вести дело на широких началах. Кончалось, разумеется, опять неудачей.

Мы с женой приняли приглашение А. Х. в Камышин. Моя теща А. Ф. не могла расстаться со своим любимцем внуком и осталась в Саратове. На зиму я с семьей получили приглашение от И. Е. Новикова с 15-го августа в Астрахань, на прежних условиях. Конечно, мы с радостью согласились. Я пи-

сал И. Е., что я и К. И. согласны служить с 15-го августа, а жена и теща, в виду интересного положения первой, могут служить только с двадцатых чисел октября. Новиков согласился. Решили, что К. И. для приискания квартиры поедет в Астрахань в конце июля. А мы с женой отправились в Камышин, где наняли скромную квартиру. Театр А. Х. устроил за городом, в артиллерийском лагере. Театр был устроен в сарае. Маленькая сценка, зрительный зал без настилки пола, на песке. Сзади на столбах была устроена галлерея. Ярославцев напал на начальника бригады, генерала Загорянского, любителя театра, который приказал солдатам устроить в лагере театр, под наблюдением А. Х. Нашлись любители-офицеры, которые написали четыре перемены декораций: особенно поражала передняя занавесь, имеющая вид лагеря. Генерал Загорянский был добродушнейший из людей, — тип старого русского генерала со всеми достоинствами и недостатками. Наружность имел вполне генеральскую: полный, смуглый, с усами, с трехэтажным подбородком, говорил всем «ты». Офицеры приняли нас радушно, предложили столоваться у них в лагере. Мы открыли спектакли. Труппа была маленькая, но сносная. Репертуар состоял из одноактных комедий и водевилей. Оркестр из солдатиков. Офицеры при помощи солдат укра-

сили сарай венками из дуба и национальными флагами.

Конечно, без генерала спектакль не начинался, а при его входе музыканты играли марш. По окончании действия раздавался гром рукоплесканий. Генерал держал руки перед грудью, в белых перчатках, первый подавал знак одобрения и в это время грозно смотрел на галерею, на которой сидели и стояли солдатики. При его взгляде они, заранее вымуштрованные, начинали неистово аплодировать. Про офицеров и говорить нечего.

Генерал и офицеры действительно нас полюбили, и чего только ни устраивали для нашего удовольствия!

Все шло прекрасно, сборы были хорошие, Ярославцев блаженствовал, как вдруг возгорелась страшная война между генералом и местным городничим. Надо вам сказать, что хотя театр был в лагере и мы подчинялись и зависели от нашего генерала, но самый лагерь был на городской земле и требовались подписи афиш и наряд полиции, так как в лагерьный театр допускалась и городская публика. Городничий потребовал от Ярославцева себе и своему семейству места в первом ряду кресел. Когда генерал узнал об этом, то объявил Ярославцеву, что он с подобной свиньей не желает сидеть в одном ряду и вообще городничему в его театре

делать нечего, полицейского наряда он не призывает и более не допустит, у него порядок и благопристойность в театре охраняется солдатами.

Бедный Ярославцев очутился между двух огней. «Ваше превосходительство, если я ему не отведу в первом ряду места, — он грозит не подписывать афиш». — «Чорт с ним, пускай не подписывает, я буду подписывать, я хозяин в моем лагере!». — «Ваше превосходительство, с вашей подписью типография не отпечатает афиш». — «Чорт с ним, не надо, мы пустим писанные афиши, у меня писаря мигом напишут». — «Ваше превосходительство, их нельзя расклеивать по городу!». — «И не надо, мои солдаты в конвертах будут разносить афиши по известным лицам, — словом, чтоб городничего и полиции в моем театре не было. Не желаю!!». Генерал настоял на своем, полиции в театре не было, афиши писались. Городничий как то явился в театр, как зритель, кажется, даже купил билет. В антракте зашел ко мне в уборную, покурить. Неожиданно явился ко мне генерал. Увидев городничего, он побагровел: «Как вы смели явиться сюда без моего разрешения!». — «Ваше превосходительство, я как зритель». — «Все равно, я не желаю вас видеть, уходите сию минуту, если не желаете иметь неприятностей». — «Извольте, ваше превосходительство, я уйду,

только воля ваша, это веделикатно и незаконпо». — «Я тебе покажу заков! Вон!». Не правда ли, какое единение властей? Так мы благодумствовали в камышинском лагере, находясь под военной охраной. А. Х. отыскивал себе на зиму театр, часто отлучался и поручал мне ведение дела. Я с генералом ладил. Все шло хорошо. По возвращении из села Бекова, где Ярославцев устраивал театр, он мне сказал, что ему необходимы деньги. Он задумал в лагере устроить военный праздник, со всевозможными развлечениями. В театре даны будут два спектакля и лотерея, в которой разыгрывается три выигрыша серьезных, как то: серебряный самовар, корова и сани, и три смешных. «Какие же это смешные?» заинтересовался я. — «Ну, батенька, это секрет».

Вообще А. Х. рассчитывал сорвать большой куш, благодаря своей выдумке, только бы генерал разрешил и позволил, чтоб афиша была подписана городничим и расклеена по городу. Для этого он просил моего содействия у генерала. Я обещал. Действительно, генерал, будучи в веселом расположении, всю затею разрешил. Настал день этого торжественного праздника. Публики действительно явилось много, чуть ли не весь Камышин собрался в лагерь. Главная приманка была, конечно, корова. После нашего второго спектакля началась лотерея. А. Х. торжественно

предложил его превосходительству первому попытать счастье и вынуть билет. Генерал со своей свитой подошел и спрашивает Ярославцева: «Тут в вазе находятся серьезные выигрыши или веселые?».— «Я перемешал их: тут все вместе и веселые и серьезные». — «Ну, господи, благослови!» — произнес шутя генерал, запустив руку в вазу.

Надев пенснэ, он стал читать билет. Вдруг, видим, он побледнел — ему достался веселый: на бумажке написано было: «Дурак!». Скрыть этого было нельзя, потому что свита генерала была возле него, прочла этот веселый выигрыш — многие не удержались и фыркнули. Что тут произошло, описать нельзя. Генерал не воздержался, расสวิрепел, стал ругать непристойными словами Ярославцева, тот, давай бог ноги, скрылся. Право, не могу сказать, чем кончилась эта лотерея. Корову то, говорят, после видели во дворе городничего, который торжествовал над своим врагом — генералом. Без Ярославцева я кое как составил еще два спектакля, генерал на них не был, и сборы были слабые. Я проводил жену в Саратов, и на другой день уехал в Астрахань с братом Дмитрием.

При моем выходе, 15-го августа, устроили мне овацию. В труппе перемен против прошлого сезона не было, и я явился на сцену как домой.

В первых числах октября меня поздравили с третьим сыном, Михаилом, а в конце октября моя семья приехала в Астрахань, но без Михаила, который скончался на пароходе близ Царицына. В Царицыне его и похоронили. Так мне и не пришлось увидеть сына.

По приезде семьи, мы опять зажили припеваючи. Работы, т. е. новых ролей, было много. Пьесы попрежнему шли хорошо. Знакомства хоть отбавляй, публикой мы были попрежнему любимы. Все наши бенефисы были переполнены. На втором моем бенефисе я имел счастье получить первый подарок от публики: мне был поднесен чайный серебряный сервиз. Много было радости. Мой братишка Дмитрий был принят И. Е. в число актеров с окладом 15 рублей в месяц. Он оказался способным, начал играть вторых любовников, под псевдонимом Озеров. Так весело, без неприятностей, прошел зимний сезон. В конце сезона наш милый И. Е. Новиков стал прихварывать, а на второй неделе поста он неожиданно скончался. Царство ему небесное! Хороший, незлобивый честный был старик!

После смерти И. Е. астраханскую антрепризу взял на себя его старший сын, Петр Иванович Новиков. Он тотчас же сделал предложение нам остаться у него в труппе еще на год, при чем предложил сам увеличить

наши оклады, в особенности мой. Мы согласились. Степановы и Никифор Новиков получили ангажемент в Новочеркасск и решили принять его. С первым пароходом они уехали. В труппе чувствовался большой пробел, заменить таких талантливых артистов было трудно. Не стало старика, и семья пошла врозь. П. И. Новиков пригласил на службу двух моих старых товарищей — Николая Браво и В. А. Виноградского. Браво сделался очень недурным актером на роли простаков и хорошим рассказчиком вроде И. Ф. Горбунова. Что касается В. А. Виноградского, то он всегда был даровитым актером.

После пасхи к нам явился московский гость, Корнелий Николаевич Полтавцев. Мы все радушно встретили дорогого гостя, — можно сказать, — брата тогдашнего провинциального актера. Кто не знал радушия и хлеба-соли Корнелия Полтавцева! К. Н. пожелал дебютировать в «Гамлете». Мы все выучили наши роли твердо, и вообще отнеслись с полным уважением к Шекспиру и Корнелию, и Полтавцев был очень доволен, но на спектакле расстроился от непредвиденного случая. Я уже писал, что сцена в углевском театре была плоховата. У переднего портала за кулисами с обеих сторон были люки для спуска под сцену. Для Гамлета они были открыты (они не были ого-

рожены решеткой). Актер, изображавший тень, стал медленно удаляться от Гамлета в первую кулису, Гамлет следовал за ним. Вдруг тень, двигаясь спиной, натывается на люк, проваливается в него и начинает с испуга, а может и от боли, орать: «Батюшки! Погибаю!». Гамлет говорит: «Он вновь зовет, — иди, я следую», и тоже попадет в капкан, т. е. в люк. И вот тень с сыном начинают ругаться совсем не по Шекспиру. Мало этого: в конце того же акта, когда тень из под земли произносит: «Клянитесь», а Гамлет дает наставление Горацио и Марцелло, как они должны вести себя при дворе, Полтавцев начинает постепенно отступать и вновь попадает в западню, с другой стороны сцены — люк. Тут уж трагик совсем взбеленился, слышно было на весь театр: «Ах! подлецы, ах! варвары! Да что, вы меня убить, что ли, хотите. Подайте мне этого мерзавца, который мне устроил западню!». В публике хохот. Извольте после этого настроить публику на трагедию.

По окончании гастролей К. Н., вся наша труппа решила чествовать гостя пикником, он с удовольствием принял наше приглашение. Затеяли мы пикник торжественный, с оркестром. Напята были несколько разукрашенных флагами лодок. Гребцы все были одеты в матросские костюмы. Не помню названия

острова, куда заранее были отправлены люди и провиант. Когда кутившая братия стала переходить после панибратства на придирчивость, на воспоминания, а наш новый антрепренер П. И. Новиков выпил не одну чару зелена вина, и по обыкновению стал придираться, схватился сначала со мной, вызывал на ссору, говорил, что я должен помнить, что он теперь антрепренер, а я ни больше, ни меньше как его актер, с которым он что захочет, то и сделает, что я обязан его уважать и держаться от него в почтительной дистанции. Я сначала отшучивался, но когда увидел, что он желает вызвать меня непременно на скандал, то ему ответил: «Знай, П. И., говорю тебе серьезно, с завтрашнего дня, я и моя семья, в твоей труппе больше не состоим. Служить в труппе у антрепренера с подобными воззрениями я не могу». Он мне ответил: «Очень нужно. Много у меня найдется и получше тебя!». — «И дай бог найти», ответил я и отошел от него. Разговор наш был один - на - один. Больше П. И. ко мне не приставал. Чем больше пили, тем больше разгорались страсти, начался такой общий разговор, что понять его было невозможно, но все шло в бранчливом тоне. Почтенный наш гость тоже нагрузил.

Наступил вечер. Жены по обыкновению уговаривали мужей ехать домой, те не согла-

шались, наконец, кое как рассадили молодцов по лодкам. Почтенного гостя, полного, красивого, в красной шелковой рубашке, тоже еле еле втащили в лодку, в нее же сел и я. Не помню, кто еще сидел в этой лодке, но помню очень хорошо, что я и Николай Браво сидели рядом с К. Н. Полтавцевым, которого клонило ко сну и мы его поддерживали. Визави с нами сидел В. А. Виноградский: у него была большая чаша с красным вином. Он был виночерпием и из ковша утолял жаждущих. В подобной обстановке мы плыли ночью по матушке Волге. Остальные лодки плыли в отдалении от нас, а некоторые мы совсем потеряли из виду. Прислуга, гребцы и другие «набрались» угара не хуже нас. Пробовали петь, не выходило; затягивали «Вниз по матушке по Волге», пробовали из «Аскольдовой могилы»: «Гой ты, Днепр ли мой широкий» и «Ну те, братцы, поскорей» — выходило разногласие. Так и бросили. Когда одни задремали, другие осовели, между Браво и Виноградским завязался разговор. Начал Браво: «Виноградский, а ты, чай, помнишь здесь своего хозяина?». — «Какого хозяина?». — «Ну, какого! Вот этого» (показывает руками, как портные шьют). Ходил слух, что почтенный Виноградский в молодости учился портняжному мастерству. Дальше — больше, Виноградский с ругательным словом всю

чашу с красным вином, которую держал в руках, выплеснул на Браво, но красный напиток вместо Браво, попадает в лицо нашего дорогого гостя К. Н. Последний со словами: «нет, это разбойники! Это чорт знает что такое!» пытается схватить Браво за волосы, но не может, потому что тот коротко острижен. Тогда трагик встал со скамьи и давай тузить всех направо и налево, кто только ему попался под руку. Начался крик, стоны, брань; лодка того и гляди перевернется. Я закричал, чтобы нас спасали, человека два упало в воду. Не знаю, каким чудом мы очутились у берега верстах в 10-ти от Астрахани. Кое как мы пешком добрались до города. Вот вам и торжественный пикник!

На другой день у меня была назначена репетиция. Проснувшись, я вспомнил сцену, которая произошла у меня с Петром Новиковым. Рассказал про нее жене и теще. Они ответили: «как хочешь, так и делай». Пока мы советовались, Петр Иванович Новиков приехал ко мне с извинением. Я сказал, что извиняться нечего; я хорошо понимаю, что он говорил это спьяна, но, «друг мой! — добавил я — верю пословице, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке, а потому лучше дружески расстанемся». Приезжали Екатерина Петровна, мать П. И. и его тесть

Евграф Николаевич Лесников уговаривать нас. Все было напрасно. Я решил уехать. У нас не было денег, но мы заняли 150 рублей, и через двое суток после пресловутого пикника плыли на Самолете в наш Саратов, где зимний и летний театры снял вятский помещик, бывший исправник и, как он себя называл, лесопромышленник Егор Николаевич Аверкович.

САРАТОВСКАЯ АНТРЕПРИЗА ЕГОРА НИКОЛАЕВИЧА АВЕРКОВИЧА. ПЕНЗЕНСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО

1862—1863 гг.

Служа в Астрахани, я собрал от знакомых подробные сведения о саратовском театре. Прошлый сезон у Глазенапа был неудачен: распорядитель К. Ф. Берг не оправдал его доверия. Хотя в труппе были талантливые исполнители, но Берг не умел распорядиться силами, ставя себя выше всех, а остальных игнорируя. Имея не в меру горячий характер, он беспрестанно кричал, обращаясь к труппе со словами: «Богадельщина! Я один всю труппу кормлю!». При таком отношении главы труппы, дело, конечно, не могло идти дружно, труппа потеряла апломб, что отразилось на общем исполнении, сборы упали, и А. Р. Глазенап понес большой дефицит. По окончании сезона, он отказался от дальнейшего содержания театра. Претендентом на антрепризу театра явилась новая личность для Саратова и для актерства,

Егор Николаевич Аверкович. Он был дворянин, представился богачом, лесопромышленником, — и обворожил все общество своим видом, добродушием и обещанием сформировать лучшую труппу в провинции. Правление пайщиков театра, во главе с губернским предводителем дворянства, князем В. А. Щербатовым, не задумалось сдать ему театр на пять лет на самых льготных условиях, предоставляя ему все доходные статьи и не беря аренды. Со своей стороны Аверкович только обязался страховать здание театра в 50 тысяч на свой счет. Кроме того, он заарендовал у Шехтеля на пять лет летний театр и сад. Сняв театры, Аверкович пригласил всех артистов, служивших в труппе А. Р. Глазенапа. Мои знакомые театралы говорили ему про меня и мое семейство, на что он с любезностью им отвечал: «Конечно, они необходимы-с! Очень рад с!». Знакомые писали мне об этом в Астрахань. Вот с этой то надеждой мы приехали в Саратов. По приезде, сделав визиты знакомым, я поехал и к Аверковичу.

Меня приняли. Не успел я снять пальто, как в переднюю вбежал небольшого роста коренастый человек с необычайно приятным румяным лицом, с небольшими рябинами, с проседью, большой бородой и громадной лысиной. Он улыбался, трясая мои руки, и

приговаривал: «Наконец то я вас вижу-с, Петр Михайлович. Добро пожаловать-с! душевно рад-с, чем прикажете потчевать-с?». Я был удивлен его любезностью. Да, по правде сказать, мы редко видали со стороны наших антрепренеров и директоров такое галантерейное обращение. Не ожидая моего предложения, Е. Н. первый сказал, что он будет счастлив видеть нас в его труппе и потом начал сыпать комплименты без конца. Е. Н. предложил нам троим службу на лето и зиму до великого поста с окладом 300 рублей в месяц и четыре полубенефиса. Я согласился. Затем я упомянул про брата Митю. Е. Н. и ему назначил 25 руб. в месяц. Мы дружески расцеловались и этим поцелуем скрепили наш словесный контракт. Аверкович произвел на меня отрадное впечатление. Едучи домой, я думал: «Вот настоящий антрепренер! Эта не чета палачу Иванову или Смирнову, да много лучше и дирекции. Какая широта! Какое знание актера! И при всем этом обходительное обращение. Видно сразу, что это—не сквалыга, а человек, всем своим существом преданный театру».

Я сообщил семье о моем визите Аверковичу, о сделанном им предложении и о моем восторге от его приема. Как я жестоко ошибся! Последующее показало, что Аверкович занялся антрепризой для аферы и лю-

бовных походов, думая, что таким путем можно завоевать положение в обществе и пожить весело.

При освобождении крестьян, многие из дворян, у которых не было средств, брались за торговлю, подряды и другие предприятия, все кончалось, большею частью, неудачами. Только одна государственная служба их обеспечивала: матушка-казна на все их прегрешения по службе смотрела сквозь пальцы.

Аверкович был истый дворянин своего отчества. Любил, что называется, пожить во всю: был хлебосол, картежник и любитель прекрасного пола. Имение, которое он унаследовал от родителей, давно им было разорено и за невзнос процентов пропало в опекуновском совете. Он не растерялся, помня пословицу, что «ласковый теленок двух маток сосет». Он добился того, что в одном из уездов Костромской губернии дворянство выбрало его исправником. Значит, жив курилка? Он опять зажил широко. Средства давало теплое место. К тому же он не церемонился, брал с живого и мертвого, брал так сильно, что хватил через край. Обыватели, хотя и привыкли к подобным поборам, но тут не стерпели, застонали и принесли жалобу. Это бы все ничего, но открылась какая то уголовщина по любовным делам. Начальство вы-

нуждено было уволить столь любезного и веселого исправника.

Курилка призадумался, — средств никаких, крах полный. В это время у него была любовная связь с одной дамой, любительницей драматического искусства. Она бредила сценой и во что бы то ни стало ждала сделаться актрисой. Дама посоветовала Аверковичу взять антрепризу саратовского театра. Он ухватился за эту мысль и «с ловкостью почти военного человека» явился в Саратов, выдал себя за богача и вообще наврал больше, чем сам Хлестаков. Добродушные люди ему поверили, сдали театр и открыли кредит. Актеры, в восторге от его ласкового обращения, тоже в него уверовали, — и опять «жив курилка!». У Е. Н. явилась шикарная квартира, обстановка, прекрасный выезд, повара, лакеи, карты и гарем. Чего ж еще надо? Буфеты в театрах он держал сам и, надо дать ему похвальный лист, обставил их прекрасно. Мне кажется, это было его настоящее назначение. Какое уменье сойтись с публикой! Его ласковое обхождение и находчивость были удивительны. Сборы в театре полные, торговля в буфете днем и ночью громадная, — а денег не было. Куда он их тратил? В довершение всего, труппе жалованье не выдавалось. Прошел месяц, другой, а мы не получили ни копейки. Зато

антрепренер всех нас угощал. Ах, как он радушно угощал завтраками во время репетиций и ужинами по окончании спектакля!

Впоследствии выяснилось, что ему выгоднее было нас угощать, чем платить жалованье, потому что за первое он никому из поставщиков не заплатил. У нас лично были средства, мы не нуждались, но многие в труппе закладывали вещи, чтобы выручить на пропитание. Нам, артистам, было известно беспокоить такого деликатного господина. Все мялись и молчали. Бывало, после домашнего точения наберешься храброго духа, чтобы твердо потребовать свое жалованье, быстро идешь к Аверковичу, а он точно чутьем угадывая, что к нему идут за деньгами, бежит к тебе навстречу с радостной рожей, обнимает, целует и приговаривает: «Голубчик! родной! Петр Михайлович! Пожалуйста, вас все ждут, без вас кусок в горло не идет - с. Растегайчики - с, пожалуйста-с! Садитесь!..».

Смотрю, за столом действительно сидят чуть не все товарищи, которые тоже пришли за жалованьем. Ну, что вы тут поделаете! Человек слаб; аромат растегаев и солянок невольно отвлекал от делового разговора. Когда же становилось совсем невтерпеж и мы отказывались от солянок и требовали деньги, то отказа не получали. Напротив,

наш ласковый антрепренер со слезами нам говорил: «Если б вы знали, как мне совестно перед труппой. Голубчики, родные вы мои, потерпите немного, через неделю из Вятки приплывут плоты с лесом, которые я уже запродал, и по прибытии леса я получу сорок тысяч. Сейчас же с вами расплачусь». При этом он вынимает записную книжку и просит всех сказать, не нужно ли кому авансов, что он с удовольствием выдаст. Дело оканчивается опять соляжкой и целованием с милым Егором Николаевичем. Проходили недели, а плоты с лесом не приплывали.

Что сказать о труппе? Дарования в ней были, но не было режиссера. Аверкович пребывал постоянно в буфете, на сцену не показывался, да вряд ли бывал и в зрительном зале, хотя после каждого спектакля ахал и всех хвалил. Репертуар составлялся неизвестно кем, кажется, гаремом. Пьесы шли неважно. После пасхи мы начали спектакли в зимнем театре, из Астрахани на пять гастролей приезжал К. Н. Полтавцев с братом Евгением.

С первого мая мы перешли в летний театр. На гастроли приезжал В. И. Живокини, играл два спектакля, сделал большие сборы и имел успех. К концу мая приехал Берг. Мне пришлось играть с ним. Особенно удачно шла «Женитьба». Принимали

нас хорошо. Берга труппа не любила за его высокомерие. Все сговорились с ним школьничать. Он был мнительного характера. На сцене жил приемом публики. Аплодируют, вызывают его — он играет вовсю. Нет приема — он теряется. По окончании акта он всегда подбегал к занавесу и наставлял ухо, чтобы слышать, вызывают его или нет. Беда, если нет, — начинает ругаться: «Ах! саратовщина! Не даром Грибоедов тебя заклеил на все века! Возьму да и выброшу тебя за Волгу в Покровское!». Вот какой сильный был человек! Если же раздаются громы аплодисментов, то он с гордостью сам кричал распорядителю занавеса: «давай!», усердно и чувствительно раскланивался с публикой. На уходы у него всегда были приготовлены коленца. Вот за все это его не долюбливали товарищи. С ним сухо здоровались и прощались, кратко отвечали на его вопросы, а главное, собирались кружками, нарочно шептались между собой какойнибудь вздор, при чем глазами показывали на Берга. Когда он подходил и спрашивал: «что такое? о чем вы шепчетесь?» — ктонибудь нехотя отвечал: «ничего особенного», и в это время перемигивался глазами с другими. При мнительности Берга, его это изводило. Он не выдерживал, ругался, кричал, что мы заговорщики, вероятно, покушаемся на его жизнь.

Что вы думаете? Эти глупости так на него подействовали, что через месяц он отказался от службы и уехал.

Летом у нас стряслась большая беда. В конце июля, во время спектакля, мы увидели в городе огромное зарево пожара. Сказали, что горит зимний театр. Я отправился на пожарище, здание догорало, театральная площадь была наполнена публикой, вся администрация города налицо. Нашему антрепренеру к голове прикладывали лед, он был как бы в бесчувственном состоянии, князь Щербатов говорит ему: «Что же вы так убиваетесь! Ведь театр застрахован, а на 50 тысяч мы вам через два месяца новый выстроим. Да скажите, театр то застрахован?». — «Ох! Ох! Ваше сиятельство. Застрахован, да денег то не выдадут!». — «Как не выдадут, если он застрахован? Что вы говорите»... А Аверкович то угадал: денег действительно не выдали. Да нельзя было и выдать, так как он театра не застраховал.

Положение труппы было некрасивое: прослужив слишком три с половиной месяца, мы ничего не получили. К тому же зимний сезон приближался и мы рисковали остаться без мест. Дня через два после пожара театра, мы увидели наше светило — Егора Николаевича. Он был чист, как стеклышко, весел, благодушен, попрежнему начал нас уверять, чтобы

мы не беспокоились, театр будет, деньги он заплатит, что он по рассеянности не застраховал театра и дал подписку управлению акционеров, что через три месяца уплатит им 50 тысяч, что он послал управляющим распоряжение и доверенности на продажу нескольких лесных участков в его вятских имениях, на сумму ста двадцати тысяч и что через месяц у него будут деньги. Я ему говорю: «Егор Николаевич, что же мы будем делать без театра зимой? Где мы будем играть?». — «Найдем-с временное помещение, будем искать-с, помогите Петр Михайлович, вы-с Саратов знаете-с». Я согласился.

В это время генерал Унковский, недалеко от Соборной площади (не помню названия улицы) выстроил большой каменный дом, не знаю, почему он его не отделявал, и здание года два стояло как склад кирпича, лишь покрытое крышей. Я указал Аверковичу на него. Мы осмотрели постройку, Аверкович пришел в восторг. Действительно, дом очень подходил для устройства большого театра. Аверкович кричит: «Я покупаю-с этот дом, где живет хозяин?». По справкам оказалось, что генерал живет в своем имении, в Петровском уезде. Аверкович так разгорелся, что начал меня упрашивать завтра же ехать с ним к Унковскому: «Вы его знаете, представьте меня-с. Ради бога, помогите-с!».

Делать было нечего, для общего блага я согласился ехать к Унковскому.

На другой день, утром, мы на почтовых поехали в Петровский уезд, верст 130 от Саратова. В дороге я предупреждал Аверковича, что Унковский практик и если и продаст дом, то потребует наличных. Мой Егор Николаевич уверенно отвечает: «Дадим-с! Что вы думаете, у меня денег нет? Есть, милейший Петр Михайлович, деньги есть, не беспокойтесь». Приехали в имение к генералу, нас попросили в кабинет генерала. Он нас встретил честь честью. Я отрекомендовал моего принципала и объяснил генералу о нашем несчастии. — «Слышал, батюшка, слышал», — говорит он. Наконец, я объясняю генералу цель приезда. — «Ах, батюшка! Да с удовольствием, избавьте меня от этого кирпичного склада! Сам не знаю, зачем построил такую орясину».

Мы расцвели. Аверкович разошелся, и на вопросы генерала, где его имение, начал такое вранье, что я за него краснел.

В конце концов, сделали подход к генералу относительно цены дома: «Да погодите, это так неожиданно... Милости прошу у меня пообедать. После поговорим пообстоятельнее. Покорнейше прошу хлеба-соли откусывать...» Генерал ввел нас в гостиную, в которой, кроме многочисленного семейства

его, находилось человек шесть гостей, соседей-помещиков. Генерал нас всем представил. Вскоре пригласили в огромную столовую, за обедом беседа шла о театре, все сожалели о пожаре. В середине обеда генерал обратился к Аверковичу: «Да, кстати, скажите, ведь вам известно, что театр построен на акциях? Что же здание было застраховано? И кто страхователь?». — «Я-с», — с смущением произнес Аверкович, — «только знаете-с, я по рассеянности позабыл его застраховать». — «Да, вы страдаете рассеянностью... так, так. А кто же заплатит по акциям акционерам?» — медленно произнес генерал. — «Я-с». — «Вы?! Вот, батюшка, спасибо вам! Я думал, что мои деньги пропали, у меня акций этих на девять тысяч. Семен Яковлевич, у вас тоже есть, и у вас есть, Николай Михайлович?». — «Как же, как же», — отвечали те, — «у меня на шесть тысяч, а у меня на четыре тысячи». — «Когда же, батюшка, думаете уплатить нам?». — Аверкович совсем растерялся, начал говорить о своих лесах. Я по лицам заметил, что ему ни хозяин и никто из гостей не верит. Разговор с нами прекратили и говорили о своих делах. Положение наше было неловкое, я считал секунды, когда окончится обед. По окончании обеда Аверкович напустил на себя смелости и с нахальством обратился к генералу: «Как же, ваше превосходительство, ка-

кая же цена будет дому?». — «А вот если вы не забудете по рассеянности уплатить нам деньги по акциям, тогда и цену узнаете, а теперь честь имею кланяться». При этом генерал круто повернулся от Аверковича и обратился ко мне: «Петр Михайлович, на два слова! Что это вы, батюшка! кого вы ко мне привезли? Вам я всегда рад. Милости просим погостить ко мне, а уж от этих господ избавьте!».

На обратном пути мы ехали молча. Мой Аверкович походил на пуделя, которого ошпарили на кухне. На последней станции он тяжело вздыхал и охал. «Нет! без денег действительно трудно, невозможно такое дело начать, — бормотал он. — Надо ехать в Вятку и лично продавать лес. Это будет скоро и верно!» — произнес он уже вслух. Затем он начал мне развивать свои мысли насчет поездки. На другой день Аверкович неожиданно уехал, не простившись ни с кем. С тех пор мы его более не видали. Долгов он наделал в Саратове много, больше чем на его голове было волос. Никого не обидел, у всех забрал и никому не отдал. Его гарем тоже скрылся. Для нас это был новый антрепренер, продукт новой эры. Он был первый новатор бегунов-антрепренеров. Впоследствии Аверковичи умножились: мне кажется, актеры, спасаясь от подобных

аферистов, невольно делались сами антрепренерами.

Мы продолжали играть, сборы пали. Наступил сентябрь, начались холода, мокрота, и мы прекратили спектакли. Труппа была в отчаянном положении; у семейных актеров началась голодовка. Мне пришла в голову мысль помочь общему несчастью. Под секретом я доверил мой план моему другу Климовскому. Проект заключался в следующем: снять на зиму театр в Пензе, образовывать из оставшейся труппы товарищество (это было первое актерское товарищество), и горе и радость делить пополам. Моя мысль понравилась Климовскому и он за себя и жену дал слово участвовать. «Но где достать денег, чтобы начать дело?» — спросил Климовский. Я ответил — будем действовать энергично, а там бог поможет. Для начала я просил Климовского съездить со мною в Пензу, чтобы арендовать театр. На расходы я заложил за 50 рублей мой астраханский подарок.

На третий день после нашего совещания мы с Климовским выехали в Пензу, сказавши домашним, что мы едем погостить на неделю в имение к Унковскому. Всю дорогу от Саратова до Пензы я мечтал о товариществе и все более и более укреплялся в этой мысли. Действительно, правда, если человек захочет

чтонибудь сделать и энергично примется за это дело, отдаст ему всего себя, все помыслы души — то кажущееся невозможным всегда удастся. В таком настроении я приехал в Пензу. Мы явились в город, в котором не имели ни одной души знакомых и нас никто не знал. Мы не заручились даже рекомендацией. Остановились в лучшей гостинице Варенцова.

На наше счастье попался словоохотливый коридорный, видимо страдавший страстью все знать, но просто сказать, из любопытных. После многих вопросов, которые он нам сделал — «кто мы? откуда? зачем?» — я ему откровенно сказал, зачем мы приехали. Узнав, что мы актеры, он совсем растаял: оказался любителем театра.

Я в свою очередь закидал его вопросами: «Кто хозяин театра? есть ли труппа? кто воротила города? любят ли ходить в театр?». На все мои вопросы я получил от коридорного подробные ответы. Театр свободен, принадлежит большому барину, всеми уважаемому Ивану Николаевичу Горсткому. Подъехали к одноэтажному каменному дому. Встретившему нас лакею я назвал наши фамилии, с прибавкою, что мы актеры из Саратова и желаем представиться. Лакей вернулся с приглашением:

— Пожалуйста, барин просит в кабинет.

Пришлось по лестнице спускаться вниз. Мы очутились в большом богатом кабинете, убранном во вкусе двадцатых годов прошлого столетия. Как теперь помню: за большим письменным столом сидел высокого роста, сутуловатый, худощавый, седой как лунь, старик; он имел высокий лоб, продолговатое морщинистое лицо, орлиный нос, черные глаза и брови, глаза, в которые нельзя смотреть, так они пронизывали тебя, так много было в них электричества, тонкие губы и в общем очень умное выражение лица. Это был декабрист Иван Николаевич Гореткин. Когда мы вошли, он привстал и произнес: «Добро пожаловать, прошу садиться. Чем могу быть полезным?».

С полной откровенностью я высказал наше положение: пожар саратовского театра, побег антрепренера, положение труппы, и просил его, как театрала и владельца театра, оказать нам содействие.

— А деньги у вас есть?

— Нет!

— У меня тоже нет. Библиотека есть?

Я, смеясь, ответил, что в нашей библиотеке имеются только два излюбленные мною водевиля: «Чудак покойник» и «Маскарад в летнем клубе».

Немного усмехнувшись, И. Н. ответил:

«Ну, у меня кой что найдется. Костюмов у вас тоже нет, вообще у вас театрального

имущества никакого, а у меня хоть понемногу, а есть... Любопытные вы люди! Так у вас ни денег, ни имущества? Ну, а талантливые сюжеты есть?

— Есть, Иван Николаевич, есть!

— Ну, коли есть таланты, будут и таланы! Надо вас устроить, вы интересны, — сказал И. Н. — Пойдемте, я вам покажу мой театр, он тут, при доме.

Поднимаясь по лестнице, мы направлялись к театру.

— Как это странно, — сказал Климовский. — С улицы ваш дом одноэтажный, а ваше помещение внизу, и как обширно, хорошо устроено.

— Я, батюшка, люблю закапываться в землю, под моим помещением я еще устраиваю жилье. Вот посмотрите, постройка началась. У меня страсть к постройкам.

Наконец мы добрались до театра: он в соединении с домом выходил во двор. Чистота в залах, буфете и коридорах была образцовая. Самый зал театра не имел вида подковы, а изображал квадрат; были ложи, бениары, бельэтажи и галлерей, восемь рядов кресел, за креслами стоял амфитеатр. Сбор на 500 рублей. Сцена на четыре плана, уборных четыре комнаты, режиссерская, небольшая гардеробная, в которой, хотя немного, но имелось несколько характерных

костюмов. Более пятисот экземпляров пьес, шесть перемен декораций. Все содержалось в чистоте и опрятности. Мы с Климовским только ахали от всего виденного.

— Что, нравится? — спросил И. Н. — Ну, очень рад, а теперь пойдете к жене, я вас представлю моему семейству.

Тут же из коридора театра мы попали в верхние апартаменты супруги Ивана Николаевича, Елизаветы (отчество забыл), урожденной Сабуровой. И. Н. нас представил супруге, их дочери, Елизавете Ивановне Литвиновой, ее мужу и своему сыну Льву Ивановичу, совсем молодому и очень красивому юноше. Супруга нас приняла так радушно, как умели в прежнее время русские аристократки принимать артистов. Через четверть часа мы вполне освоились, как будто давно бывали в этом обществе. Мой Евгений пропел несколько романсов своего сочинения и прямо очаровал слушателей. После его пения И. Н. сказал: «Ну, один талант в нашей будущей труппе я видел и слышал. Пойдете в кабинет подумать, как нам устроиться». Мы раскланялись с Е. А. Она нас просила сегодня обедать, мы поблагодарили, и, конечно, согласились. Когда мы уселись в кабинете, И. Н. сказал:

— Ну, друзья мои, я решил до великого поста отдать вам театр. Условия мои, думаю,

в вашем положении будут самые подходящие. Я вам отдам все, что вы видели, потом дам рабочих, капельдинеров, вообще всю прислугу, освещение, отопление, афиши, билеты, и за все вы будете платить мне от каждого спектакля с вырученного рубля 20 коп. Ну, конечно, моя литерная ложа остается за мной. Я полагаю, что мои условия для вас подходящие и не обидны?

Мы поблагодарили за снисходительные условия и согласились на них.

— Но вот вопрос, — начал я смущаясь, — нам необходимо по крайней мере рублей 500 денег, чтобы привезти труппу и вообще на предварительные расходы.

— Да! денег, денег! Я вам сказал, что денег у меня тоже нет.

После этого произошло долгое молчание.

— Разве вот что! попробуйте съездить к откупщику Кононову. Он порядочная личность. Попросите у него, может быть, даст.

— Но мы его не знаем, если бы вы были добры написать ему об этом.

— Нет, батюшка, мне неудобно и неловко писать ему об этом. Поезжайте завтра утром и откровенно расскажите ему, как вы мне рассказывали, про ваше положение. Право, это будет даже лучше писем.

Мы опять поблагодарили за совет.

До обеда мы простились. В церквях звонили к вечерне и я уговорил Климовского заехать в церковь помолиться. В 7 часов вечера мы были у Горстких. Нас представили Кишенским и Ладыженскому. Обед прошел весело. После обеда мой Евгений опять, по просьбе хозяйки, пел. Мой соловушко был в ударе и произвел фурор: не даром я его привез с собой. Мы простились и приехали в самом веселом расположении духа домой. Для одного дня мы много сделали, но деньги, деньги нас смущали. Что, если Кононов откажет? Но утро вечера мудренее, и мы заснули.

Утром я встал рано, разбудил Климовского. Оделись, молча выпили по стакану чая. Мы молчали, но понимали оба, что происходило в наших головах.

— Ну, Евгений! Господи благослови! Едем. Извозчик! К Кононову!

Иван Алексеевич Кононов был редкого ума человек: настоящий русак. Имел и смекалку русскую. Держал себя просто, но с достоинством, был у всех в уважении, не за то, что был миллионер, а за свой ум, сердечность, добрые дела и радушие. Он был плотный высокого роста брюнет, с прической в кружок, но с боковым пробором, с крупными, серыми глазами, с боротой клином, очень серьезным выражением лица: в глазах

отражалась вся доброта души этого человека. Одевался в длинный купеческий сюртук, брюки, заправленные в высокие купеческие сапоги, шелковая косынка и двух-бортный, черного сукна, жилет. Все это сделано у лучшего портного. Я в моей жизни только двоих знал, которые умели с достоинством носить купеческий костюм — это И. А. Кононов и Петр Ионович Губонин. Вообще, между ними было большое сходство по характеру, делам, и умению держать себя. Я часто бывал в доме И. А., знал его семейную жизнь. Какая патриархальность, какое уважение и любовь к жене и детям! Сколько сердечности и любви к ближнему! И притом ни капли чванства, — все просто, естественно.

И. А. Кононов занимал обширный каменный двух-этажный дом. В обстановке комнат не было ничего крикливого, модного: все просто, солидно, вся обстановка походила на хозяина. Мы отрекомендовались, упомянув, что мы артисты из Саратова. Он сделал движение рукой, указав нам на кресла. Мы сели.

— Ну, господа артисты, к делу! Что нужно?

— Да что, право как то неловко приступить к делу... Мы являемся к вам людьми незнакомыми, без рекомендации, но наше дело заставляет нас обратиться прямо к вашему сердцу.

— И к карману, — вставил И. А.

— Да, к несчастью, и к вашему карману.

Тут я энергично описал ему наше положение, способ выхода из него и сказал, что вся наша надежда — он. Во время моего рассказа, я видел добрые глаза и умный взгляд русака, смотрящий на меня. По окончании моей речи, Кононов, не говоря ни слова, встал, отпер бюро, отсчитал пять радужных и подал их мне. «Спасибо вам, что обратились ко мне, дело хорошее: пошли бог успеха».

Поблагодаривши, я предложил И. А. выдать расписку об уплате. «Ну, вот еще, больно нужно бумагу то марать, слава богу, вижу, с кем познакомился, а деньги эти зачтите за мою ложу».

Он крепко пожал наши руки, добавив, что будет рад нас видеть у себя.

Легко представить нашу радость. От Кононова мы поехали к И. Н. Горсткину передать ему о нашем счастье. И. Н. Горсткин посоветовал нам сделать визиты губернатору, предводителю дворянства, Александру Николаевичу и его брату Андрею Николаевичу Араповым, бывшему пензенскому губернатору, любимцу императора Николая I, грозе края Панчулидзеву, Сергею Маркелычу Заголкину, Н. Н. Кишенскому, Ладыженскому, Бекетову, П. И. Юматову, полицеймейстеру.

Визиты мы начали с губернатора Куприянова. Нам все удавалось.

В лице губернатора мой Евгений нашел своего товарища однокурсника по московскому университету. Они встретились дружески на «ты». После товарищеских излияний его превосходительство вспомнил, что он сановник, а не человек, притом его видимо коробило, что его товарищ актер, не вытерпел и сказал: «Ну, брат Евгений, извини, ты, вероятно, поймешь, что мое положение не позволяет мне с тобой при посторонних быть на ты»... Евгений с горечью ответил: «Конечно, я понимаю, я могу и один на один говорить тебе ваше превосходительство».

— Что касается театра, то, говоря откровенно, я никогда не был до него охотник и теперь редко бываю в нем. Но все, что от меня зависит, будет сделано в вашу пользу.

Явился с рапортом полицеймейстер Тимирязев. Губернатор представил нас, сказавши начальническим тоном, чтобы нам было оказано полное содействие. Мы откланялись.

Мы сделали остальные визиты. Кого заставляли дома, были приняты радушно.

В этот же день, мы переговорили с Климовским о товариществе. Климовский вечером должен был ехать в Саратов за труппой, а я остался в Пензе, чтобы нанять квартиру для общежития и приготовить театр для

спектаклей. Условия товарищества я выработал следующие: исключая оркестр и выходных актеров, которые приглашаются на определенное жалование, остальные составляют товарищество. Они должны иметь общую квартиру, обстановку, стол и все расходы для прожития. Эти расходы покрываются сборами. Их выплачивает касса. Бенефисы товарищества идут в общую кассу. По окончании сезона, если будет дивидент, то разделить его поровну между товариществом. Большинством голосов, товарищество избирает из своей среды распорядителя по художественной и хозяйственной части. Его распоряжениям подчиняются все безусловно. По окончании каждой недели, распорядитель представляет товариществу на утверждение, по большинству голосов, репертуар и отчет прихода и расхода. Эти немудрые условия Климовский должен был предложить труппе и согласных привести в Пензу: на расходы я ему вручил 300 рублей, а двести оставил себе на предварительные расходы. Мы с Евгением дружески расцеловались и он уехал. В ожидании письма от Климовского, которым он меня должен уведомить, из скольких персон будет состоять наше товарищество, я принялся за осмотр квартир и разборку театрального имущества. Познакомился с квартальным, который, не знаю почему, усердно помогал

мне указанием свободных квартир. Упоминаю о нем потому, что у нас, русских, есть особая черта, быть черезчур откровенным. Так, упомянутый квартальный, при первом знакомстве рассказал мне подробно свою биографию, про свое начальство, про всех крупных обывателей города, про духовенство и наконец даже про неверность своей жены, — черта характера весьма удивительная!..

Почти ежедневно я обедал у И. Н. Горсткина; до обеда он часто читал мне Пушкина. Его любимый конек был Фамусов. Читал он его недурно. Познакомился с хорошим семейством Вышеславцевых. Они были истые театралы. Брат старика Вышеславцева был известным антрепренером, держал многие годы театр в Нижнем-Новгороде, на антрепризе потерял состояние; имел поговорку: «убей бог мою душу!». Д. Т. Ленский изобразил его в своем известном водевиле «Лев Гурыч Синичкин», где Вышеславцев является провинциальным антрепренером под именем Петра Петровича Пустославцева, беспрестанно повторяющего поговорку Вышеславцева «убей бог мою душу!». Семья Вышеславцевых была очаровательна: от стариков, мужа и жены, пахло Гоголевскими старосветскими помещиками; два старших сына были студенты московского университета. В сезоне мы часто пользовались гостеприимством Вышеславце-

вых. Теперь и помину нет о прежних неза-
тейливых вечеринках. Куда девалась эта
веселая, смеющаяся искренним смехом моло-
дость при играх, гаданиях, пении, танце «под
звук фортепиано». Все жило, веселилось.
А как молодежь восхищалась пьесами, их испол-
нением! Старики хлопотали о закусках и чего
только не наставят на стол, и все домашнего
приготовления. Какие наливки, настойки, ши-
пучки, а за ужином обязательно гусь, в тор-
жественные дни подавалась индейка.

Через четыре дня приехал из Саратова
Миша Родольф, он привез письмо от Евге-
ния, в котором он писал, что многие из сара-
товской труппы уехали, а иные не согласи-
лись вступать в товарищество и предлагали
себя на жалованье. Он пригласил Родольфа,
Григорьева, 12 человек музыкантов с дири-
жером, Матвеем Андреевичем Шурмановым.

Впоследствии Матвей Андреевич прослу-
жил в моих труппах слишком 25 лет, у меня
же и скончался. Этот человек был предан
своему делу до фанатизма. М. А. был из кре-
постных дворовых музыкантов. Во все время
моей службы в саратовском театре все вни-
мание было обращено на братьев Шурмано-
вых: старший, Николай, природный талант,
скрипач, любимец публики, он же дирижиро-
вал водевилями; младший, Матвей, очень
скромный, худощавый, рыжеватенький, с писк-

ливым голосом, играл скрипку-альт. Николай саратовское купечество для поощрения искусства спонсорил и он сделался горьким пьяницей, играл в кабаке за шкалик водки для пьяной толпы. Там и кончил свои дни, играя Бетховена, за косушку камаринского. Он перестал являться на службу. Не зная, кем его заменить, как водевильного дирижера, распорядители сцены были в затруднении. Тогда я указал на скромного Матвея Андреевича. Сконфузившись, он робко принялся за дирижерство. Матюша, как мы его звали, был в продолжении 25 лет моим лучшим помощником.

Прочтя письмо, я задумался. С таким малым персоналом дело начать нельзя. Надо было искать актеров, в особенности на вторые роли. Репертуар сезона мною был приблизительно составлен, по нем я видел необходимость добавления труппы, а где их взять? К счастью, Миша Родольф служил прежде в Пензе, здесь женился и многих любителей знал лично. Вышеславцевы тоже указали мне на некоторых. Нечего делать, я с усердием принялся за пополнение труппы—из многих желающих я выбрал Маню Златопольскую (на 2-ые водевильные роли), Соню Юрасову (талантливая энтженю), на стариков—Юрасова, на молодые роли Загибалова и Дашкевич. Суфлер императорских московских театров Вася Петров. Он был в отставке и почему то

жил в Пензе. Это был хороший суфлер и оригинальный человек. Обожал московскую труппу. Бывало, на первой репетиции он непременно обратится с вопросом к актеру или актрисе: «какую рольку изволите играть?». — «Юсова!». — «Да-с, замычит он, — эту роль то играл Пров Михайлович! посмотрим... А вы-с? — обращаясь к другому, — в «Матросе», — «кого изволите играть?». — «Матроса», отвечает актер. «Отстаньте (это его любимая поговорка), ведь эту роль играл Михаил Семенович!» и т. д. Нельзя сказать, чтобы он нас ободрял своими замечаниями. Вася любил напиток. Во время антракта часто навещал буфет. Когда был в градусе, то позволял себе обращаться к незнакомым: «Послушайте? Угостите меня водкой». — «Подите вы к чорту!» — отрезал один из публики. «Отстаньте-с!», — сказал ему Вася обиженным тоном.

Исполнять трудные обязанности помощника режиссера мне предложил свои услуги когда то знаменитый казанский антрепренер Ефим Фомич Стрелков. Когда он прогорел (бедные российские антрепренеры! кого ни вспомнишь, все прогорели, а с ними и аз многогрешный), то поселился в Пензе, кормился любительскими спектаклями. Я Стрелкова пригласил. Нанял квартиру для общежития. Товарищество определилось; оно состояло из следующих лиц: Климовский, О. Я. Кли-

мовская, Медведев, Е. Г. Медведева, А. Ф. Гусева, Д. М. Озеров, Миша Родольф и А. Ф. Григорьев, итого восемь товарищей. На жаловании были 12 музыкантов, дирижер Шурманов и 10 персон, а всего 18.

На квартиру в общежитие прибавилось трое: Уланова, Петрова и Дашкевич. Со всеми новичками я проходил по два раза в день их роли по репертуару. Труда было много. Квартиру надо было меблировать. Всю обстановку я взял на прокат. Разная посуда, столовое белье, ножи — словом, все необходимое для жизни, было мною куплено. Нанял повара, двух горничных и судомойку.

Квартиру я взял, не считая кухни и большого коридора, из 10-ти комнат. Большой зал для общей трапезы, гостиная для приема гостей. Эта квартира стоила с отоплением 37 рублей в месяц. Прокат всей обстановки 25 рублей в месяц. Питание я давал следующее: с 9-ти до 10-ти часов чай, кофе — со всеми принадлежностями, в 9¹/₂ час. — холодная закуска, в 2¹/₂ часа — обед из четырех блюд, в 5 час. — чай. По окончании спектакля из двух блюд ужин. Кажется, можно быть сытым; ели вкусно, хорошо, и как это было все дешево и доступно! Репетиции назначались в 10¹/₂ часов, продолжались до 2-х часов. Все исполнялось аккуратно. Спектакли давались три раза в неделю, на святках и масленице по пять спектаклей.

В конце октября моя семья, все товарищество и оркестр приехали. Они были поражены удобством жилья, вся моя обстановка произвела на них самое отрадное впечатление. Действительно, до мелочей все было предусмотрено. Товарищество тут же единогласно просило меня быть режиссером и полным распорядителем. Несмотря на мои многосложные обязанности, это новшество — товарищество, придуманное мною, так меня занимало, что я не знал усталости.

Могу сказать смело, что я был душою предприятия. Мы усердно принялись за репетиции, с новичками я продолжал усиленно заниматься. В начале октября мы открыли сезон. По правде сказать, труппа неважная, но общее желание, усиленное занятие, строгая дисциплина на репетициях, спектаклях — репертуар составлялся по силам труппы, — сделали чудеса. Труппа нравилась, публика усердно посещала театр. Мы имели прекрасные сборы, заслужили уважение публики. Во многие лучшие дома города мы были приняты, нас приглашали на балы, обеды. В то время при кичливости дворянства это большая редкость. И. А. Кононов с нами прямо нянчился. Каких только удовольствий он для нас ни придумывал! Любимцами публики была моя семья, Родольф, а кумиром Е. И. Климовский. Он был в расцвете своего таланта

и действительно мог назваться первоклассным артистом. Его пением прямо восхищались. Бенефисы Климовского, мои, жены и Гусевой были переполнены публикой, — нам подносили подарки. По этой части в особенности везло мне, и от публики, и от постоянной посетительницы театров г-жи Хандженковой, богатой помещицы земли войска Донского: она в Пензе выдала свою дочь замуж за Кузьминского и гостила у детей. Вообразилось ей, что я необыкновенный актер, все, что я ни сыграю, ей казалось очаровательным. Как то у них, дурачась, я пропел романс (голос у меня всегда был рыжий и напоминал маменькиного кота), а г-жа Хандженкова искренно уверяла, что после моего пения она Тамберлика слушать не будет. Бог с ней! Надо полагать, психонатия и тогда себя проявляла. Я сердечно радовался, что мои мечты осуществлялись на деле. Товарищество наше тоже было довольно. Мой Евгений был дружен с актером из общества Вильде; вел с ним переписку и просил меня пригласить его Карлушу на гастроли. Как я ему ни доказывал, что это лишнее, что Вильде нам пригодится на будущий сезон, мои резоны не принимались. Я так любил Евгения, что согласился после святок пригласить Вильде ¹

¹ Вильде, К. Г. — служил в Московском Малом Театре. Занимался также несколько литерату-

на гастроли. Карл Густавович Вильде был красивый мужчина, с образованием, свободно говорил по немецки, английски и по французски. Актер был не талантливый, но умный; как человек, бог его знает, не знаешь, что про него сказать, да скажу прямо, что человек он был ловкий, для своей выгоды не пощадит ни друга, ни отца. Мудрено ли, что он заинтересовал собой пензенское общество и в скором времени был своим человеком в лучших домах города.

Мы, россияне — нация увлекающаяся и скоро идем на дружбу.

Мой Евгений простодушно мне говорил, что общество от его Карлуши в восторге и просит его на будущий сезон снять театр, что высшая публика его поддержит абонементом. «Давай ему бог счастья». Наконец, Вильде завел разговор со мной о том, что он на будущий сезон хочет снять с нас обузу товарищества, которое не так верно, как антреприза, что он думает составить блестящую труппу и просит меня с семейством участвовать в ней, предлагая нам троем 500 рублей в месяц и четыре полубенефиса в сезон. Как ни жалко мне было созданного, но видя, что г-н Вильде пустил глубокие корни в публике, что из товарищества, начирой. Был популярен в московских театральнo-литературных кружках.

ная с Евгения Климовского, все переходят к Вильде, я согласился на его предложения последним. Вильде не зевал, и на его абонемент подписались многие. Он поставил абонентам условие, чтобы ему из абонементных денег на формирование труппы и улучшение сдены по обстановочной части выдали 5 тысяч вперед. Абоненты согласились. Вильде сделал условие на театр с И. Н. Горстким. Но тот, как практичный человек, потребовал, чтоб я и Климовский поручились за Вильде за взятые им 5 тысяч из абонементных денег. Простодушный Евгений подписал ручательство. Горсткий обратился ко мне, я попросил прочитать условие Вильде. В условии мне не понравился один пункт, в котором сказано: «Если я, Вильде, по каким либо обстоятельствам не могу лично держать антрепризу пензенского театра, то ответственными лицами за меня являются мои поручители, которым в случае дефицита я обязан платить убытки, понесенные ими в антрепризе». Какова наивность! Я сказал Горсткому, что поручителем быть не согласен. И даже уговорю Климовского, чтоб и он не ручался. «Что вы говорите, Климовский подписал ручательство, он Вильде знает за честного человека». — «Ну, он его знает, а я не знаю», — ответил я. Сколько ни уговаривал я Евгения не ручаться, убедить не мог.

Окончили мы товарищеский сезон блестяще, на каждого товарища, за исключением всех расходов по жизни, пришлось разделить по 600 рублей. Чего лучше! Например я втроем заработал к посту 1800 рублей. В то время это считалось хорошими деньгами. После такой хорошей пробы товарищества, я предлагал артистам снять на лето саратовский летний театр Шехтеля. Они мялись и отказались. «П. М., на жалованьи лучше». Один Климовский пошел за мной и мы сняли театр Шехтеля. В конце второй недели великого поста, в распутицу, мы потянулись в Саратов, сказавши знакомым до свиданья. С грустью, со слезами на глазах, я простился с устроенным мною товарищеским гнездом. Все вспомнилось: занятие, дело, дружба. Верите ли, ни одной истории, ни одной ссоры, полное довольство и счастье. Прости, мое товарищество: в таком дружестве, как в Пензе, — оно больше не повторилось в моей жизни.

САРАТОВ

1863 г.

В конце второй недели великого поста, семейство мое с чадами и домочадцами из Пензы, на двух тройках, в возках, я отправил в Саратов под охраной брата Мити. Сам же по делам остался в Пензе и выехал в Саратов только в начале третьей недели великого поста. Мне нашелся попутчик, малоросс Михайло Михайлович (фамилии не помню). Он раньше служил в полиции, но потом вышел (по своему ли желанию или будучи уволен, не знаю). Узнавши, что я на лето снял театр в Саратове, он возымел желание получить место театрального кассира и решился на авось ехать в Саратов. Это был обрусевший сорокалетний хохол, со всеми признаками своей национальности, плотный, ленивый, с красным полным лицом, брюнет, с большой лысиной и с усами, спускающимися концами вниз. Словом, запорожец с картины Репина.

Под вечер мы выехали из Пензы. Пасха была поздняя, ехали в распутицу. Много

верст мне пришлось сделать, катаясь по грунтовым дорогам по матушке России в разные времена года. Несмотря на опасности для здоровья, даже жизни, я особенно любил путешествовать весной, чтобы любоваться пробуждением природы. Дороги испорчены, изрыты ухабами, выбоинами, тянутся бесконечные обозы, возчики и лошади измучены, — все это грустно — но зато природа оживает: с гор на подобие водопадов катится вода, под снегом струятся ручейки, маленькие реченки получают силу, наполняясь водой, в канавах под снегом тоже журчит вода; на полях кое где показываются земляные плешинки, — весеннее солнышко делает свое дело. При этом птицы весело чирикают и даже вороны и галки кричат и каркают как то радостно, оживленно. С вечера морозит. Все, что днем показывало признаки жизни, сковывается и ночью покрывается тонким льдом, хотя совсем жизнь не прекратилась, и вы слышите, как бы эхо, где то далекое журчанье; это вода под снегом и льдом взяла силу и ее не остановит мороз. В лесу идет ветерок и он слегка шумит; это не зимний или осенний холодный ветер, но в нем есть что то теплое, любящее, приятное. Я не мог спать в это время. Ямщик дремал, и как бы во сне приговаривал: «Ну, ну, соколики, двигайтесь!» — а соколики тоже дремлют, идут шагом,

так что «колокольчик дар Валдая, гудит уныло под дугой».

Под утро потянулись обозы... Мы все спали и проснулись, когда очутились чуть не в полынье. Я проснулся на голос ямщика: «Господи Иисусе! Никола батюшка! выручай, погибаем, тонем!». Часа два мы просидели в воде, до рассвета. На наше счастье шел обоз и мужички за три рубля еле-еле вытащили нас из пропасти. На станции обсушились, согрелись и поехали.

Двести верст от Пензы до Саратова мы ехали без малого трое суток. Семья доехала вполне благополучно. Я отдал визиты административным лицам, бывшим для меня новыми. Это была тяжелая година для России, год польского восстания; оно распространилось на многие русские губернии. Служащие поляки во внутренних губерниях массами направлялись в Польшу, как тогда выражались — «до лясу». Дурно ли, хорошо ли делали поляки, поступая так, во всяком случае их оправдывал патриотизм, но многие не понимали, почему из России бежали спасать Польшу? Их было не мало, не только зрелых людей, но и гимназисты бежали до лясу, в особенности в Саратове. Дело было серьезное. Наполеон III, как говорили, хотел вступить за Польшу. От всех сословий России пошли государю адреса с просьбой не отдавать Польшу. Патрио-

тизм охватил всех, даже раскольников. Правительство после растерянности приободрилось. Наш канцлер, князь Горчаков, по всем европейским дворам разослал свою знаменитую ноту. В это же время М. Н. Муравьев назначен был генерал-губернатором западных губерний. В начале 1863 г. сын М. Н. Муравьева был переведен из Рязанской губернии в Саратовскую губернатором; он с собой привез штат приближенных чиновников, из числа их полицеймейстера Михаила Александровича Попова. Мне, как антрепренеру театра, со всеми пришлось знакомиться. Сделав визиты им и знакомым театрам, я принялся за дело, т. е. приступил к условию с Ф. И. Шехтелем на аренду его летнего театра. Условия с Климовским были простые. Горе и радость мы делили пополам, несмотря на то, что по случаю восстания дела этого сезона были неважные, мы все таки в конце разделили с Климовским по тысяче рублей с чем то на каждого, при чем семьи наши получали определенное жалование. Я предлагал Климовскому распорядительную и режиссерскую часть делить пополам, чтобы неделю заведывал я, следующую он. Евгений отказался и просил меня одного вести дело. Бюджет труппы на три месяца, считая жалованье оркестру в 18 музыкантов, труппе и все расходы по театру, я сделал на четыре тысячи,

это в три месяца. Игнали пять, не менее четырех раз в неделю. Состав труппы почти тот же, что и в Пензе: с прибавлением Александры Антиповны Дубровиной и Любви Александровны Александровой - Дубровиной. Вновь приглашен был на разнохарактерные роли—тип провинциальной не только полезности, но и даровитости, Александр Яковлевич Дреер. Его амплуа—от Филатки до царя. Перед саратовским сезоном он служил в Костроме и показывал мне афишу, по которой он в один спектакль играл Гамлета пять действий и Льва Гурыча Синичкина, водевиль тоже в пяти действиях. Какой запас силы и здоровья нужно иметь актеру, чтобы сыграть это в один спектакль! Дреер года четыре служил у меня, в начале много было положено мною труда, чтобы отучить этого талантливого человека от утрировки. Но вместе с тем у него были превосходные роли. Репертуар—большей частью русская комедия и водевиль. Выдающийся успех имела пьеса Чернышева «Испорченная жизнь».

Брат Митя для большей практики уехал в Новгород, мой любимый дед К. И. Васильков, после хозяйства на нашей ферме, поступил опять в число актеров. Сезон шел тихо, мирно. Из числа моих знакомых был некто Фролов; это была артистическая натура с достоинствами и слабостями. Я его любил

и часто у него бывал. Он на Соборной площади (где в настоящее время построен театр Очкина) имел свой деревянный домишко, где была его фотография и типография.

Фролов имел большую семью, доходы же у него были малые, и он перебивался, что называется, с хлеба на квас. Это была хорошая, честная натура, которую неудержимо тянуло к деятельности. Он надумал издавать газету, носился с этой мечтой, как художник, объяснял мне восторженно всю пользу и все блага, которые принесет местная газета городу и Поволжью. Наконец все препятствия были сломлены, Фролову разрешили газету под названием «Саратовский листок». И что же? Это полезное хорошее предприятие саратовцами было встречено равнодушно, подписчиков было не более тридцати, о розничной продаже в России, особенно в провинции, в то время понятия не имели. Бывало, спрашиваешь:

— Что, подписались на «Саратовский листок»?

— Ну, вот еще, была нужда деньги то тратить! — был ответ.

— Да ведь всего три рубля в год!

— Да и три рубля деньги, что их зря то бросать!

Вообще, обыватель недоумевал, зачем нужна местная газета? Кто желает читать, ступай

в трактир, даром начитаешься, да еще какие газеты то, столичные, а не то что шута Фролова, ишь его выдумал! Бедный Фролов, бился, кажется, года два с равнодушием саратовцев, вошел в долги. Неудачи ослабили его энергию, он стал попивать. Я как то зашел к нему. Он, подвыпивши, рассказал мне свое положение и со слезами излил свое горе. Жалко мне стало хорошего человека.

Полицеймейстер М. А. Попов выглядел очень симпатичным, милым человеком. Я у него бывал не только по делам, но и запросто, что называется, чайку попить и по душе поговорить. Помимо того, что мы симпатизировали друг другу, оба мы до известной степени были и нужны друг другу: он мне, как полицейское начальство, а я ему, как общественный деятель, принятый в домах городских воротил и даже у губернатора.

Михаил Алекс. под видом добродушия и симпатичности был совсем не так прост, как казался с виду: он так себя ловко поставил, что обыватели его не забывали и хорошо помнили «и Онуфрия и Антона», но все было шито и крыто. Наружно он с семейством жил более, чем скромно, почему успел убедить многих в городе и начальство, что он неподкупен. Многие говорили: «этот простофиля не берет, да и не умеет». Как то в беседе со мной он запел арию о том, что

на казенное жалованье в его положении жить невозможно, семья, воспитание детей, он входит в долги, право, не знаешь, что делать: хоть бы частное какое дело взять, чтобы сводить концы с концами. Мне вспомнился Фролов, я уцепился за слова Попова и говорю, как бы шутя: «Голубчик, М. А., а что дадите, если я вам найду частное занятие, выгодное и прибавлю, — благородное». — «Что же это за занятие?» — «Купите у Фролова газету и будьте ее издателем». Попов расхохотался. «Покорно благодарю, вот так выгодное занятие, с Фролова хомут снять, да на себя надеть!» — «Да вы не смейтесь! Вы не Фролов, а саратовский полицеймейстер. Вас в городе любят домовладельцы и торговый класс. Вам стоит только деликатно предложить подписку на газету обывателям, и у вас с первого года явится не менее 5 тысяч подписчиков. Дело это хорошее, полезное, поверьте, только два года вы будете предлагать, а на третий публика сама будет проситься на подписку». — «Да, но скажут, что я, как полицеймейстер, насилую обывателя». — «Не беда, если и скажут, зато после вас вспомнят добрым словом. А как сказать об этом начальству, мне вас не учить, я отвечаю, что оно будет за вас». — «Нет, нет, П. М., мне это неудобно!».

На этом мы покончили наш разговор. Не прошло двух недель, как к нам в дом

явился квартальный с словесной просьбой от г-на полицеймейстера подписаться на «Саратовский листок». Я отправился к Фролову, он встретил меня радостно, рассказал, что он продал газету М. А. Попову и дела его поправились. Через месяц я имел удовольствие видеть в руках лабазников, лавочников газету «Саратовский листок». Мое предсказание сбылось; маленький листок с годами превратился в одну из лучших и доходнейших провинциальных газет, в особенности когда Попов продал ее за хорошую цену Горизонтову и Лебедеву ¹. М. А. Попов долгое время пробыл полицеймейстром Саратова. Много губернаторов при нем переменилось, а он все сидел на своем месте тихо и смирно. Когда же он почувствовал себя вполне обеспеченным, он подал в отставку и благополучно жил в том же Саратове, попрежнему тихо и смирно—это был его девиз.

В середине сезона все приглашенные К. Г. Вильде в Пензу стали обнаруживать живой интерес к нашему антрепренеру. Известий от него не было. В мае я прочел

¹ «Саратовский листок» существовал до самой революции и считался одной из самых распространенных и дельных провинциальных газет. В частности, в газете была хорошо поставлена театральная часть. Из театральных рецензентов газеты отметим С. Гусева и К. Сараханова.

в газетах, что Вильде дебютировал в Москве в Малом театре; на мой вопрос Евгению, что это значит, — он ответил равнодушно: «Отчего же Карлуше не дебютировать, не показать Москве свой талант, ему это пригодится в будущем». Я удовольствовался ответом, но сердце почуяло недоброе. В половине июня Климовский мне сказал, что Карлушу дирекция пригласила на службу на первый оклад и он не может быть в Пензе. Как антрепренер, его заменит он, Климовский, и всю ответственность перед труппой берет на себя. Я развел руками. «Что же Вильде возвратил тебе собранный им абонемент в пять тысяч рублей?» Евгений замаялся: «Нет, еще не возвратил, но Карлуша настолько честный человек, что я не сомневаюсь, что он возвратит». — «Ну, что же, давай тебе бог счастья, я и моя семья будем с удовольствием служить под твоим началом, не сомневаюсь, что и труппа скажет то же, что и я». Поступок Вильде на всех произвел неприятное впечатление. Все жалели бедного Климовского, зная его за бесхарактерного, хотя вполне честного человека, предвидели, что ему с делом не справиться, тем более, что ресурс в пять тысяч находился у Вильде. Климовского настолько уважали, что виду не подали в своих сомнениях. Напротив, все решили поддержать доверчивого товарища.

В начале июля по Саратову разнеслась весть, что 12-го июля Саратов посетит наследник цесаревич Николай Александрович и проживет в городе трое суток. Постепенно движение, суматоха и сутолока в городе увеличивались. Я люблю смотреть, как сонное царство пробуждается. В обыкновенное время этот большой город, и тогда с населением в 70 тысяч, изображал из себя пустыню или место, где сильно свирепствовала холера и много унесла жертв. На улицах редко попадались прохожие, гостинный двор пустовал, ставни в домах от солнца закрыты, на улице пыль, мошकारа, попадаются люди в сетках от них, пахнет гвоздичным маслом или скипидаром (это спасение от мошकारы). Извозчики в своих тарангасах спят, только торговки подсолнечным семенем и ягодами оживляют спящий город своим пронзительным выкрикиванием: «Ягоды! ягоды!» И что же? С 10-го июля все перерождается, весь город красится, развалившиеся хибарушки и заборы тоже красят: бабы домашним способом разводят охру, мел, помелом и вениками, взамен кистей, окрашивают домишки и заборы. Малыры работают во всю. Торговые вывески переписываются. Полиция приказывает снять вывеску: «Иванов портной из Парижа», а она висела десятки лет. Мостовые чинят, немощенные улицы ровняют, мусор убирают,

плотники воздвигают величественные триумфальные ворота, арки.

Полиция суетится, ругается и обязательно дерется. Городовым делается репетиция, чтобы они поспевали всюду, где повезут е. и. в. Чтобы е. в. видел, что полиции в городе много—для этого она должна перебегать ближайшими переулками. Их одевают в новые с иголки мундиры и прочие принадлежности, выдаются белые перчатки—каково!—мы их видели грязными, рванными и вдруг такое превращение! Не узнаем, наши ли это, не прислали ли этих из Петербурга? С пожарными тоже перерождение: бочки, лестницы — все выкрашено. Гарнизонные солдаты тоже приварились; у них ученье, смотры, командиры, командуя, как то особенно дико басят, на ученьях бьют в барабаны, трубят, появляются флаги. Губернское начальство, чиновничество бесцельно едут и блуждают по городу: лица у них растерянные и на них как бы написано: «вдруг спросит, а кто здесь судья?» Театралы тоже бессмысленно суетятся. И. П. Зотов служил когда то в Семеновском полку, уволен с мундиром; бывая за кулисами, обращается чуть не к каждому, в том числе и ко мне: «Угадай, с кем цесаревич будет разговаривать!» Зная, чего ему хочется, я притворяюсь и говорю: «Вероятно с Афанасием Алексеевичем Столыпи-

ным». — «Нет!» отвечает Зотов, при чем по привычке, когда желает казаться умным, прищуривает левый глаз и прищелкивает языком. «С предводителем дворянства? продолжал я. — «Нет!» — «С архиереем?» — «Нет!» — «С кем же наконец? Я не знаю». — «Не догадался? Ах, ты! Со мной! Я — Семеновец!».

Делают репетицию лошадям, которые повезут цесаревича, чтобы не испугались и не понесли, для чего расставляют народ, арестантов, полицейских по обеим сторонам от пристани до собора: они кричат во все горло «ура! ура!» — посредине едет коляска и в ней квартальный, изображающий особу е. и. в. Лествно!

Вот что творится в городах в ожидании высокого гостя. 12-го июля князь Щербатов прислал за мной и объявил, что цесаревич трое суток пробудет в городе, он думает предложить ему посещение театра, и чтобы я приготовил хороших три спектакля. Я был молод, непрактичен; при том вся сутолока в городе и царящий страх ожидания так на меня подействовали, что я не столько обрадовался словам князя, а испугался и впал в уныние. Шутка сказать! — приготовить три спектакля. И для кого, — для наследника престола! Что я ему могу показать интересного? Чего он только не видал, каким талантам не аплодировал? Я не спал ночей, придумы-

вая пьесу для спектаклей. Наконец, репертуар составлен. Я выпустил афишу на три спектакля, не упоминая о посещении театра цесаревичем. И даже не повысил цен на места, как советовали мне другие. Касса была открыта для продажи билетов. Они в один день были распроданы на все три спектакля. Я принялся за отделку театра и ложи для е. и. в. Вспомнить стыдно, чего я только не напихал в ложу его высочества! Пропасть цветов, ламп, каких то неприличных статуй, картин (олеографий), кажется три зеркала, трюмо, два дивана и много ненужной мебели и ковров. Словом, я перещеголял город и полицию в глупости,—и все от усердия.

Хозяин сада Ф. И. Шехтель, тот в усердии, в свою очередь, перещеголял меня. Прискакал ко мне торжествующий и кричал: «Нашел, нашел! Удивлю, удивлю!» — «Что такое? — «Вы знаете, у меня здесь 25 верблюдов! Я ему покажу шествие верблюдов в пустыне Сахаре». Надо сказать, что почтенный Ф. И. имел страсть к верблюдам; он обожал этих животных вероятно потому, что несколько подходил к ним: хотя он был тщедушный маленький, но горбатенький. Я ему говорю: «Помилуйте, Ф. И., какая тут пустыня, у вас маленький сад; примножестве публики шествие из 25 верблюдов! Эти животные беспокойны,

они стеснят публику. Подумайте! хорошо ли это?» — «Нет, нет! Ш. М., не говорите, это будет превосходно».

Наступил торжественный для Саратова день, 18-го июля. Цесаревича ожидали на пароходе из Самары в 11 часов дня. Весь берег Волги по Саратову был занят народом. С утра цесаревич где то на пути остановился и приехал в Саратов в 7 часов. Колокольный звон и восторженное «ура» народа дали знать о его прибытии. Все свершилось благополучно, представление властей, неслышное трусливое слово городского головы с осетром, которого он чуть не уронил. С пристани е. и. в. проехал в собор. Мы были за костюмированы в 8 ч. Публика, переполнившая театр и сад, заняла места в театре. Мы ждали до 11 часов — цесаревича нет. Наконец, князь Щербатов прислал сказать, что е. в. сегодня в театре не будет, а собирается посетить нас завтра. Я почему то спектакль отменил и деньги публике возвратил. Девятнадцатого числа — обед для наследника в думе. За обедом князь спрашивает цесаревича не угодно ли ему сегодня посетить театр. Е. в. ответил: с удовольствием. На это преосвященный со слезами сказал: «Ах, как жаль, а я надеялся, что в. и. в. сегодня посетит всемогущую, которую я буду служить в храме Ильи пророка». После этого слезливого воз-

звания е. в. согласился простоять всю ночь, а мы опять ждали напрасно, и я, по глупости, опять отменил спектакль и возвратил публике деньги. Мне почему то казалось, что не нас публика хочет смотреть, а цесаревича. За что же я с нее деньги возьму?

20-го июля в четыре часа, князь Щербатов прислал чиновника особых поручений с уведомлением, что е. в. будет в театре. Но я уже потерял надежду. На третий спектакль назначена была «Провинциалка» Тургенева, и водевиль «На чужой каравай рта не разевай». Уже к началу публика наполнила сад и театр. Я в «Провинциалке» не играл и шлялся по саду. Решил в девять часов начать спектакль. По саду из театра дали звонок, публика пошла в театр; между ней было несколько офицеров. Мне особенно кинулся в глаза один молодой красавец, блондин, с голубыми глазами, с добрым выражением лица. Я невольно пошел за ним к входной двери. Слышу, билетер громко и резко спрашивает: «Ваш билет!». Тот, улыбаясь, ответил: «У меня нет билета, я гость», публика обернулась, узнала гостя, и в один миг дружно крикнула «ура!». «Провинциалка» была хорошо разыграна. В антракте цесаревич со свитой и князем Щербатовым вышли на террасу, примыкающую к театру, покурить. Шехтель не медлил: все свои затеи пустил в ход

сразу, песенники запели, плясуны заплясали, фейерверк затрещал, верблюды заревели и обрызгали публику, а потом стали ее давить. Поднялся крик, оханье и стовы! Цесаревича, действительно, это поразило и напугало. Князь Щербатов бедному Шехтелю сделал выговор.

31-го июля мы закончили спектакли. Я успел на будущее лето с Ф. И. Шехтелем возобновить контракт на тех же условиях, и стали собираться в Пензу, где сезон открывался 1-го сентября.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Араповы Ал. Н. и А. Н., 321. Авдеев, 95. Аверкович, 299 — 306, 308—312. Агреев, 229. Аграмов, 279, 281. Акимова, 170. Аксаков, 54. Акулина Дмитриевна, (тетка П. Н. Медведева). 25, 29, 108, 282 Александр II, 108, 168, 169. Александрова, 218, 227, 230, 242, 338. Александрова-Дубровина (см. Александрова). Александровский А. Н., 50, 59, 60, 82, 98. Александровский И. Н., 50, 74, 76, 82, 87, 98, 104, 117, 127. Александровские, 63, 65, 74—76, 97, 111. Алексеев, 39, 43. Алексеева, 40, 90. Альтаментов, 247, 270. Андрей Андреевич, 97, 103.	Анна Силовна (сестра П. М. Медведева), 29. Анненков, 128. Аршинина, 123. Афанасьев, 78. Баженов, 279. Бантышев, 119, 186, 188, 189, 221, 222, 224, 226—229, 232. Барсов, 128 — 130, 133, 187. Бегичев, 128. Бекетов, 321. Белинский, 17. Белоусов, 187. Берг, 132, 267, 271, 284, 285, 300, 306, 307. Бетховен, 326. Бобров, 232, 233. Боброва, 152, 154, 155, 162—165. Богданова, 32, 245—247. Борисоглебский, 259. Бороздина, 227. Боря, 270. Браво, Е., 76, 78, 81—83, 85, 98, 105, 106, 114, 126. Браво Н., 81, 82, 294, 297, 298.

Браво, О. Я., 127.
Браво Е. и Н., 89, 97,
110, 111, 124.
Бубнов, 32.
Бурбон (см. Вербидский).
Быстров, 156, 153.

Варенцов, 314.
Васильев, 18.
Васильев П. В. 2-й, 32,
37, 38, 40, 178.
Васильков К. И., 192, 236,
237, 242, 245, 248, 254,
256—259, 264, 269, 272,
288, 338.
Васильцевский, 30.
Васильчиков, 268.
Вебер, 170.
Вербидский, 97, 103.
Верстовский, 30, 38, 124.
Верони-Вест, 208.
Вильде, 330—332, 342, 343.
Виноградов, 132, 177, 285.
Виноградский, 233, 294,
297.
Владимиров, 177.
Волгин, 93.
Волховский, 53.
Вукотич, 189, 220—222,
224—227, 233, 235, 239.
Вышеславцев, 324.
Вышеславцевы, 324, 326.

Гаврилова, 165.
Гагельстром, 148, 150—
154, 158, 160, 162, 176,
188, 275.

Геденонов, 38.
Герасимов, 32.
Герино, 31.
Герцен, 128, 129.
Глазенап, 267, 271, 300,
301.
Глинская, 24.
Гоголь, 82, 324.
Головинский, 132, 194.
Гончаров, 270.
Горбунов, 129, 294.
Горбунова, 56.
Гарев-Тарасенко, 243, 278.
Горизонтов, 342.
Горсткин П. Н., 314—317,
321, 324, 332.
Горсткин Л. И., 317.
Горсткины, 319.
Горчаков, 233, 337.
Горький, 14.
Грибоедов, 228, 307.
Григорьев А. Ф., 233, 325,
328.
Григорьев Г. М., 171.
Григорьева, 32.
Громов, 279.
Грунэ, 154.
Губонин, 320.
Гумилевский, 54.
Гусев Г. Т., 219, 236,
249, 250.
Гусева А. Ф., 137, 138,
219, 231, 232, 241, 248,
249, 260, 265, 287, 328,
330.
Гусева Е. Г., 219, 227, 229,
231, 235—238, 242, 245.

Гусевы, 137, 218, 219, 227,
229, 231, 236, 237, 249.

Давыдов, 8, 19, 209, 210.

Давыдов Денис, 10.

Дараган, 58.

Дашкевич, 326, 328.

Дебуар, 277.

Ден, 280.

Дзужневский, 9.

Дмитриев, 99, 112, 116,
121, 124, 127.

Добровольский, 58.

Докучаев, 78, 92.

Домбровский, 41, 94.

Дорошенко, 276.

Достоевский, 270.

Дреер, 338.

Дружин, 250.

Дубровина, 218, 231, 232,
282, 338.

Дубровины, 218.

Дюков, 155.

Егорова, 32.

Ермолов И. А., 32.

Ермолов Н. А., 38.

Ермолова М. Н., 25, 38.

Ершов, 219.

Ершова Ф. Н., 219, 232.

Ершова Ю. А., 219.

Ершовы, 219, 227.

Живокيني, 44, 46, 49, 120,
232, 277, 306.

Журавский, 132.

Загибалов, 326.

Загорский, 180.

Загорянский, 288.

Загоскин, 321.

Залесский, 132, 137, 194,
257, 259.

Зеленев, 49—53, 58.

Златопольская, 326.

Зотов, 225, 235, 239, 240,
246, 247, 345, 346.

Иван, 162.

Иванов, Л. И., 32.

Иванов Н. И., 63, 74, 76—
80, 83—86, 88—91, 95,
96, 98, 99, 105—107,
109—113, 115—123,
125—127, 144—147, 154,
302.

Иван Степанович, 259,
263—265.

Игнатьев, 219, 240, 247.

Игнац, 171.

Иоганис, 136.

Иавос, 44.

Калита, 8.

Каменский, 136.

Караулова (см. Рослав-
ская).

Карпова, 32.

Катковский, 50.

Кетчер, 128, 129.

Кишенский, 319, 321.

Климовский, 124—127,
313, 316, 317, 319, 322,
323, 325, 327, 329—333,
337, 343.

Климовская, 327.

Коваленко, 242.
Коклен, 16.
Коленьи, 195.
Колосов, 92.
Колосова (см. Григорьева).
Колпакова А. И., 47, 55, 60.
Колпакова Е. И., 56, 60.
Колпакова М. И., 47, 56, 59.
Колюбакин, 276, 277.
Комиссаржевская, 19.
Кондратьев, 32.
Кононов, 318—321, 329.
Константин Николаевич, 168.
Королев, 129.
Корш, 23.
Корчагин, 44.
Косидкая (см. Никулина-Косидкая).
Кочетков, 54, 63, 70, 148, 152, 171, 186, 188, 189, 216, 223, 226, 227, 229, 230, 235, 275.
Красовский, 95.
Крашениников, 133.
Кротов К. С., 26, 28—30.
Кротов С. Л., 25, 26.
Кротова, 25, 29, 128, 129.
Кугель, 21, 27.
Кузминский, 330.
Кукольник, 99.
Куприянов, 322.

Лабаш, 129.
Лавров, 108.

Лаврова, 126, 127.
Ладыженский, 319, 321.
Лебедев, 342.
Лебедев В. М., 101.
Лебедева, 32.
Ленский, 119, 324.
Лентовский, 130.
Лесников, 266, 268, 299.
Линская, 231, 279—282.
Литавкина, 126.
Литвинова, 317.
Лобанов-Ростовский, 270.
Лукаччин, 98.
Львов, 172.

Майорова, 89, 126, 127.
Максимов, 63, 93, 135, 151—155, 157, 158, 162, 163, 165, 171—173, 176, 188, 275, 276, 278, 279.
Максимовы, 158, 276.
Марин, 43.
Мартынов, 18, 39, 160, 278.
Масленников, 256.
Медведев В., 282.
Медведев В. П., 272.
Медведев М. П., 293.
Медведев Н., 177.
Медведев П. М., 5—11, 15, 16, 18—20, 23, 24, 27, 40, 51, 76, 120, 153, 174, 175, 188, 196, 199, 203, 206, 214, 224, 251, 275, 302, 305, 309, 310, 312, 328, 333, 341, 348.
Медведев П. П., 24, 242, 272.

- Медведева Е. Г., 260, 328.
 Медведева Н. М., 25, 27, 128, 129, 248.
 Медведевы, 23, 247, 249.
 Миллер, 121, 242.
 Милославский, 132, 135, 136, 138—147, 181—185, 190, 243—245, 257.
 Милославская, 112, 116, 126, 127.
 Митя (бр. Медведева П. М.), 282, 292, 293, 302, 334, 338.
 Михайлов Н. А., 223.
 Михайло Михайлович, 334.
 Михайлов Ал-др, 218.
 Михайлов Ал., 218.
 Михайлов И. А., 218.
 Михайлов М. А., 218, 233.
 Михайлова Ел. А., 218.
 Михайлова Елиз. А., 218, 227.
 Михайлова Т. А., 218, 242.
 Михайловы Стрелковы, 217, 218.
 Миша, 65—68, 70—72.
 Молчанов, 252.
 Мотыльков, 227.
 Мочалов П. С., 18, 27, 229, 258, 259.
 Мочалов С., 27.
 Мочалова, 126.
 Мочалова-Фельдман, 229.
 Муравьев, 337.
 Наполеон I, 94.
 Наполеон III, 233, 336.
 Некрасова, 126, 270.
 Николасва, 243.
 Николай I, 108, 321.
 Николай Александрович, 344.
 Никулин, 45—49, 51—54, 56—62, 64.
 Никулина-Косицкая, 45—47, 56, 61, 62.
 Новиков И. Е., 238, 239, 247, 250, 251, 256, 260, 264—267, 287, 288, 293.
 Новиков Н. А., 154, 155.
 Новиков Н. И., 238, 243, 251, 252, 261, 285, 294.
 Новиков П. И., 238, 251, 264—266, 293, 294, 296, 298.
 Новиков Ф. И., 238.
 Новикова, 152.
 Новикова Е. П., 238, 239, 298.
 Новиковы, 238, 239, 247, 256, 259, 267.
 Обер, 36, 37.
 Оберский, 63, 70, 148, 151, 252, 156, 157, 166, 176, 175.
 Оберская Е. В., 151—153, 166, 170, 171, 176, 188, 275, 276, 278, 279, 281, 282.
 Огарев, 180.
 Оглоблин (см. Климовский).
 Озеров, 293, 328.

Островский, 17, 82, 101,
124, 128, 129, 232, 239,
260, 261, 263, 280, 284,
285.
Очкин, 339.

Павлова, 167—169, 171,
278, 281.

Павлов-Веревкин, 83—87,
99—101, 106, 112, 115—
118.

Панчулидзе, 136, 321.

Папков, 50, 59, 60.

Пастухов, 90.

Пахомыч, 106, 107.

Петров В., 326, 327.

Петров (см. Дебуар).

Петрова, 328.

Пино, 65.

Писарев, 6, 8.

Писемский, 263.

Пиунова (см. Пиунова-
Шмидгоф).

Пиунова-Шмидгоф, 191.

Полтавцев Е., 300.

Полтавцев К. Н., 116—
119, 186—188, 294, 295,
297, 298, 300, 306.

Полтавцева, 187.

Полтавцевы, 187, 188.

Попов, 221, 337, 340—342.

Полторацкий, 279.

Поль, 82, 112—114.

Поляков, 53.

Пономарев, 114.

Потехин, 106.

Пушкин, 243, 324.

Рассказов, 32, 36.

Рассохина, 129.

Репин, 334.

Родольф, 78, 117, 126, 325,
326, 328, 329.

Розанова, 89.

Ромашков Б. Ф., 256.

Ромашков (см. Рослав-
ский).

Рославский 256, 266.

Рославская Караулова.
256.

Русецкий, 154.

Сабурова, 317.

Савина, 8, 19.

Садовский, 15, 18, 46, 124,
128, 327.

Самарин, 129.

Самойлов, 99.

Самойлова, 227.

Сараханов, 342.

Сахаров, 123, 126.

Семен Ильич, 102, 103.

Сергей Сергеевич, 175.

Силин, 36, 37.

Скарятин, 194.

Славянский (см. Агренов).

Сметанин, 187.

Смирнов, 169, 172.

Смирнов В. А., 90, 91,
302.

Смольков, 180—183.

Соболева, 178.

Соколов, 32, 132, 194.

Соллогуб, 8.

Соловьев, 183—186.

Степанов А., 148, 150,
 153, 157, 163, 165, 166,
 171, 172, 278, 279, 282.
 Степанов С. П., 239, 248,
 251, 261.
 Степанова, 239, 246, 260.
 Степановы, 294.
 Столыпин А. А., 137, 233,
 241, 345.
 Столыпин Д. А., 222, 224,
 226, 227.
 Стрелков, 132.
 Стрелков Е. Ф., 327.
 Стрелкова, 181.
 Стрелковы (см. Михай-
 ловы-Стрелковы).
 Стрельский, 8.
 Стрепетова, 6, 8.
 Струве, 266.
 Студинский, 52, 53.
 Суворин, 95.
 Сумароков, 40.
 Суругин, 116.
 Сухово-Кобылин, 24.
 Сю, 172.
 Тамберлик, 330.
 Тарновский, 128.
 Тимирязев, 322.
 Толстой, 13.
 Тургенев, 263, 270, 349.
 Тютюшин, 268.
 Тютюшина, 262.
 Углев, 255.
 Уланова, 328.
 Унковский, 309, 310, 313.
 Урусов, 180.

Фельдман, 230, 232.
 Фельдманы, 229.
 Ферапонтов, 47, 49, 51, 61.
 Фет, 13.
 Филиппов, 124.
 Флобер, 5.
 Фридебург (см. Мило-
 славский).
 Фролов, 338—342.

Хандженкова, 330.
 Херувимов, 235.

Чекмарев, 233, 239—241,
 247.
 Челикин, 179.
 Чельшев, 187.
 Черневский, 32.
 Чернышев, 95, 338.
 Чернышевский, 270.
 Чертков, 276.
 Чистяков, 32.
 Чухлымов, 227.
 Чухлымова, 227.

Шаховской, 136, 217.
 Шекспир, 128, 294, 295.
 Шеланутин, 130.
 Шехтель, 240—242, 301,
 333, 337, 347, 349, 350.
 Шиллер, 158.
 Шкамарда, 167—169.
 Шмидгоф Е. К., 190.
 Шмидгоф К., 190.
 Шмидгоф Л. К., 191.
 Шмидгоф М. К., 190, 191.
 Шмидгоф И., 190.

- Шоу, 7.
Штейн, 132.
Шульд, 170.
Шумский, 119, 128, 278.
Шурманов М. А., 325, 326, 328.
Шурманов Н. А., 325, 326.
Шурмановы, 325.
Щепкин, 18, 26, 128, 179, 180, 327.
Щербатов, 241, 301, 308, 346, 348—350.
Щербин, 194.
Юматов, 321.
Юрасов, 326.
Юрасова 326.
Юргенс, 150, 172.
Ян, 151, 165.
Ярославцев, 285—292.
Ярцев, 27.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
О воспоминаниях П. М. Медведева. <i>А. Куцел</i>	5
Биографические сведения о П. М. Медведеве	24
Детство	26
Из школы в театр	41
Тула	48
Поход в город Могилев	63
Вышний-Волочек	75
В дороге	88
Кострома	97
Траур	108
Снова в Вышнем-Волочке	111
Тверь	116
Кострома (1855—1856)	122
Белый зал в трактире Барсова	128
Два года в Динабурге (Двинске)	148
Москва и Волга	177
Анекдотический губернатор	194
Два года службы в Саратове	216
Служба в Астрахани	249
Саратов, Воронеж, Курск, Камышин и Астрахань (1861—1862)	270
Саратовская антреприза Егора Николаевича Аверковича. Пензенское товарищество (1862—1863)	309
Саратов (1863)	334

Цена 1 р. 50 к.

24/2

« А С А Д Е М І А »

Ленинград, Пр. Володарского, 53-6. Телеф. 138-98.

Москва, Тверская, 26. Телеф. 5-45-13.